

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

БЛАГОРОДНЫЙ
ДОМ

Роман о Тонконе

Книга 1. НА КРАЮ ПРОПАСТИ

The Big Book

Джеймс Клавелл

**Благородный Дом.
Роман о Гонконге. Книга
1. На краю пропасти**

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Клавелл Д.

Благородный Дом. Роман о Гонконге. Книга 1. На краю пропасти / Д. Клавелл — «Азбука-Аттикус», 1981 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-13648-9

1963 год. Таинственный и романтический Гонконг – сердце Азии. Более ста лет назад Дирк Струан, создавший Благородный Дом, мечтал превратить пустынный остров в процветающую колонию и оттуда управлять Азией. И теперь здесь главную роль играют финансы, торговля, судоходство и большой бизнес. В руках Иэна Данросса, нынешнего главы Благородного Дома и блестящего бизнесмена, сосредоточена огромная власть, которую он использует, чтобы спасти компанию от финансового краха. Для этого все способы хороши: переговоры с американским миллионером, рискованная игра на бирже и даже взаимодействие с гонконгскими триадами. Во что бы то ни стало Иэн должен удержать компанию. И у него есть всего неделя...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13648-9

© Клавелл Д., 1981
© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

8 июня 1960 года	6
Воскресенье	17
Глава 1	17
Глава 2	30
Понедельник	34
Глава 3	34
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	67
Глава 7	84
Глава 8	111
Глава 9	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Джеймс Клавелл

Благородный Дом. Роман о Гонконге. Книга 1. На краю пропасти

Это произведение я хочу преподнести как дань уважения ее величеству королеве Великобритании Елизавете II, людям, живущим в колонии ее величества Гонконг, – и да расточатся враги их!

Конечно же, это роман. Имена персонажей и названия компаний в нем вымышлены и не имеют отношения к реальным людям или компаниям, составившим или составляющим часть Гонконга или Азии.

Я хочу также сразу принести извинения всем янь – всем людям Гонконга за то, что видоизменил их прекрасный город, вырвал отдельные эпизоды из контекста, придумал людей и место действия, названия улиц и компаний и все, что произошло. То, что, надеюсь, может показаться реальным, на самом деле никогда не существовало, потому что, честное слово, все вымышлено...

James Clavell
NOBLE HOUSE
Copyright © 1981 by James Clavell

© И. А. Егоров, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

8 июня 1960 года Пролог

23:45

Его звали Иэн Данросс. Пробиваясь на своем старом спортивном «эм-джи» сквозь стену тропического ливня, он осторожно свернул на углу Дирк-стрит, что идет вокруг Струан-билдинг на набережной. Ночь была темная и ветреная. На улицах колонии – и здесь, на острове Гонконг, и в Коулуне,¹ на другой стороне бухты, и на Новых Территориях,² части материкового Китая, – почти никого. Все задрало в ожидании тайфуна «Мэри». В сумерках на мачту подняли предупредительный сигнал «номер девять»,³ и ураган, который бесчинствовал в тысячах миль к югу, уже давал знать о себе порывами ветра, налетавшими со скоростью от восьмидесяти до ста узлов. Дождь хлестал почти горизонтально по крышам и склонам холмов, где в скопищах лачуг, построенных из подручного материала, ютились десятки тысяч беззащитных поселенцев.

Данросс притормозил. Впереди ничего не было видно. Стеклоочистители не справлялись с потоками дождя, а ветер терзал брезентовый верх машины и боковые стекла. Потом на какой-то миг ветровое стекло очистилось. Впереди, в конце Дирк-стрит, обозначилась Коннот-роуд и прайя – набережная. За ними виднелись волноломы и приземистая масса паромного терминала «Голден ферриз». Еще дальше, на просторе хорошо защищенной гавани, надежно укрытые, стояли на всех якорях полтысячи судов.

В отдалении припаркованную на береговой линии машину раздавила покинутая уличным торговцем палатка, которую буквально оторвало от земли и швырнуло на автомобиль порывом ветра. Затем и машину, и палатку понесло дальше, и они исчезли из виду. Сильные руки Данросса крепко сжимали руль. Его «эм-джи» то и дело сотрясался под порывами ветра. Хоть и не новый, он был в хорошем состоянии: мощный двигатель и безупречно работающие тормоза. Данросс чуть сбавил ход, ощущая ровное биение сердца, – милое дело этот шторм! – медленно заехал на тротуар вплотную к зданию, чтобы укрыться за ним, и вышел из машины.

Светловолосый и голубоглазый, в свои тридцать восемь он был сухощав и подтянут. Старый дождевик и кепи успели вымокнуть под дождем, пока он быстро шел по боковой улочке и сворачивал за угол, торопясь достичь главного входа в двадцатидвухэтажное здание. Над огромной дверью его встретил герб Струанов, на котором переплелись красный шотландский лев и зеленый китайский дракон.⁴ Собравшись с духом, он поднялся по широким ступеням и вошел.

– Добрый вечер, мистер Данросс, – приветствовал его швейцар-китаец.

– Тайбань⁵ посылал за мной.

¹ Коулун (кит. Цзюлун – букв. девять драконов) – полуостров на юге материковой части Гонконга. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Новые Территории (кит. Синьцзе) – часть территории Гонконга севернее полуострова Коулун и южнее реки Шэньчжэнь и близлежащие острова, переданные Китаем Великобритании в аренду на 99 лет в 1898 г.

³ Гонконгская обсерватория дает предупредительный сигнал о тропическом циклоне, когда его центр расположен в 800 км. Сигналы представляют собой набор цифр, символов и огней. В 1960-х гг. в различных точках Гонконга сигналы поднимали на мачтах 42 сигнальные станции. Сигнал № 9 предупреждал, что штормовой ветер усиливается или ожидается его значительное усиление.

⁴ Лев и дракон были частью герба Гонконга с 1959 по 1997 г.

⁵ Тайбань (дабань) – традиционное название иностранцев, возглавляющих крупные компании, которые торгуют с Китаем начиная с XIX в. То же, что и «тайпан» (tai-pan) в английской транскрипции, как передано это слово в переводе одноименного романа Клавелла.

– Да, сэр. – Швейцар нажал кнопку лифта.

Когда кабина остановилась, Данросс пересек небольшой холл, постучал и вошел в апартаменты на самом верхнем этаже.

– Добрый вечер, тайбань, – произнес он с холодной учтивостью.

Аластэр Струан, большой, румяный, седовласый, ухоженный шотландец с небольшим брюшком, стоял, прислонившись к изящному камину. Ему было за шестьдесят, и он управлял компанией «Струанз» уже шесть лет.

– Выпьешь? – Он указал на бутылку «Дом Периньон» в серебряном ведерке.

– Благодарю.

В личных покоях тайбаня Данросс был впервые. Со стен просторного зала, великолепно обставленного – китайская лаковая мебель, прекрасные ковры, – смотрели старые картины, изображавшие первые парусные клиперы и пароходы. Большие обзорные окна, через которые обычно был виден весь Гонконг, гавань и раскинувшийся за нею Коулун, теперь зияли чернотой с потеками дождя.

Данросс налил себе шампанского.

– Ваше здоровье, – церемонно произнес он.

Аластэр Струан кивнул и с прежней холодностью поднял в ответ свой бокал.

– Рановато ты.

– На пять минут раньше – значит вовремя, тайбань. Разве не это вдалбливал мне отец? Обязательно нужно было встречаться в полночь?

– Да. Так уж у нас заведено. Еще Дирком.

Потягивая вино, Данросс молча ждал. Громко тикали старые корабельные часы. Он не знал, что его ждет, и возбуждение росло. Над камином висел портрет молодой девушки в свадебном платье. Тесс Струан. Ей было шестнадцать, когда она стала женой Кулума, второго тайбаня, сына основателя компании Дирка Струана.

Данросс стал изучать картину. Окна вздрогнули от налетевшего шквала.

– Скверная ночь, – сказал он.

Старший родственник лишь бросил на него ненавидящий взгляд. Молчание затягивалось. И тут старые часы пробили восемь раз – полночь.

Раздался стук в дверь.

– Войдите, – с облегчением проговорил Аластэр Струан, обрадовавшись, что можно начинать.

Дверь открыл Лим Чу, личный слуга тайбаня. Он отошел в сторону, чтобы пропустить Филлипа Чэня, компрадора компании «Струанз», а затем закрыл за собой дверь.

– А, Филлип, ты, как всегда, вовремя. – Аластэр Струан старался казаться веселым. – Шампанского?

– Благодарю, тайбань. Да, спасибо. Добрый вечер, Иэн Струан Данросс. – Филлип Чэнь обратился к младшему по возрасту с необычной официальностью. По-английски он говорил как настоящий британский аристократ, хотя в его жилах текла и европейская, и азиатская кровь. Ему было около семидесяти. Сухощавый, больше похожий на китайца, чем на европейца, очень красивый. Седина, высокие скулы, белая кожа и темные, очень темные китайские глаза. – Жуткая ночь, верно?

– Действительно жуткая, Дядюшка Чэнь. – Данросс использовал это принятое у китайцев вежливое обращение к старшим, потому что уважал Филлипа в той же мере, в какой презирал своего кузена Аластэра.

– Говорят, тайфун будет страшный, – заметил Аластэр Струан, наливая шампанское в тонкие бокалы. Сначала он подал бокал Филлипу Чэню, а затем Данроссу. – Ваше здоровье!

Они выпили. Окна задребезжали под очередным шквалом.

– Какая удача, что в эту ночь я не в море, – задумчиво проговорил Аластэр Струан. – Ну что, Филлип, вот ты и опять здесь.

– Да, тайбань. Для меня это большая честь. Да, очень большая честь. – Он чувствовал напряжение между собеседниками, но не обращал на это внимания. Когда один тайбань Благородного Дома передает власть другому, разгул страстей – обычное дело.

Аластэр Струан сделал еще глоток, наслаждаясь вином. В конце концов он заговорил:

– Иэн, у нас заведено, что кто-то должен быть свидетелем смены тайбаней. Это всегда наш действующий компрадор, и только он. Филлип, какой это уже раз?

– Я был свидетелем четыре раза, тайбань.

– Филлип знает почти всех из нас. Ему известно слишком много наших секретов. А, дружище? – (Филлип Чэнь лишь улыбнулся.) – Положись на него, Иэн. Он дает мудрые советы. Ему можешь доверять.

«Насколько любой тайбань вообще может кому-то доверять», – мрачно подумал Данросс.

– Да, сэр.

Аластэр Струан поставил бокал.

– Первое: Иэн Струан Данросс, обращаюсь к тебе официально – желаешь ли ты стать тайбанем компании «Струанз»?

– Да, сэр.

– Клянешься ли ты Богом, что все, что мы сейчас будем делать, останется в тайне и не будет раскрыто никому, кроме того, кто придет тебе на смену?

– Да, сэр.

– Поклянись официально.

– Клянусь Богом, что все, что мы сейчас будем делать, останется в тайне и не будет раскрыто никому, кроме того, кто придет мне на смену.

– Вот, читай вслух. – Тайбань передал ему пожелтевший от времени пергамент.

Данросс взял документ. Почерк тонкий и неразборчивый, но читать можно. Он взглянул на дату – 15 июля 1841 года, – и его волнение возросло.

– Это писал Дирк Струан?

– Да. В основном. Кое-что добавил его сын, Кулум Струан. У нас, конечно, есть фотокопии на случай, если с ним что-то стряется. Читай!

– «Мое завещание накладывает обязательства на каждого наследующего мне тайбаня, и прежде, чем принять мое дело, он должен прочесть это завещание вслух и поклясться перед Богом в присутствии свидетелей – в соответствии с порядком, который установил я, Дирк Струан, основатель фирмы „Струан и компания“, – что принимает их и навсегда сохранит в тайне. Я требую этого, дабы увериться в угодной мне преемственности и дабы предвосхитить трудности, неизбежно ожидающие продолжателей моего дела из-за пролитой мною крови, моих долгов чести и непредсказуемости Китая, с которым мы неразрывно связаны и который, без сомнения, есть уникальное место на этой земле. Вот моя последняя воля и завещание.

Первое: одновременно в компании пребудет лишь один тайбань, и ему дана полная, абсолютная власть, он волен принимать всех остальных на работу и отстранять от нее, ему подчиняются все наши капитаны и все корабли и компании, где бы они ни находились. Тайбань всегда один, в этом его радость и боль. Никто не вправе вмешиваться в его личные дела, и все должны защищать его спину. Все его приказания надлежит выполнять, и образование любых комитетов, правлений или групп внутри компании в ограничение его абсолютной власти не допускается.

Второе: когда тайбань стоит на шканцах нашего корабля, он главнее даже капитана, и каждое его слово – закон, будь то боевой приказ или команда по управлению кораблем. До назначения на корабли все наши капитаны приносят клятву перед Богом.

Третье: тайбань выбирает себе преемника сам, но исключительно из шести членов внутреннего правления компании. Один из их числа является нашим компрадором, который всегда происходит из дома Чэнь. Остальные пятеро должны быть достойны звания тайбаня, то есть отличаться добропорядочным нравом и преданностью, провести по меньшей мере пять полных лет на службе компании в качестве торговцев с Китаем и быть здоровыми духом. Они должны исповедовать христианскую веру и состоять в родстве с кланом Струанов по рождению или браку. Моей линии или линии моего брата Робба предпочтения не отдавать, кроме тех случаев, когда претендент намного превосходит всех остальных по силе духа или личным качествам. Члены внутреннего правления могут выполнять обязанности советников тайбаня, если он того пожелает, но, повторяю еще раз, голос тайбаня почитается за семь против голоса каждого из них.

Четвертое: если тайбань сгинет в море, погибнет в бою или исчезнет на шесть лунных месяцев, не выбрав преемника, внутреннее правление выбирает в качестве такового одного из своих членов, у каждого при этом будет один голос, за исключением компрадора, голос которого почитается за четыре. После этого тайбань таким же образом приводится к присяге перед лицом своих товарищей. Проголосовавшие против него при открытом голосовании немедленно исключаются из компании навсегда без какой-либо компенсации.

Пятое: выборы во внутреннее правление или исключение из него проводятся исключительно по желанию тайбаня при удалении его на покой, которое произойдет тогда, когда он сообразовит это сделать. Он забирает себе не более десяти частей из каждой сотни всякой стоимости, за исключением наших кораблей, которые во всякое время исключаются из оценки. Наши корабли, их капитаны и их команды суть источник нашей жизненной силы и линия жизни на будущие времена.

Шестое: каждый тайбань утверждает выборы компрадора. До своего избрания компрадор подтверждает письменно, что может быть смещен в любой момент и никаких объяснений тому не потребует, что он уступит место другому, если тайбань того пожелает.

Последнее: тайбань приводит к присяге преемника, которого выбирает сам в присутствии компрадора и который присягает этими словами, записанными моею рукой в нашей семейной Библии, здесь, в Гонконге, в сей пятнадцатый день июля года тысяча восемьсот сорок первого от Рождества Господа нашего».

Данросс перевел дыхание.

– Подписано Дирком Струаном и засвидетельствовано – не разобрать иероглифы на печатке, сэр, они очень старинные.

Аластэр взглянул на Филлипа Чэня, который сказал:

– Первым свидетелем был приемный отец моего деда, Чэнь Шэнъин, наш первый компрадор. Вторым – моя двоюродная бабка Чжун Жэнь Мэй-мэй.⁶

– Значит, в легенде – все правда! – воскликнул Данросс.

– Кое в чем. Да, кое в чем, – добавил Филлип Чэнь. – Поговори с моей тетушкой Сарой. Теперь, когда ты станешь тайбанем, она раскроет тебе много тайн. Ей в этом году будет восемьдесят четыре. Она прекрасно помнит моего деда, сэра Гордона Чэня, Дункана и Кейт Чжун, детей Мэй-мэй от Дирка Струана. Да. Она много чего помнит...

⁶ Китайские слова и выражения, а также имена собственные по мере возможности приводятся к «путунхуа», общепринятому в КНР произношению, и передаются в традиционной русской транскрипции. Имена некоторых персонажей-китайцев, возможно знакомых читателю по роману «Тайпан» в переводе Е. А. Куприна, звучат иначе в силу использования переводчиком указанного романа русской транслитерации их английского произношения, основанного на южнокитайских диалектах.

Аластэр Струан подошел к лаковому бюро и с величайшей осторожностью взял в руки тяжелую потрепанную Библию. Он надел очки, и Данросс почувствовал, как встают дыбом волосы на шее.

– Повторяй за мной: «Я, Иэн Струан Данросс, родственник Струанов, христианской веры, клянусь пред Господом в присутствии Аластэра Маккензи Дункана Струана, девятого тайбаня, и Филлипа Чжун Шэн Чэня, четвертого компрадора, что во всем буду следовать завещанию, зачитанному мною вслух в их присутствии здесь, в Гонконге, что буду и далее крепить узы, связывающие компанию с Гонконгом и торговлей с Китаем, что, став тайбанем, не перенесу основной бизнес из Гонконга, что перед Богом принимаю на себя обещания, ответственность и слово чести джентльмена Дирка Струана, данное им его вечному другу по имени Чэнь-цзе Жэнь Ин, известному также как Жэнь-гуа, или его преемникам; кроме того, что при...»

– А что это за обещания?

– Ты клянешься перед Богом, вслепую, как и все тайбани до тебя! Очень скоро ты узнаешь, что тебе досталось в наследство.

– А если не поклянусь?

– Тебе известно, какой будет ответ!

Дождь стучал в окна так же сильно, казалось Данроссу, как колотилось в груди сердце, когда он осознал все безумие подобного бессрочного обязательства. Но он знал, что, если не примет его, тайбанем ему не быть, поэтому произнес необходимые слова, взяв на себя обязательства перед Богом, и продолжал повторять то, что зачитывалось вслух.

– «...кроме того, что приложу все силы и средства, чтобы сохранить за компанией неизменное положение Первого Дома, Благородного Дома Азии, я клянусь пред Богом, что совершу любое деяние, которое будет необходимо, чтобы одолеть, разорить и изгнать из Азии компанию под названием „Брок и сыновья“ и, в частности, моего врага, ее основателя, Тайлера Брока, его сына Моргана, их наследников или любую их линию родства, за единственным исключением Тесс Брок, жены моего сына Кулума, и ее потомства...» – Данросс опять остановился.

– Закончишь и можешь задавать какие угодно вопросы, – сказал Аластэр Струан. – Читай до конца!

– Хорошо. «Последнее: я клянусь перед Богом, что мой преемник в качестве тайбаня также присягнет перед Богом всему этому завещанию, и помогай мне Бог!»

Тишину теперь нарушал лишь хлеставший за окнами дождь. Данросс чувствовал, как по спине скатываются капли пота.

Аластэр Струан положил Библию и снял очки.

– Ну вот, свершилось. – Он нехотя протянул руку. – Хочу первым пожелать тебе всего доброго, тайбань. Можешь рассчитывать на меня во всем, чем смогу помочь.

– Для меня большая честь быть вторым, тайбань, – так же официально произнес Филлип Чэнь, слегка поклонившись.

– Благодарю вас. – Данросс весь оставался в напряжении.

– Думаю, нам нужно выпить, – изрек Аластэр Струан. – Я налью с твоего разрешения, – добавил он, обращаясь к Данроссу с неуместной напыщенностью. – Филлип?

– Да, тайбань. Я...

– Нет, теперь Иэн – тайбань. – Аластэр Струан разлил шампанское и подал бокал сначала Данроссу.

– Спасибо. – Данроссу были приятны поздравления, но он знал, что ничего не изменилось. – За Благородный Дом! – поднял он свой бокал.

Все выпили. Потом Аластэр Струан вынул конверт.

– Здесь мое заявление с просьбой об отставке – я оставляю все должности председателя совета директоров, управляющего директора и директора, общим числом более шестидесяти. Это происходит автоматически после ухода с поста тайбаня. Так же автоматически вместо меня назначаешься ты. По заведенному обычаю я становлюсь председателем совета директоров нашей дочерней компании в Лондоне. Но ты можешь отменить это в любое время, когда пожелаешь.

– Отменяю, – тут же заявил Данросс.

– Как скажешь, – пробормотал Аластэр, но шея у него побагровела.

– Думаю, ты принесешь «Струанз» больше пользы как заместитель председателя совета директоров Первого центрального банка Эдинбурга.

– Что? – метнул в него взгляд Струан.

– Это ведь одна из наших должностей, верно?

– Да, но почему именно эта?

– Мне потребуется помощь. В будущем году «Струанз» выставляет акции на продажу.

– Что?! – Оба в изумлении уставились на него.

– Мы выставляем свои ак...

– Мы частная компания уже сто тридцать два года! – прорычал старик. – Господи боже мой, я сто раз тебе твердил, что в этом и есть наша сила, когда нет никаких проклятых акционеров или чужаков, которые так и норовят сунуть нос в наши дела! – Он весь покраснелся и с трудом сдерживал гнев. – Ты что, никогда не слушал?

– Слушал все время. Очень внимательно, – проговорил Данросс без тени эмоций. – Мы сможем выжить, только выставив свои акции на продажу... Только так нам удастся получить необходимый капитал.

– Поговори с ним, Филлип. Пусть придет в себя.

– А как это повлияет на дом Чэнь? – спросил компрадор с нервной дрожью в голосе.

– С этой минуты наша официальная система компрадорства отменяется. – Данросс заметил, как лицо Филлипа Чэня покрылось бледностью, но продолжал: – У меня есть план для тебя – в письменном виде. Он ничего не меняет и в то же время меняет все. Официально ты остаешься компрадором, неофициально мы будем действовать по-другому. Самое главное изменение в том, что вместо одного миллиона в год через десять лет твоя доля принесет тебе двадцать, а через пятнадцать лет – тридцать миллионов.

– Но это невозможно! – взорвался Аластэр Струан.

– Наш собственный капитал на сегодня составляет около двадцати миллионов американских долларов. Через десять лет он возрастет до двухсот миллионов, а через пятнадцать, если все сложится удачно, – до четырехсот миллионов, и наш годовой оборот приблизится к миллиарду.

– Ты сошел с ума, – простонал Аластэр Струан.

– Нет. Благородный Дом станет международной компанией. Время, когда мы были только гонконгской торговой компанией, прошло навсегда.

– Бог мой, не забывай свою клятву! Мы – гонконгская компания!

– Не забуду. Далее: что за ответственность я унаследовал от Дирка Струана?

– Все в сейфе. В письменном виде в запечатанном конверте с пометкой «Завещание». Там же «Наставления будущим тайбаням», написанные Старой Каргой.

– Где сейф?

– За картиной в Большом Доме. В кабинете. Вон там, – Аластэр Струан с кислой миной указал на конверт рядом с часами на полке камина, – специальный ключ и комбинация шифра на сегодняшний день. Шифр ты, конечно, сменишь. На всякий случай положи бумагу с цифрами в банк, в одну из личных депозитных ячеек тайбаня. Один из двух ключей передай Филлипу.

– По нашим правилам, пока ты жив, банк не разрешит мне открывать их, – объяснил Филлип Чэнь.

– Далее: Тайлер Брок и его сыновья – это отродье уничтожено почти сто лет тому назад.

– Законная мужская линия – да. Но Дирк Струан был человек мстительный и продолжает мстить даже из могилы. Там же, в сейфе, есть уточненный на сегодняшний день список потомков Тайлера Брока. Занимательное чтение, правда, Филлип?

– Да-да, это точно.

– Семейство Ротвелл и Томм, Йедгар и его род, их ты знаешь. Но в списке есть еще Таскер, хотя он об этом не подозревает, Джейсон Пламм, лорд Депфорд-Смит и, самое главное, Квиллан Горнт.

– Не может быть!

– Горнт не только тайбань компании «Ротвелл-Горнт», нашего главного врага, он еще тайный прямой потомок Моргана Брока по мужской линии – прямой, хотя и незаконный.

– Но он всегда заявлял, что его прадед – Эдвард Горнт, торговец с Китаем из Америки.

– Он действительно потомок Эдварда Горнта. Но на самом деле отец Эдварда – сэр Морган Брок, а мать – Кристиан Горнт, американка из Вирджинии. Конечно, это хранилось в тайне: тогда в обществе прощали не больше, чем сейчас. Когда сэр Морган стал тайбанем компании Брок в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, он привез этого своего незаконнорожденного сына из Вирджинии, купил для него партнерство в старой американской торговой фирме «Ротвелл энд компани» в Шанхае, а затем он и Эдвард стали ждать благоприятного момента, чтобы разорить нас. Им это почти удалось: Кулум Струан погиб, конечно, из-за них. Но потом Лохлин и «Карга» Струан разорили сэра Моргана и привели к банкротству компанию «Брок и сыновья». Эдвард Горнт так и не простил нас. Его потомки тоже не простят. Бьюсь об заклад, что у них тоже есть договор с основателем их компании.

– А он знает, что нам это известно?

– Понятия не имею. Но он враг. Его генеалогия в сейфе вместе со всеми остальными. Обнаружил это мой прадед, совершенно случайно во время «боксерского восстания»⁷ в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Список интересный, Иэн, очень интересный. Один человек, в частности, интересен для тебя. Глава...

Сильнейший шквал вдруг сотряс все здание. На мраморном столике упала одна из старинных вещей слоновой кости. Филлип Чэнь нервным движением поднял ее. Все напряженно всматривались в окна, наблюдая, как тошнотворно кривятся их отражения, когда под порывами ветра выгибаются огромные стеклянные панели.

– Тайфун! – пробормотал Филлип. Пот каплями проступал у него на коже.

– Да.

Затаив дыхание, они ждали, когда кончится «ветер дьявола». Такие внезапные шквалы могли налететь случайно из любой части света, и скорость их иногда достигала ста пятидесяти узлов. Они сметали на своем пути все.

Шквал стих. Данросс подошел к барометру, проверил показания и постучал по нему. Девятьсот восемьдесят и три десятых.

– Продолжает падать, – проговорил он.

– Господи!

Прищурившись, Данросс посмотрел на окна. Струйки дождя текли по стеклам уже почти горизонтально.

– Завтра вечером должно встать в док наше судно – «Нетающее облако».

⁷ «Боксерское восстание» – восстание ихэтуаней (членов тайного общества Ихэцюань – «Кулак во имя гармонии и справедливости»), начавшееся в провинции Шаньдун в 1898 г. Подавлено в 1900 г. войсками «восьми объединенных держав»: Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России, США, Франции, Японии.

– Да, но сейчас оно, должно быть, где-то у берегов Филиппин. Капитан Моффатт – человек слишком осмотрительный, чтобы такое застигло его врасплох, – заявил Струан.

– Не скажи. Моффатт любит, чтобы все шло по графику. А этот тайфун вне графика. Ты... нужно было дать ему указание. – Данросс задумчиво тянул вино небольшими глотками. – Лучше бы «Нетающее облако» не попадало тайфуну в лапы.

– А что? – В голосе Данросса Филлип Чэнь почувал поднимающуюся ярость.

– У него на борту компьютер нового поколения и реактивных двигателей на два миллиона фунтов. Без страховки – по крайней мере, двигатели. – Данросс перевел взгляд на Аластэра Струана.

– Таковы были условия, – оправдываясь, заметил тот. – Или мы потеряли бы контракт. Двигатели идут в Кантон.⁸ Ты же знаешь, Филлип, мы не можем страховать их: они идут в красный Китай. – И раздраженно добавил: – Их... э-э... их владелец из Южной Америки, а на экспорт в Китай оттуда ограничений нет. И все равно никто не захотел страховать их.

– Я думал, новый компьютер поступит в марте, – произнес Филлип Чэнь после паузы.

– Так и должно было быть, – раздраженно бросил Аластэр, – но я постарался ускорить поставку.

– У кого документы на двигатели? – спросил Филлип Чэнь.

– У нас.

– Это очень большой риск, – озабоченно проговорил Филлип Чэнь. – Согласись, Иэн.

Данросс молчал.

– Таковы были условия, иначе мы потеряли бы этот контракт, – повторил Аластэр Струан с еще большим раздражением. – Для нас сейчас самое главное – удвоить наш капитал, Филлип. Нам нужны деньги. Но еще важнее то, что китайцам нужны двигатели: когда я в прошлом месяце был в Кантоне, они более чем недвусмысленно дали это понять. А нам нужен Китай – это они дали понять тоже.

– Да, но двенадцать миллионов, это... Слишком большой риск везти такой груз на одном судне, – настаивал Филлип Чэнь.

– Все, что мы можем сделать, чтобы перехватить бизнес у Советов, работает на нас, – сказал Данросс. – Кроме того, что сделано, то сделано. Ты, Аластэр, вроде говорил, что в списке есть кто-то, о ком я должен знать? Глава чего?

– Глава «Мальборо моторс».

– Ага, – протянул Данросс с неожиданным мрачным восторгом. – Уже столько лет точу зуб на этих типов. И на отца, и на сына.

– Я знаю.

– Значит, Никклины – потомки Тайлера Брока? Ну что ж, немного времени пройдет, прежде чем мы сможем вычеркнуть их из списка. Прекрасно, прекрасно. Им известно, что они в черном списке Дирка Струана?

– Не думаю.

– Тем лучше.

– Не согласен! Ты терпеть не можешь молодого Никклина, потому что он обошел тебя. – Аластэр Струан сердито ткнул пальцем в Данросса. – Пора тебе бросить это дело. Оставь все эти гонки по холмам и Гран-при Макао⁹ полупрофессионалам. У Никклинов больше времени, чтобы заниматься своими машинами, это их жизнь, а тебя теперь должны заботить другие гонки, более важные.

– В Макао одни любители, а в прошлом году эти гады сжульничали.

⁸ *Кантон* – традиционное английское название г. Гуанчжоу.

⁹ *Макао* (*кит.* Аомэнь – Врата в залив) – старейшая европейская колония в Китае, которой в XVI–XX вв. владели португальцы. Один из крупнейших в мире центров игорного бизнеса.

– Это не доказано – у тебя взорвался двигатель. Мало ли двигателей взрывается, Иэн. Это как повезет!

– С моей машиной кто-то поработал.

– Это тоже нужно доказать! Господи, и ты еще говоришь о плохой наследственности? В некоторых вещах ты такой же бестолковый, как сам Дирк Струан!

– Вот как?

– Да, и...

Филлип Чэнь быстро вмешался, желая покончить с царившей в комнате напряженностью:

– Если это так важно, позвольте я попробую выяснить истину. У меня есть свои источники. Мои китайские друзья узнают, должны узнать, замешаны ли в этом Том или молодой Дональд Никклин. Ну а если тайбань пожелает принять участие в гонках, это его право, – деликатно добавил он. – Не так ли, Аластэр?

Тот сдержал ярость, хотя шея у него оставалась багровой.

– Да-да, ты прав. И все же, Иэн, мой совет – бросить это дело. Они приложат еще больше стараний, чтобы добраться до тебя, потому что ваша неприязнь взаимна.

– Есть ли кто-нибудь еще, о ком я должен знать, – в списке?

Струан ответил не сразу:

– Нет, сейчас нет. – Он открыл вторую бутылку и стал разливать шампанское. – Что ж, теперь это все твое – и повеселишься, и попотеешь. Я рад, что передаю тебе дела. Как разберешься со всем, что есть в сейфе, сразу поймешь, что лучше и что хуже всего. – Он подал каждому бокал и отпил из своего. – Клянусь Господом Иисусом, это самое лучшее из всех французских вин.

– Да, – согласился Филлип Чэнь.

Данросс считал, что «Дом Периньон» не стоит тех денег, что за него просят, и такой высокой оценки не заслуживает, да и урожай пятьдесят четвертого года был не из самых удачных. Но он промолчал.

Струан подошел к барометру. Девятьсот семьдесят девять и две десятых.

– Похоже, тайфун идет серьезный. Ладно, дело не в этом. Иэн, у Клаудиа Чэнь есть папка для тебя по важным вопросам и полный список наших акций – с именами номинальных владельцев. Если будут вопросы, поторопись с ними до послезавтра: у меня билет в Лондон. Клаудиа ты, конечно, оставишь.

– Конечно. – Клаудиа Чэнь, исполнительный секретарь тайбаня и дальняя родственница Филлипа Чэня, была еще одним звеном, связывавшим, помимо компрадора, старого и нового тайбаня.

– А как насчет нашего банка – гонконгско-китайского банка «Виктория»? – Данросс задал этот вопрос с наслаждением. – Я не знаю точно, сколько у нас там акций.

– Это всегда знал лишь тайбань.

Данросс повернулся к Филлипу Чэню:

– А сколько у тебя на счетах, официально или через подставных лиц?

Ошеломленный компрадор медлил с ответом.

– В будущем я намерен использовать твои акции при голосовании вместе с нашими. – Данросс не сводил глаз с компрадора. – Я хочу знать, сколько их, сейчас, а завтра к полудню жду от тебя письменного подтверждения официальной передачи мне и последующим тайбаням бессрочной доверенности на голосование, а также права первого выбора акций, если ты когда-нибудь решишь их продать.

Молчание затягивалось.

– Иэн, – заговорил было Филлип Чэнь, – эти акции... – Но воля Данросса пошатнула его решимость. – Шесть процентов... немногим более шести процентов. Я... все будет так, как пожелаешь.

– Ты не пожалеешь об этом. – Данросс перенес внимание на Аластэра Струана, и сердце у того замерло. – Так сколько акций у нас? Сколько у подставных лиц?

Аластэр колебался.

– Это всегда знал лишь тайбань.

– Конечно. Но нашему компрадору нужно доверять, причем абсолютно. – Данросс пытался вернуть старику поправное достоинство, понимая, как тот переживает свое унижение в присутствии Аластэра Струана. – Сколько?

– Пятнадцать процентов, – выдавил из себя Струан.

Данросс, как и Филлип Чэнь, даже охнул. Ему хотелось закричать: «Господи Иисусе, у нас пятнадцать процентов, а у Филлипа еще шесть, и у тебя, черт побери, не хватило ума, чтобы использовать такой пакет, какого, вероятно, больше нет ни у кого, чтобы добиться для нас кредитов, когда мы почти разорены?»

Вместо этого он наклонился, разлил остатки вина по бокалам и за это время сумел успокоить бешено колотящееся сердце.

– Прекрасно, – невозмутимо, ровным тоном произнес он. – Надеюсь, теперь дела у нас пойдут лучше, чем когда-либо. – Он сделал глоток вина. – Я переносу особое собрание. На следующую неделю.

Оба собеседника внимательно смотрели на него. Несмотря на вражду, тайбани «Струанз», «Ротвелл-Горнт» и банка «Виктория» ежегодно начиная с 1880 года тайно встречались для обсуждения вопросов, которые влияли на будущее Гонконга и Азии.

– Они могут не согласиться на перенос собрания, – сказал Аластэр.

– Я позвонил всем сегодня утром. Оно состоится в следующий понедельник, в девять утра, здесь.

– Кто будет от банка?

– Заместитель главного управляющего Хэвегилл: старик в отпуске – сначала собирался в Японию, потом в Англию. – Лицо Данросса помрачнело. – Придется обойтись тем, что есть.

– Пол – парень ничего, – заявил Аластэр. – Он будет следующим главным управляющим.

– Не будет, если у меня получится, – парировал Данросс.

– Тебе никогда не нравился Пол Хэвегилл, да, Иэн? – спросил Филлип Чэнь.

– Да. Он слишком ограничен, слишком замкнут в пределах Гонконга, слишком отстал от времени и слишком напыщен.

– И он настраивал против тебя твоего отца.

– Да. Но это не главное, почему он должен уйти, Филлип. Он должен уйти, потому что стоит на пути Благородного Дома. Он слишком консервативен, недопустимо щедр по отношению к «Эйшн пропертиз» и, как я считаю, является тайным союзником «Ротвелл-Горнт».

– Не согласен, – сказал Аластэр.

– Знаю. Но нам нужны деньги, чтобы расширяться, и я намерен эти деньги достать. Так что я собираюсь использовать мой двадцать один процент очень серьезно.

Буря за окном усилилась, но они, похоже, этого не замечали.

– Не советую рассчитывать на банк «Виктория», – серьезно заявил Филлип.

– И я тоже, – поддержал Аластэр Струан.

– А я и не собираюсь. При условии, что со мной будет сотрудничать *мой* банк. – Какое-то время Данросс смотрел на дождевые струи. – Кстати, я пригласил на собрание и Джейсона Пламма.

– За каким чертом? – Шея Струана вновь побагровела.

– Между нами и его «Эйшн пропертиз» мы...

– Пламм в черном списке Дирка Струана, как ты его называешь, и на сто процентов наш противник.

– Из четырех ведущих гонконгских компаний решающий голос у нас... – Громкий телефонный звонок не дал ему договорить. Все посмотрели на телефон.

– Это теперь твой телефон, не мой, – мрачно буркнул Аластэр Струан.

Данросс снял трубку.

– Данросс. – Послушав немного, он произнес: – Нет, мистер Аластэр Струан покинул свой пост, теперь я тайбань «Струанз». Да. Иэн Данросс. Что в телексе? – Он снова стал слушать. – Да, благодарю вас.

Он положил трубку. Потом наконец нарушил тишину:

– Звонили из нашего офиса в Тайбэе.¹⁰ «Нетаящее облако» затонуло у северного побережья Формозы.¹¹ Они полагают, что судно пошло на дно со всем экипажем...

¹⁰ Тайбэй – столица Тайваня.

¹¹ Формоза (порт. Formosa – красивая) – старинное название острова Тайвань.

Воскресенье 18 августа 1963 года

Глава 1

20:45

Полицейский в легком тропическом костюме и белой рубашке с форменным галстуком стоял, опершись на угол стойки бюро информации, и незаметно наблюдал за высоким евразийцем. В ярко освещенном здании аэропорта было жарко. Влажный воздух полнился запахами. Как всегда галдящие толпы китайцев. Мужчины, женщины, дети, грудные младенцы. Подавляющее большинство – кантонцы. Другие азиаты, несколько европейцев.

– Суперинтэндент?

Мило улыбаясь, ему протягивала трубку девица из бюро информации.

– Вас, сэр. – Белоснежные зубы, темные волосы, темные миндалевидные глаза, прелестная золотистая кожа.

– Спасибо. – Он обратил внимание, что девица из Кантона и новенькая. Улыбка на самом деле ничего не значила, за ней не скрывалось ничего, кроме кантонского бесстыдства, но ему на это было наплевать. – Да, – сказал он в трубку.

– Суперинтэндент Армстронг? Это диспетчерская. «Янки-2» только что приземлился. По графику.

– По-прежнему шестнадцатый выход?

– Да. Он будет там через шесть минут.

– Спасибо. – Роберт Армстронг был мужчина немаленький. Он перегнулся через стойку и положил трубку. При этом отметил длинные ноги девицы, ее соблазнительные формы, подчеркнутые глянцевым, чересчур облегающим форменным *чунсамом*,¹² и попытался на секунду представить, какова она в постели. – Как тебя зовут? – спросил он, прекрасно зная, что никому из китайцев не хочется называть свое имя полицейскому, тем более европейцу.

– Мона Лян, сэр.

– Спасибо, Мона Лян. – Он кивнул, не отрывая от нее бледно-голубых глаз, и заметил, что она почувствовала его взгляд и слегка поежилась. Это было приятно. Он ухмыльнулся и снова переключил внимание на того, за кем следил.

Евразиец, Джон Чэнь, стоял у одного из выходов без сопровождающих, и это было удивительно. Удивительно было и то, что он нервничал. Обычно Джон Чэнь сохранял полную невозмутимость, а теперь поминутно поглядывал то на свои часы, то на табло ПРИБЫТИЕ, потом снова на часы.

«Еще минута – и начнем», – подумал Армстронг.

Он потянулся было в карман за сигаретой, но вспомнил, что бросил курить две недели назад в качестве подарка на день рождения жены. Поэтому лишь коротко выругался и засунул руки еще глубже в карманы.

Вокруг бюро информации носились и толкались неугомонные пассажиры и встречающие. Они то уходили, то возвращались, громко спрашивая, где и когда, как и почему и

¹² *Чунсам* (чаншань) – традиционное платье китайских женщин, образцом для которого послужил ципао, свободный маньчжурский женский наряд прямого покроя. Он скрывал фигуру, и его носили в любом возрасте. Современный *чунсам* – изящный, облегающий фигуру, с высоким разрезом – появился в начале XX в. в Шанхае.

снова где на самых различных диалектах. Кантонский он понимал хорошо. Немного знал шанхайский и северный пекинский.¹³ Несколько выражений и большую часть ругательств на диалекте чаочжоу. Чуть-чуть тайваньского.

Он уже шел от стойки легкой походкой спортсмена – на голову выше всех в толпе, крупный, широкоплечий. Он отслужил в полиции Гонконга семнадцать лет и теперь возглавлял Си-ай-ди – департамент уголовного розыска – района Коулун.

– Добрый вечер, Джон, – сказал он. – Как дела?

– О, привет, Роберт. – Джон Чэнь мгновенно насторожился. По-английски он говорил с американским акцентом. – Все замечательно, спасибо. А у тебя?

– Прекрасно. Ваш человек в аэропорту сообщил в паспортный контроль, что ты встречаешь какой-то особый самолет. Чартерный – «Янки-2».

– Да, но это не чартер. Этот самолет частный. Принадлежит Линкольну Бартлетту, американскому миллионеру.

– Он сам на борту? – спросил Армстронг, хотя знал ответ.

– Да.

– Его кто-нибудь сопровождает?

– Только исполнительный вице-президент, который делает за него всю черновую работу.

– Господин Бартлетт – твой приятель? – «Знаю, что нет».

– Гость. Мы надеемся, что будем вести с ним бизнес.

– Вот как? Ну что ж, его самолет только что приземлился. Может, пройдешь со мной? Я избавлю тебя от всех этих бюрократических проволочек. Это то небольшое, что мы можем сделать для Благородного Дома, не так ли?

– Спасибо за хлопоты.

– Да какие это хлопоты. – Армстронг провел Чэня через боковую дверь в загородке зоны таможенного досмотра. Заметив Армстронга, полицейские в форме моментально отдавали честь и задумчиво смотрели на Джона Чэня, которого тут же узнавали.

– Это имя – Линкольн Бартлетт, – продолжал Армстронг с деланой веселостью, – ничего мне не говорит. Или должно говорить?

– Нет, не должно, если ты не в бизнесе, – сказал Джон Чэнь, а потом продолжал нервно и быстро: – У него есть кличка – Рейдер, Налетчик. Его так прозвали за успехи в части недружественных слияний и поглощения других компаний, в большинстве случаев гораздо более крупных, чем его собственная. Интересная личность – я встретил его в Нью-Йорке в прошлом году. Валовая прибыль его многопрофильной корпорации составляет почти полмиллиарда долларов в год. По его словам, он начал в сорок пятом, одолжив две тысячи долларов. Теперь занимается нефтехимической промышленностью, тяжелым машиностроением, электроникой, ракетами. Имеет много заказов от правительства США: пенопласт, продукция из полиуретановой пены, удобрения. У него даже есть компания по производству и продаже лыж и спортивных товаров. Название корпорации – «Пар-Кон индастриз». Что ни назови, все у него есть.

– Я думал, что всем уже завладела твоя компания.

– Не в Америке, – вежливо улыбнулся Джон Чэнь, – и это не моя компания. Я лишь мелкий акционер «Струанз», служащий.

– Но ты один из директоров и старший сын Благородного Дома Чэнь, а стало быть, станешь следующим компрадором. – По исторической традиции компрадор – бизнесмен китай-

¹³ В основе пекинского диалекта («мандарина») лежит фонетика большой группы диалектов Северного и Северо-Восточного Китая. В 1909 г. пекинский диалект был определен как «общенациональный язык» («гоюй»). В 1955 г. в КНР его название было изменено на «путунхуа» («общепринятая речь»). (Это изменение не было признано на Тайване.)

ского или евразийского происхождения – действовал как эксклюзивный посредник между европейским торговым домом и китайцами. Весь бизнес проходил через его руки, и в них оставалось понемногу от всего.

«Столько богатства, столько власти, – думал Армстронг, – и все же, если повезет, мы свалим тебя, как Шалтая-Болтая, и всю компанию „Струанз“ вместе с тобой. Господи, если это произойдет, будет такой скандал, что весь Гонконг разлетится на куски», – говорил он про себя, и его даже мутило от сладости предвкушения.

– Ты будешь компрадором, как твой отец, и дед, и прадед. Твой прадед был первым, да? Сэр Гордон Чэнь, компрадор великого Дирка Струана, который основал Благородный Дом и почти что, черт возьми, основал Гонконг.

– Нет. Компрадором Дирка был человек по имени Чэнь Шэн. Сэр Гордон Чэнь был компрадором сына Дирка, Кулума Струана.

– Они ведь были сводные братья, да?

– Да, если верить легенде.

– Ах да, легенды, ими мы и питаемся. Кулум Струан – еще одна легенда Гонконга. Но ведь сэр Гордон Чэнь тоже легенда. Везет тебе.

«Везет ли? – горько спросил себя Джон Чэнь. – Вести происхождение от незаконнорожденного сына шотландского пирата, торговца опиумом, распутного злого гения и убийцы, если некоторые из этих рассказов – правда, и кантонской певички, выкупленной из маленького грязного борделя, который до сих пор можно найти в одном из крошечных переулков Макао? Чтобы почти все в Гонконге – и китайцы, и европейцы – знали твою родословную и презирали тебя?»

– Какое там «везет», – проговорил он, стараясь внешне сохранять спокойствие. В темных волосах поблескивала седина, красивое лицо англосаксонского типа, хотя подбородок несколько безвольный, разрез темных глаз чуточку азиатский. Ему было сорок два. Легкий льняной костюм, как всегда безупречно сшитый, туфли от Эрме, часы «ролекс».

– Не согласен, – искренне возразил Армстронг. – Быть компрадором «Струанз», Благородного Дома Азии... это что-то. В этом есть нечто особенное.

– Да уж, особенное, это точно. – Джон Чэнь проговорил это со всей определенностью.

С тех пор как он себя помнил, родовое наследие приводило его в бешенство. Он постоянно чувствовал на себе испытующие взгляды – старший сын, следующий в роду, – ощущал кожей жадность и зависть, которым не виделось конца. Из-за этого он жил в неизбывном страхе, как ни пытался его превозмочь. Он никогда не испытывал ни малейшей потребности хотя бы в толике этой власти или этой ответственности. Не далее как вчера у него произошла еще одна ужасная ссора с отцом, хуже еще не было.

– Мне не нужно ничего от «Струанз»! – кричал он. – В сотый раз говорю тебе, я хочу уехать к чертовой матери из Гонконга, хочу вернуться в Штаты, хочу жить своей собственной жизнью, своим умом!

– А я повторяю тебе в тысячный раз, послушай меня. Я послал тебя в Аме...

– Давай я буду заниматься нашими интересами в Америке, отец. Пожалуйста. Дел там более чем достаточно! Ты мог бы предоставить мне пару мил...

– *Айийя*, слушай меня! Мы зарабатываем деньги именно здесь, здесь, в Гонконге и в Азии! Я послал тебя учиться в Америку, чтобы подготовить семью к жизни в современном мире. Теперь ты готов, и твой долг перед сем...

– Отец, но ведь есть Ричард и молодой Кевин. Ричард разбирается в бизнесе в десять раз лучше меня и рвется в бой. Или взять дядю Джейм...

– Ты будешь делать, как я скажу! Милостивый Боже, ты же знаешь, что этот американец Бартлетт исключительно важен для нас. Нам нужны твои зна...

– ...дядю Джеймса или дядю Томаса. Дядя Джеймс подошел бы тебе лучше всех, это было бы лучше всего для семьи и луч...

– Ты мой старший сын. Ты будешь главой семьи и компрадором после меня!

– Не буду, клянусь Богом!

– Тогда не получишь больше ни медяка!

– И что это изменит! Мы все живем на жалкие подачки, что бы ни думали про нас другие! Сколько у тебя денег? Сколько миллионов? Пятьдесят? Семьдесят? Сто...

– Если ты сейчас же не извинишься и не прекратишь нести весь этот вздор, не прекратишь раз и навсегда, я лишу тебя наследства прямо сейчас! Прямо сейчас!

– Приношу свои извинения за то, что рассердил тебя, но я не изменюсь никогда! Никогда!

– Даю тебе время до моего дня рождения. Восемь дней. Восемь дней на то, чтобы стать помнящим о своем долге сыном. Это мое последнее слово. Если к моему дню рождения ты не станешь послушным, я навсегда отсеку тебя и твою линию с нашего древа! А теперь убирайся!..

От переживаний у Джона Чэня аж живот подвело. Он не выносил этих бесконечных ссор, когда отец багровел от злости, жена заливалась слезами, дети замирали от страха, а его мачеха, родные и двоюродные братья злорадствовали: все хотят, чтобы он убрался, все его сестры, большинство дядюшек и все их жены. «Зависть, жадность. Черт с ним и с ними со всеми! – думал он. – Однако отец прав насчет Бартлетта, хотя и не в том смысле. Нет. Этот человек для меня. И эта сделка. Одна эта сделка – и я свободен навсегда».

Они почти прошли длинный, ярко освещенный зал таможенного досмотра.

– Идешь на скачки в субботу? – спросил Джон Чэнь.

– А кто не идет?

За неделю до того, к вящему восторгу всего населения, могущественный Скаковой клуб, обладавший эксклюзивной монополией на скачки – единственная официально разрешенная форма азартных игр в колонии, – выпустил специальный бюллетень, в котором говорилось: «Несмотря на то что официально сезон в этом году открывается только 5 октября, с любезного дозволения нашего сиятельного губернатора, сэра Джеффри Эллисона, распорядители приняли решение провести в субботу 24 августа День специальных скачек для удовольствия местных жителей и в качестве поощрения им за усердный труд и стойкое перенесение тягот второй по размерам нанесенного ущерба засухи в нашей истории...»

– Я слышал, что у вас в пятом заезде идет Голден Леди, – сказал Армстронг.

– По словам тренера, у нее есть шанс. Подходи к ложе отца, выпьешь с нами. Я послушал бы твои советы. Ты же у нас великий игрок.

– Просто удачливый. В любом случае мои десять долларов не сравнить с твоими десятью тысячами.

– Но ведь такое случается, лишь когда участвует одна из наших лошадей. Прошлый сезон был просто провальным... Вот бы выиграть... Я знал бы, куда деть эти деньги.

– Я тоже. – «Господи, – подумал Армстронг, – как мне нужно выиграть. Но тебе, Джонни Чэнь, абсолютно наплевать, выиграешь ты десять либо сто тысяч или проиграешь». Он старался совладать с поднимающейся завистью. «Спокойно, – сказал он себе. – Жулики – это реальность бытия, и твоя работа – по возможности ловить их, как бы они ни были богаты и влиятельны, и довольствоваться своим паршивым жалованьем, в то время как на каждом углу денег можно накопить хоть отбавляй. Чего завидовать этому ублюдку? Он все равно попался, так или иначе». – Да, кстати, я послал констебля, чтобы он провел вашу машину через ворота. Она будет ждать тебя и твоих гостей у трапа самолета.

– О, вот здорово, спасибо. Прошу прощения, что доставил столько хлопот.

– Какие хлопоты... Так, чтобы поддержать престиж. Верно? Я понял, что для вас это, должно быть, весьма особый случай, если ты приехал встречать сам. – Армстронг не удержался, чтобы не подпустить еще одну шпильку. – Как я уже говорил, для Благородного Дома и похлопотать не грех.

С лица Джона Чэня не сходила та же вежливая улыбка, но про себя он грязно выругался по-американски. «Мы терпим тебя, потому что ты очень важный коп, который всем завидует, по уши в долгах, наверняка продажный и в лошадах не разбирается. Так тебя и так четыре раза. *Цзю ни ло мо*¹⁴ всех твоих родственников в прошлом и будущем». Джон Чэнь сказал это про себя, но постарался никоим образом не выдать, как непристойно он выбранился. Армстронга откровенно ненавидели все *янь* Гонконга, однако из многолетнего опыта Джон Чэнь знал, что по безжалостности, мстительности и хитроумию Армстронг не уступит любому грязному маньчжуру.¹⁵ Он дотронулся до половинки монеты, висевшей на шее на кожаном шнуре. Пальцы затряслись, когда Чэнь почувствовал металл через ткань рубашки. Он невольно содрогнулся.

– Что-нибудь случилось? – спросил Армстронг.

– Ничего. Правда, ничего. – «Возьми себя в руки».

Покинув зал таможенного досмотра, они попали в зону паспортного контроля. На улице было темно. Беспокойные толпы усталых людей нетерпеливо ждали в очередях, выстроившихся перед чиновниками паспортной службы в форме, которые с каменными лицами сидели за небольшими аккуратными столиками. Чиновники приветствовали Армстронга. Джон Чэнь чувствовал на себе их обшаривающие взгляды.

Как всегда, от пристального внимания подступила тошнота, хотя расспросы ему не грозили. У него на руках не просто второсортный гонконгский, а настоящий британский паспорт, а также американская «грин кард» для иностранцев – самое бесценное, чем он владел. С ней он мог свободно работать, развлекаться и жить в США, имея все привилегии коренного американца, кроме права на голосование. «Кому нужно это голосование?» – думал он, воззрившись в ответ на одного из чиновников, стараясь выглядеть молодцом, но все же чувствуя себя раздетым под пристальным взглядом.

– Суперинтендент? – Чиновник протягивал Армстронгу телефонную трубку. – Вас, сэр.

Глядя, как Армстронг возвращается, чтобы взять трубку, Джон Чэнь думал, каково это – быть полицейским, который может брать и брать взятки, да еще какие, и, – наверное, в миллионный раз – каково это – быть стопроцентным британцем или стопроцентным китайцем, а не евразийцем, которого презирают и те и другие.

Он видел, что Армстронг напряженно слушает, потом до него донеслось сквозь гул толпы: «Нет, просто задержите. Я займусь этим сам. Спасибо, Том».

– Прошу прощения, – извинился Армстронг, вернувшись, и пошел дальше мимо кордона паспортного контроля по небольшому коридору в ВИП-зал – чистый и просторный, с баром и прекрасным видом на аэропорт, город и залив. В зале никого не было, за исключением чиновника паспортной службы и таможенника. Один из людей Армстронга ждал у шестнадцатого выхода – стеклянных дверей, которые вели на залитый светом бетон. Было видно, как «Боинг-707» заруливает к своим стояночным отметкам.

– Добрый вечер, сержант Ли, – поприветствовал Армстронг. – Все готово?

– Да, сэр. «Янки-2» как раз выключает двигатели. – Сержант Ли снова отдал честь и открыл им двери.

Армстронг поднял глаза на Джона Чэня. Он знал, что ловушка почти захлопнулась.

¹⁴ Широко употребляемое китайское ругательство.

¹⁵ Традиционная неприязнь китайцев к маньчжурам – результат длительного правления последней императорской (маньчжурской) династии Цин (1644–1912).

– После вас.

– Спасибо. – И Джон Чэнь вышел из дверей на бетонное покрытие.

«Янки-2» возвышался над ними. Выключенные реактивные двигатели почти замерли и лишь глухо урчали. Команда наземного обслуживания подводила к самолету высокий самодвижущийся трап. Сквозь небольшие окна кабины виднелись тускло освещенные лица пилотов. В стороне, в тени, припарковался синий «роллс-ройс» модели «силвер клауд», принадлежавший Джону Чэню. Рядом с машиной стоял китаец-водитель в форме, а около него – полицейский.

Главная дверь в салон самолета открылась, и вышедший стюард в форме приветствовал двух служащих аэропорта, ожидавших на платформе трапа. Он передал одному из них сумку с полетными документами и таможенными декларациями, и завязалась приветливая беседа. Потом служащие замолчали. Почтительно. И вежливо отдали честь.

Девушка была высокого роста, энергичная, изящная американка.

– *Айийя!* – Армстронг даже тихо присвистнул.

– У Бартлетта неплохой вкус, – пробормотал Джон Чэнь, и сердце у него забилось быстрее.

Они смотрели, как девушка спускается по трапу, и каждый давал волю своим мужским мечтаниям.

– Как думаешь, она модель?

– Двигается как модель. Может, кинозвезда?

Джон Чэнь шагнул вперед:

– Добрый вечер, я – Джон Чэнь из компании «Струанз». Я встречаю мистера Бартлетта и мистера Чулука.

– О да, конечно, мистер Чэнь. Очень любезно с вашей стороны, особенно в воскресенье. Рада познакомиться. Я – Кей Си Чолок. Линк говорит, что если вы...

– Кейси Чулук? – изумленно уставился на нее Джон Чэнь. – Да?

– Да, – подтвердила она с милой улыбкой, любезно не обращая внимания на то, что ее имя произносят неправильно. – Дело в том, мистер Чэнь, что мои инициалы – Кей Си, поэтому меня и называют Кейси. – Она перевела взгляд на Армстронга. – Добрый вечер. Вы тоже из «Струанз»? – Голос у нее был мелодичный.

– О... э-э... прошу прощения, это... это суперинтендент Армстронг, – запинаясь, проговорил еще не успевший прийти в себя Джон Чэнь.

– Добрый вечер. – Армстронг отметил про себя, что вблизи она еще привлекательнее. – Добро пожаловать в Гонконг.

– Благодарю вас. Суперинтендент? Это полицейский чин? – Потом имя встало на свое место. – А, Армстронг. Роберт Армстронг? Начальник департамента уголовного розыска Коулуна?

Он скрыл удивление.

– Вы очень хорошо информированы, мисс Чолок.

– Стараюсь, – усмехнулась она. – Когда отправляешься туда, где еще не была, особенно в такое место, как Гонконг, нужно подготовиться... так что я просто попросила предоставить мне ваши списки на сегодняшний день.

– Мы не публикуем списков.

– Я знаю. Но правительство Гонконга выпускает официальный телефонный справочник, который за несколько пенни может купить любой. Я просто заказала себе один. Там есть все департаменты полиции – и начальники департаментов, с указанием их домашних телефонов, – а также все другие правительственные учреждения. Я получила этот справочник через гонконгский офис по связям с общественностью в Нью-Йорке.

– А кто возглавляет спецслужбу? – спросил он, чтобы проверить ее.

– Не знаю. Мне кажется, такого департамента там не было. Или он упоминается?

– Иногда.

– А вы всегда встречаете частные самолеты, суперинтендент? – слегка нахмурилась она.

– Только те, которые я хочу встретить, – улыбнулся он. – Только те, на борту которых симпатичные, хорошо информированные дамы.

– Что-нибудь не так? Какие-нибудь неприятности?

– О нет, обычная рутина. Аэропорт Кай-Так входит в мою зону ответственности, – непринужденно обронил Армстронг. – Можно взглянуть на ваш паспорт?

– Конечно. – Нахмурившись еще больше, она раскрыла сумочку и подала ему свой американский паспорт.

Накопленный с годами опыт позволил ему отметить малейшие детали. «Родилась в Провиденсе, штат Род-Айленд, 25 ноября 1936 года. Рост 5 футов 8 дюймов, волосы светлые, глаза карие. Паспорт действителен еще на два года. Двадцать шесть, надо же? Я бы сказал, что она моложе, хотя, если присмотреться, в глазах у нее что-то особенное».

С кажущейся бездумностью он небрежно листал страницы. Гонконгская виза на три месяца действующая, и с ней все в порядке. Десяток штампов о въезде и выезде: в основном Англия, Франция, Италия или Южная Америка. Кроме одной. СССР, от июля этого года. Семидневный визит. Он узнал московский штамп.

– Сержант Ли!

– Да, сэр.

– Поставьте здесь отметки, – приказал он, мимоходом улыбнувшись ей. – Все в порядке. Можете оставаться здесь, сколько вам будет нужно. Только по истечении трех месяцев зайдите в ближайший полицейский участок, и мы продлим визу.

– Большое спасибо.

– Надолго к нам?

– Будет зависеть от нашей сделки, – помолчав, объявила Кейси. – Она улыбнулась Джону Чэню. – Мы надеемся завязать здесь долговременные деловые отношения.

– Да, – откликнулся Джон Чэнь. – Э... мы тоже на это надеемся. – Он все еще был в полном замешательстве, голова шла кругом. «Ну конечно же, не может быть, чтобы Кейси Чолок была женщиной».

Позади них по трапу спустился крепко сложенный стюард Свен Свенсен с двумя сумками в руках.

– Вот, Кейси. Ты уверена, что этого достаточно на сегодня?

– Да. Конечно. Спасибо, Свен.

– Линк сказал, чтобы ты ехала. Тебе помочь пройти таможенно?

– Нет, спасибо. Нас любезно встретил мистер Джон Чэнь. А также суперинтендент Армстронг, начальник департамента уголовного розыска Коулуна.

– О'кей. – Свен на миг задержал на полицейском задумчивый взгляд. – Ну, я пошел.

– Все в порядке? – спросила она.

– Думаю, да, – расплылся в улыбке Свен. – Таможенники как раз проверяют наши запасы спиртного и сигарет.

Только для четырех вещей в колонии требовалась лицензия на импорт, только с них взималась таможенная пошлина: золото, спиртные напитки, табачные изделия и бензин. И только одно – помимо наркотиков – считалось контрабандой и было абсолютно запрещено к ввозу: любое огнестрельное оружие и боеприпасы.

– У нас на борту нет риса, суперинтендент, – улыбнулась Кейси Армстронгу. – Линк его не ест.

– В таком случае ему здесь несладко придется.

Она засмеялась и опять обернулась к Свенсену:

– До завтра. Спасибо.

– Утром, ровно в девять! – Свенсен направился обратно в самолет, а Кейси повернулась к Джону Чэню. – Линк сказал, чтобы мы его не ждали. Надеюсь, в этом нет ничего страшного?

– Э?..

– Едем? У нас заказаны номера в отеле «Виктория энд Альберт» в Коулуне. – Она взялась было за сумки, но их перехватил у нее материализовавшийся из темноты носильщик. – Линк приедет позже... или завтра.

Джон Чэнь даже рот раскрыл:

– Мистер Бартлетт не едет?

– Нет. Он хочет остаться на ночь в самолете, если сможет получить на это разрешение. Если нет, то приедет на такси. В любом случае он будет вместе с нами на ланче, как условлено. Ланч ведь состоится, да?

– О да, но... – Джону Чэню никак было не собраться с мыслями. – Значит, вы хотите отменить встречу в десять утра?

– О нет. Я буду на встрече, как и договорились. Присутствие Линка на этой встрече и не предполагалось. Речь ведь пойдет только о финансировании, а не о политике. Я уверена, что вы войдете в его положение. Линк очень устал, мистер Чэнь. Он только вчера вернулся из Европы. – Она обернулась к Армстронгу. – Командир корабля обратился в диспетчерскую с просьбой разрешить Линку поспать в самолете, суперинтендент. Те запросили паспортный контроль. Там сказали, что перезвонят, но я понимаю, что наша просьба все равно попадет по команде к вам. Мы, несомненно, будем признательны, если вы дадите добро. У него в последнее время действительно было очень много перелетов, да еще нужно учесть разницу во времени.

– Я поговорю с ним по этому поводу, – услышал свой голос Армстронг.

– О, спасибо. Большое спасибо. – Поблагодарив, она снова повернулась к Джону Чэню. – Извините за все это беспокойство, мистер Чэнь. Пойдемте?

Кейси и следовавший за ней носильщик направились было к шестнадцатому выходу, но Джон Чэнь указал на свой «роллс-ройс»:

– Нет, сюда, мисс Чу... э, Кейси.

Она широко открыла глаза:

– Таможню проходить не будем?

– Сегодня нет, – сказал Армстронг. Она ему нравилась. – Жест вежливости правительства ее величества.

– Я чувствую себя как прибывшая с визитом царственная особа.

– Это входит в наши обязанности.

Она села в машину. Приятный запах кожи. И роскошный салон. Тут она заметила, что носильщик устремился через ворота в здание аэропорта.

– А мой багаж?

– Не беспокойтесь, – раздраженно произнес Джон Чэнь. – Он будет в вашем номере раньше вас.

Армстронг придержал дверцу:

– Джон приехал на двух машинах. Одна – для вас с мистером Бартлеттом, другая – для багажа.

– На двух машинах?

– Конечно. Не забывайте, вы в Гонконге.

Он проводил «роллс-ройс» взглядом. «Везет Линку Бартлетту, – проговорил он про себя и рассеянно подумал: – Чем, интересно, она могла заинтересовать контрразведку – Эс-ай?»

– Просто встретьте самолет и лично просмотрите ее паспорт, – приказал ему директор Эс-ай сегодня утром. – И паспорт мистера Линкольна Бартлетта.

– Могу я спросить, с какой целью, сэр?

– Нет, Роберт, не можете. Вы уже в этом подразделении не работаете: у вас теперь милая, непьющая работенка в Коулуне. Просто синекура, а?

– Да, сэр.

– И, Роберт, будьте так добры, не завалите мне эту операцию сегодня вечером: там может быть замешано немало крупных имен. Мы предпринимаем массу усилий, чтобы вы, ребята, были в курсе того, чем занимаются эти мерзавцы.

– Да, сэр.

Армстронг вздохнул, поднимаясь по трапу вместе со следовавшим за ним сержантом Ли. «*Цзю ни ло мо* на всех старших офицеров и директора Эс-ай, в частности».

Один из таможенников ждал на верху трапа вместе со Свенсеном.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он. – На борту все в полном порядке. Пистолет тридцать восьмого калибра, при нем нераспечатанная коробка с сотней патронов как часть запасов корабля. Ракетница «Верей лайт». Также три охотничьих ружья и пистолет двенадцатого калибра с боеприпасами, которые принадлежат мистеру Бартлетту. Все занесено в декларацию, и я все осмотрел. В главном салоне есть шкаф для оружия, он на замке. Ключ у командира корабля.

– Хорошо.

– Я вам еще нужен, сэр?

– Нет, спасибо. – Армстронг взял декларацию и стал ее изучать. До черта вина, сигарет, табака, пива и крепких горячительных напитков. Десять ящиков «Дом Периньон» урожая пятьдесят девятого года, пятнадцать – «Пулиньи Монтраше» пятьдесят третьего года, девять – «Шато О-Брион» пятьдесят третьего года. – «Лафит Ротшильд» шестнадцатого года нет, мистер Свенсен? – спросил он с гадливой улыбкой.

– Нет, сэр, – улыбнулся во весь рот Свенсен. – Это был очень нехороший год. Но есть пол-ящика урожая двадцать третьего года. Это на следующей странице.

Армстронг перевернул страницу. Еще вина и сигары.

– Хорошо, – проговорил он. – Конечно, пока вы на земле, все будет в режиме таможенного хранения.

– Да, сэр. Я уже все запер, а ваш человек опечатал. Он сказал, что можно оставить в холодильнике упаковку из двенадцати банок пива.

– Если владелец хочет ввезти любое из этих вин, только дайте знать. Никакого шума и лишь небольшая контрибуция в нижний ящик ее величества.

– Как это, сэр? – Свенсен был озадачен.

– Э? О, это лишь английская игра слов. Речь идет о нижнем ящике комода, куда дама кладет вещи, которые понадобятся ей в будущем. Прошу прощения. Ваш паспорт, пожалуйста. – (Паспорт Свенсена был канадский.) – Благодарю.

– Могу я представить вас мистеру Бартлетту? Он ждет.

Свенсен повел его в самолет. Интерьер был элегантен и прост. Справа от небольшого коридорчика располагался салон с полудюжиной глубоких кожаных кресел и диваном. Дверь по центру отделяла его от хвостовой части самолета. В одном из кресел полудремала стюардесса, рядом с ней стояли ее дорожные сумки. Дверь слева вела в кабину пилотов. Она была открыта.

Командир и первый пилот сидели в своих креслах, они еще не закончили заполнять бумаги.

– Прошу прощения, капитан. Разрешите представить: суперинтендент Армстронг, – сказал Свенсен и отошел в сторону.

– Добрый вечер, суперинтендент, – поздоровался командир. – Я – капитан Джанелли, а это мой первый пилот Билл О’Рурк.

– Добрый вечер. Могу я взглянуть на ваши паспорта?

В обеих масса международных виз и отметок паспортного контроля. Ничего из-за «железного занавеса». Армстронг передал паспорта сержанту Ли, чтобы тот поставил штампы.

– Благодарю вас, капитан. Это ваш первый визит в Гонконг?

– Нет, сэр. Я был здесь пару раз, когда летал на «эр энд эр»¹⁶ во время Корейской войны. А еще в качестве первого пилота участвовал в шестимесячном перелете вокруг света, организованном компанией «Фар Истерн» в пятьдесят шестом году, во время беспорядков.

– Каких беспорядков? – спросил О’Рурк.

– Во всем Коулуне творилось бог знает что. Тысяч двести китайцев неожиданно начали буйствовать, бесчинствовать, поджигать. Копы – виноват, полицейские – терпеливо пытались утихомирить их, но, когда толпа стала убивать, вытащили пару пистолетов-пулеметов «стен», замочили полдюжины этих шутников, и все стихло очень быстро. Оружие здесь только у полиции, и это они здорово придумали. – Он повернулся к Армстронгу и добавил: – Считаю, что ваши парни славно сработали.

– Благодарю вас, капитан Джанелли. Откуда этот рейс?

– Из Лос-Анджелеса. У Линка – мистера Бартлетта – там главный офис.

– Вы летели по маршруту Гонолулу – Токио – Гонконг?

– Да, сэр.

– В Токио долго стояли?

Билл О’Рурк тут же полез в бортовой журнал.

– Два часа семнадцать минут. Садись только для дозаправки, сэр.

– Только чтобы выйти поразмяться?

– Выходил из самолета один я, – объявил Джанелли. – Я всегда проверяю механизмы, шасси и произвожу внешний осмотр везде, где садимся.

– Неплохая привычка, – вежливо прокомментировал полицейский. – Вы сюда надолго?

– Не знаю, как Линк скажет. На ночь остаемся точно. Мы на земле до четырнадцати ноль-ноль. Нам приказано просто быть готовыми лететь куда угодно в любой момент.

– У вас замечательный самолет, капитан. Вам разрешается оставаться здесь до четырнадцати ноль-ноль. Если понадобится продлить пребывание, вызовите до наступления этого времени службу наземного контроля. Когда будете готовы, пройдите таможенную через этот выход. И попрошу, чтобы весь экипаж прошел таможенный досмотр вместе.

– Конечно, вот только заправимся.

– Вы и экипаж в курсе, что ввоз любого огнестрельного оружия в колонию строго запрещен? Мы здесь, в Гонконге, относимся к оружию с большим беспокойством.

– Я тоже, суперинтендент, и не только здесь. Поэтому единственный ключ от шкафа с оружием у меня.

– Прекрасно. Если возникнут проблемы, прошу звонить мне в офис. – Армстронг вышел и направился в салон, следуя чуть позади Свенсена.

Джанелли наблюдал, как он проверяет паспорт у стюардессы. Она девчонка симпатичная, Дженни Поллард.

¹⁶ «Эр энд эр» – транспортные самолеты, перевозившие личный состав и раненых на отдых и лечение.

– Сукин сын, – пробормотал он, а потом спокойно добавил: – Что-то здесь не так.

– А?

– Где это видано, чтобы старшие офицеры уголовного розыска проверяли паспорта, черт возьми? Ты уверен, что у нас ничего такого нет?

– Уверен, черт возьми. Я всегда все проверяю. Даже запасы Свенсена. В вещах Линка – или Кейси, – конечно, не копаюсь, но они и не допустят глупостей.

– Я летаю с ним уже четыре года, и ни разу... Тем не менее что-то здесь не так, это точно. – Джанелли устало потянулся и устроился поудобнее в кресле пилота. – Господи, я не отказался бы от массажа и недели отдыха.

В салоне Армстронг передавал паспорт сержанту Ли, который поставил в нем отметку.

– Благодарю вас, мисс Поллард.

– Благодарю вас.

– Это весь экипаж, сэр, – сказал Свенсен. – Теперь мистер Бартлетт.

– Да, пожалуйста.

Свенсен постучал в центральную дверь и открыл ее, не ожидая ответа.

– Линк, познакомься, это суперинтендент Армстронг, – произнес он с непринужденной фамильярностью.

– Привет, – проговорил Линк Бартлетт, поднимаясь от стола и протягивая руку. – Могу я предложить вам выпить? Пива?

– Нет, спасибо. Чашку кофе, если можно.

Свенсен тут же направился на кухню:

– Сейчас принесу.

– Будьте как дома. Вот мой паспорт, – сказал Бартлетт. – Извините, я на минутку. – Он вернулся за печатную машинку и снова стал стучать по клавишам двумя пальцами.

Армстронг неторопливо рассматривал его. Песочные волосы, голубые с серым глаза, властное, симпатичное лицо. Худощавый. Спортивная рубашка и джинсы. Он пролистал паспорт. «Родился в Лос-Анджелесе 1 октября 1922 года. Молодо выглядит для своих сорока. Московские отметки, как и у Кейси Чолок, других поездок за „железный занавес“ не было».

Глаза Армстронга скользили по помещению. Оно было просторным, на всю ширину самолета. Короткий коридор по центру, ведущий в хвостовую часть, с двумя кабинами по обеим сторонам и двумя туалетами. А в конце последняя дверь – видимо, кабина хозяина.

Салон был оборудован как коммуникационный центр. Телетайп, международная телефонная связь, встроенные пишущие машинки. На переборке – часы с подсветкой, показывающие время по всему миру. Шкафы для документов, копировальный автомат и встроенный письменный стол с обтянутой кожей столешницей и грудой бумаг. Полки с книгами. Книги по налогообложению. Несколько изданий в мягкой обложке. Остальные – про генералов или написанные генералами. Десятки таких книг. Веллингтон, Наполеон, Паттон, «Крестовый поход в Европу» Эйзенхауэра, «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы...

– Пожалуйста, сэр, – донеслось до увлекшегося Армстронга.

– О, благодарю вас, Свенсен. – Он взял чашку с кофе и добавил немного сливок.

Свенсен поставил рядом с Бартлеттом открытую банку охлажденного пива, забрал пустую и ушел обратно на кухню, закрыв за собой дверь. Бартлетт перечитывал напечатанное, прихлебывая пиво из банки, потом нажал на кнопку вызова. Тут же появился Свенсен.

– Передай Джанелли, чтобы попросил диспетчерскую отослать вот это. – Свенсен кивнул и вышел. Бартлетт расправил плечи и повернулся в крутящемся кресле. – Прошу прощения, нужно было отправить это не откладывая.

– Ничего-ничего, мистер Бартлетт. Ваша просьба переночевать удовлетворена.

– Спасибо, большое спасибо. Свенсену тоже можно остаться? – Бартлетт ухмыльнулся. – Хозяин из меня никудышный.

– Хорошо. Как долго ваш самолет пробудет здесь?

– Это зависит от нашей завтрашней встречи, суперинтендент. Мы надеемся заключить сделку со «Струанз». Неделю, дней десять.

– В таком случае завтра вам нужно будет переставить самолет в другое место. У нас в шестнадцать ноль-ноль прибывает еще один ВИП-рейс. Я попросил капитана Джанелли позвонить в службу наземного контроля до четырнадцати ноль-ноль.

– Спасибо. А разве начальник департамента уголовного розыска Коулуна обычно занимается здесь вопросами перестановки?

Армстронг улыбнулся:

– Мне нравится, когда я знаю, что творится в моем подразделении. Утомительно, конечно, но я привык. К нам не так часто прилетают частные самолеты, да еще такие, которые встречает лично мистер Чэнь. Мы любим по возможности услужить. Компании «Струанз» принадлежит большая часть аэропорта, а Джон – мой приятель. Вы с ним давно дружите?

– Мы встречались в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, и он мне очень понравился. Послушайте, суперинтендент, этот самолет – мой комму... – Зазвонил один из телефонов. Бартлетт снял трубку. – О, привет, Чарли, что там в Нью-Йорке?.. Господи, да это здорово. Сколько?.. О'кей, Чарли, покупай весь пакет... Да, все двести тысяч акций... Конечно, первым делом с утра в понедельник, как только начнутся торги. Пошли мне подтверждение по телексу... – Бартлетт положил трубку и повернулся к Армстронгу. – Прошу прощения. Так вот, суперинтендент, этот самолет – мой коммуникационный центр, и я без него как без рук. Если мы задержимся на неделю, можно ли мне будет приходить сюда и уходить?

– Боюсь, это уж «как кости лягут», мистер Бартлетт.

– Это означает «да», «нет» или «может быть»?

– О, это жаргонное выражение, которое значит «непросто». Прошу прощения, но нашей службой безопасности в аэропорту Кай-Так введены особые порядки.

– Если вам придется поставить дополнительных людей, я с удовольствием заплачу.

– Это вопрос безопасности, мистер Бартлетт, а не денег. Телефонная система в Гонконге первоклассная, и вы это оцените. – «А контрразведке будет гораздо легче контролировать ваши звонки», – добавил он про себя.

– Ну, если вы сможете решить этот вопрос, я буду признателен.

Армстронг пил небольшими глотками свой кофе.

– Вы первый раз в Гонконге?

– Да, сэр. Первый раз в Азии. Самая дальняя точка, куда я забирался, – Гуадалканал,¹⁷ и было это в сорок третьем.

– Служили в армии?

– Служил, сержантом в инженерных войсках. Строительство. Чего мы только не строили: ангары, мосты, лагеря – все подряд. Здорово было. – Бартлетт отхлебнул из банки. – Точно не хотите выпить?

– Нет, спасибо. – Армстронг допил свою чашку и стал вставать. – Благодарю за кофе.

– А можно я задам вам один вопрос?

– Конечно.

– Что собой представляет Данросс? Иэн Данросс. Который возглавляет «Струанз».

– Тайбань? – Армстронг расхохотался. – Это смотря кого спросить, мистер Бартлетт. Вы с ним не знакомы?

¹⁷ *Гуадалканал* – один из Соломоновых островов, расположенный к северо-востоку от Австралии. Стратегический пункт на морских путях в Тихом океане и место ожесточенных боев между американскими и японскими войсками в 1942–1943 гг.

– Нет еще. Завтра познакомимся. За ланчем. Почему вы называете его «тайбань»?

– «Тайбань» по-китайски означает «верховный вождь» – человек, обладающий высшей властью. Для китайцев все главы старых торговых домов – тайбани. Но даже среди тайбаней всегда есть тот, кто стоит выше всех. Тайбань с большой буквы. Компанию «Струанз» называют Благородный Дом или Благородный Хонг, а «хонг» означает «компания».¹⁸ Так повелось с начала торговли с Китаем и самых первых дней Гонконга. Гонконг основан в тысяча восемьсот сорок первом году, двадцать шестого января. Основатель фирмы «Струан и компания» – Дирк Струан – был и в некотором смысле остается человеком легендарным. Для одних он – пират, для других – выдающаяся личность. Во всяком случае, свое состояние он сделал на контрабанде индийского опиума в Китай. На вырученное серебро покупал китайский чай и отправлял в Англию на целой флотилии китайских клиперов. Он стал королем коммерсантов, получил титул Тайбаня, и с тех пор «Струанз» всегда стараются быть первыми.

– Вот как?

– О, две-три компании наступают им на пятки, в частности «Ротвелл-Горнт», но тем не менее, да, я считаю, они первые. Нисколько не сомневаюсь: ко всему, что попадает в Гонконг или покидает его, что в Гонконге едят, прячут или изготавливают, приложили руку «Струанз», «Ротвелл-Горнт», «Эйшн пропертиз», «Блэкс»¹⁹ – Банк Лондона и Китая – или банк «Виктория».

– А сам Данросс? Что он за человек?

Армстронг на мгновение задумался, но только на мгновение.

– Опять же это зависит от того, у кого спросите, мистер Бартлетт. Я знаю его совсем немного, лично мы не общаемся: иногда сталкиваемся на скачках. Пару раз встречался с ним официально. Обаятелен, хорошо делает свое дело... Думаю, в целом его можно охарактеризовать словом *выдающийся*.

– Ему и его семье принадлежит большая часть «Струанз»?

– Точно не знаю. Сомневаюсь, что это вообще кто-то знает вне их семейного круга. Но кресло тайбаня он занял не из-за своих акций. Такой номер не прошел бы. Я имею в виду, в «Струанз». В этом я уверен вполне. – Армстронг впился в Бартлетта взглядом. – Говорят, Данросс – человек безжалостный, убьет не задумываясь. Я вот не хотел бы иметь его врагом.

Бартлетт попил пиво, и мелкие морщинки у глаз сложились в загадочную улыбку.

– Иногда враг ценнее, чем друг.

– Иногда да. Надеюсь, ваше пребывание здесь принесет вам прибыль.

Бартлетт тут же поднялся:

– Спасибо. Я провожу вас. – Он открыл дверь, пропустил перед собой Армстронга и сержанта Ли, а потом вышел за ними из главной двери в салон на ступеньки трапа. Сделал глубокий вдох. В дуновении ветра он опять уловил что-то странное: ни приятное, ни неприятное, ни вонь, ни аромат – нечто странное и необычно возбуждающее. – Суперинтендент, а чем это пахнет? Кейси тоже обратила внимание, когда Свенсен открыл дверь.

Армстронг ответил не сразу. Потом улыбнулся:

– А это самый что ни на есть гонконгский запах, это пахнет деньгами.

¹⁸ *Благородный Хонг* (кит. гунхан) – китайская правительственная купеческая гильдия, с 1720 по 1842 г. обладавшая монополией на торговлю с иностранцами до отмены этой монополии в результате «опиумных войн». В Гонконге и Макао «хонгами» традиционно называют европейские торговые дома (компании), которые издавна ведут торговлю с Китаем.

¹⁹ «Блэкс» (BLACS) – сокращение от Bank of London, Canton and Shanghai (Банк Лондона, Кантона и Шанхая).

Глава 2

23:48

– Пусть все боги будут свидетелями, как жутко не везет мне сегодня, – сказал Четырехпалый У и сплюнул на палубу.

Он сидел на корме, на высоком полуяте своей океанской джонки, причаленной к одному из огромных скопищ лодок, которые расползлись по всей Абердинской гавани на южном берегу острова Гонконг. Ночной воздух был горяч и влажен, и У играл с тремя приятелями в мацзян.²⁰ Все они – такие же пожилые и видавшие виды, как он сам, – владели собственными джонками. Несмотря на это, они ходили под его флагом и выполняли его распоряжения. Официально его звали У Санфан. У этого низкорослого неграмотного рыбака осталось лишь несколько зубов и не хватало большого пальца на левой руке. Джонка его была старой, потрепанной и грязной. Глава клана Рожденных в Море У, он заправлял всем своим флотом, и его флаг – серебряный лотос – реял над четырьмя морями.

Когда настала его очередь ходить, он взял еще одну фишку из слоновой кости. Глянув на нее и увидев, что она не в масть, он яростно сбросил ее и снова сплюнул. Плевки заблестели на палубе. Как и его приятели, он был одет в старую, поношенную нижнюю рубашку и черные штаны, какие носят грузчики-кули, хотя в одной этой игре у него на кону стояло десять тысяч долларов.

– *Айийя*, – с деланным неудовольствием воскликнул Рябой Тан, хотя с только что взятой фишкой до выигрышной комбинации ему не хватало лишь еще одной. Игра эта напоминает британский джин-рамми. – Мать их всех эти, если я не выиграю! – проговорил он, снося фишку демонстративным жестом.

– Твою, если ты выиграешь, а я нет! – откликнулся еще один игрок, и все засмеялись.

– И этих заморских дьяволов из Золотой Горы,²¹ если их не будет сегодня вечером, – сказал Пун Хорошая Погода.

– Будут, – уверенно заявил Четырехпалый У. – Заморские дьяволы не отходят от расписаний ни на шаг. Во всяком случае, я послал Седьмого Сына в аэропорт проверить.

Взявшись было за новую фишку, он остановился и посмотрел через плечо, окинув критическим взглядом проходившую мимо рыбацкую джонку, которая, мирно пыхтя, направлялась в узкий просвет между бортами лодок к выходу из гавани. Она несла только топовые огни и огни левого и правого борта и якобы выходила в море за рыбой, но это была одна из его джонок, и шла она на перехват тайского траулера с грузом опиума. Когда джонка благополучно проследовала мимо, он снова сосредоточился на игре. Наступило время отлива, но глубины вблизи окруженных лодками островов были значительные. С берега и отмелей доносилась жуткая вонь гниющих водорослей, моллюсков и человеческих экскрементов.

На большей части сампанов и джонок было темно, их многочисленные обитатели уже легли спать. Кое-где горели масляные лампы. Лодки всевозможных размеров были пришвартованы одна к другой, казалось, в беспорядке, и между этими плавучими поселками оставались крохотные полоски моря. Здесь обретались танка²² и хакка²³ – лодочные жители, которые проводили на плаву весь свой век, рождались на плаву и умирали. Многие лодки никогда

²⁰ *Мацзян* (маджонг) – китайская азартная игра для четырех человек.

²¹ *Золотая Гора* (кит. Цзиньшань) – США. От старинного китайского названия Сан-Франциско – Цзюцзиньшань.

²² *Танка* (*даньцзя* – подлый народ или *тинцзя* – лодочные жители) – некитайская этническая группа с традиционно низким социальным статусом.

²³ *Хакка* (*кэцзя* – пришлые люди) – китайская (ханьская) народность, которая веками мигрировала, в основном в Гуандун, на Тайвань и в другие страны. Дала миру известных политических, военных и общественных деятелей, таких как Сунь Ятсен, Дэн Сяопин, Чжу Дэ, Го Можо, Аи Гуанью.

не покидали стоянок: они так и покачивались на воде, составленные вместе, пока не давали течь, или не разваливались, или их не уносило тайфуном, или они не погибали в огне поражающих воображение пожарищ, которые нередко прокатывались по лодочным поселкам, когда по чьей-то неосторожности падала лампа или в открытый огонь, который разводили, несмотря ни на что, попадало что-нибудь легко возгорающееся.

– Дед! – закричал мальчик лет двенадцати.

– Что там такое? – откликнулся У.

– На пирсе, смотрите – Седьмой Сын! – Маленький впередсмотрящий указывал на берег.

У и все остальные вскочили и стали вглядываться в сторону берега. Там молодой китаец в джинсах и ловко сидящей футболке расплачивался с водителем такси. Такси остановилось у трапа одного из огромных плавучих ресторанов, пришвартованных в сотне ярдов к современным пирсам. Таких цветастых плавучих дворцов было четыре, трех-, четырех- и пятиэтажных, сверкающих огнями во всем великолепии своих ярко-красных и зеленых с золотом китайских крыш с загнутыми вверх углами, фигурами богов, фантастических животных и драконов.

– Хорошие у тебя глаза, Третий Внук. Молодец. Ступай и встреть Седьмого Сына.

Мальчик в ту же секунду сорвался и убежал, уверенно ступая по соединявшим джонки шатким настилам. Четырехпалый У наблюдал, как его седьмой сын направляется к пирсу, у которого сгрудились паромы, обслуживавшие переправу через бухту. Убедившись, что сына встретил посланный им лодочник, он повернулся к берегу спиной и снова сел к столу.

– Ну, давайте заканчивать, – мрачно проговорил он. – Последний раз играю сегодня, етит твою. Мне еще на берег нужно.

– *Айийя!* – вскричал Рябой Тан, увидев, что за фишку только что открыл. Демонстративным жестом он шмякнул ее на стол картинкой вверх и раскрыл остальные свои тринадцать фишек, которые вместе составили выигрышную комбинацию. – Смотрите, клянусь всеми богами!

– Так тебя и так! – проговорил У и громко отхаркнулся. – Знаешь, где я видел всех твоих предков во всех поколениях, Рябой Тан? Надо же, чтоб так везло!

– Еще партеечку? Двадцать тысяч на кону, а, Четырехпалый У? – с ликованием предложил Тан, убежденный, что старый черт Цзи Гун, бог азартных игроков,²⁴ сидит сегодня вечером у него на плече.

Четырехпалый покачал было отрицательно головой, но как раз в этот момент прямо у него над головой с жалобным криком пролетела чайка.

– Сорок, – тут же сказал он. Крик чайки – это знак с неба, значит ему повезет, и он мгновенно передумал. – Сорок тысяч или ничего! Но играть придется в кости: времени нет.

– Клянусь всеми богами, нет у меня сорока. Но с теми двадцатью, что ты мне должен, я займу завтра, когда откроется банк, против моей джонки и буду отдавать тебе всю свою прибыль, ети ее, за следующие отправки золота или опиума, пока все не выплачу, *хейя?*

– Слишком много для одной игры, – мрачно изрек Пун Хорошая Погода. – Вы оба сбрендили, игроки хреновы!

– Играем у кого больше за один бросок? – уточнил У.

– *Айийя*, вы точно двинулись. – Пун хоть и произнес эти слова, но возбужден был не меньше остальных. – Где кости?

У принес. Три фишки.

²⁴ Пантеон богов китайских народных верований весьма обширен и разнообразен. Отличающиеся прагматизмом китайцы приписывали богам немало качеств, присущих людям, и обращались к ним по самым разным поводам, стараясь умиловить и снискать их расположение.

- Ну, Рябой Тан, бросай, попробуй, что тебя ждет в будущем, етиг твою!
Рябой Тан поплевал на ладони, помолился про себя, а потом с криком бросил кости.
– О-о-о, – сокрушенно простонал он. Четыре, три и еще четыре. – Одиннадцать!
Остальные застыли, чуть дыша.
У поплевал на кости, призвал на них проклятие, благословил и бросил. Шесть, два и три.
– Одиннадцать! О боги, великие и малые! Еще раз – бросаем еще раз!
Возбуждение на палубе росло. Рябой Тан бросил:
– Четырнадцать!
У сосредоточился среди опьяняющего напряжения, а затем бросил кости.
– *Айийя!* – взорвался он, а за ним и остальные. Шесть, четыре и два.
– И-и-и! – только и смог выдать из себя Рябой Тан. Он держался за живот, смеясь от радости. Остальные поздравляли его и сочувствовали проигравшему.
У пожал плечами, сердце еще колотилось в груди.
– Будь прокляты все чайки, что летают у меня над головой в такое время!
– А-а, ты поэтому передумал, Четырехпалый У?
– Конечно, это было как знак. Много ли чаек кричит, пролетая у тебя ночью над головой?
– Верно. Я поступил бы так же.
– Как повезет – джосс!²⁵ – Тут У просиял. – И-и-и, но зато какие ощущения – получше, чем от «тучек и дождя»,²⁶ *хейя?*
– Не в мои годы.
– А сколько тебе, Рябой Тан?
– Шестьдесят, а может, семьдесят. Почти столько же, сколько тебе. – В отличие от всех обитающих на суше деревенских жителей, хакка не ведут учет рождений и смертей. – Чувствую себя не больше чем на тридцать.
– А слышал, в лавку «Лаки медисин», что на рынке в Абердине, привезли новую партию корейского женьшеня, в том числе и столетнего! От него твой «стебель» будет огнем гореть!
– Со «стеблем» у него все в порядке, Пун Хорошая Погода! Его третья жена опять носит ребенка! – У расплылся в беззубой улыбке и вытащил толстую кипу свернутых пяти-сотдолларовых купюр. Он стал отсчитывать деньги, на удивление ловко, хотя у него и не хватало большого пальца на левой руке. Много лет назад палец ему отсекали в схватке с речными пиратами во время одной из контрабандных вылазок. На миг он оторвался от своего занятия, когда на палубе появился его седьмой сын, молодой человек лет двадцати шести, высокий для китайца. Парень неуклюже прошел по палубе. Над головами взвыли двигатели заходящего на посадку самолета.
– Прибыли, Седьмой Сын?
– Да, отец, прибыли.
Четырехпалый У радостно хлопнул по перевернутому бочонку:
– Прекрасно. Тогда можем начать!
– Послушай, Четырехпалый, – задумчиво произнес Рябой Тан, указывая на кости. – Шесть, четыре и два – получается двенадцать, а это тоже дает три, волшебную тройку.
– Да-да, я понял.

²⁵ *Джосс* (йосс) – от искаженного латинского Deus (Бог). Многозначное китайское выражение, которое толкуется как «судьба», «удача», «веление богов» и т. п.

²⁶ «Тучки и дождь» (юнь юй) – классический китайский эвфемизм, обозначающий любовное соитие или оргазм.

Рябой Тан широко улыбнулся и указал на север и немного восточнее, где за холмами Абердина, на другой стороне гавани, в Коулуне, в шести милях отсюда, располагался аэропорт Кай-Так.

– Может быть, теперь тебе повезет, *хейя?*

Понедельник

Глава 3

05:16

Еще только начало светать, когда из-за ворот номер шестнадцать на восточной оконечности терминала аэропорта вывернул джип с двумя механиками в комбинезонах и остановился недалеко от основного шасси «Янки-2». Трап оставался у самолета, главная дверь была чуть приоткрыта. Механики – оба китайцы – вышли из машины. Один стал осматривать основные восьмиколесные шасси, другой так же тщательно обследовал переднюю стойку. Они методично проверили резину, колеса, гидравлические муфты тормозов, заглянули и в отсеки шасси. У обоих были фонарики. Тот, что осматривал главную стойку, вынул гаечный ключ и встал на одно из колес, чтобы посмотреть поближе. Его голова и плечи скрылись в фюзеляже. Через некоторое время он негромко позвал на кантонском:

– *Айийя!* Эй, Лим, глянь сюда!

Другой подошел и стал вглядываться вверх. На его белом комбинезоне проступили пятна пота.

– Там они или нет? Мне отсюда не видать.

– Возьми свой «стебель» в рот, брат, и спусти себя в канализацию. Конечно, они там. Мы с тобой богатые люди. У нас на столе всегда будет рис! Но давай-ка потише, а то разбудишь этих измазанных в дерьме заморских дьяволов наверху! Держи... – Он передал вниз какой-то продолговатый, завернутый в брезент предмет. Приняв сверток, Лим быстро и бесшумно положил его в джип. Потом еще один, и еще один, поменьше. Оба покрылись потом и очень нервничали. Работали они быстро, но бесшумно.

Еще сверток. Еще один...

И тут Лим увидел, что из-за угла вылетел полицейский джип и одновременно из шестнадцатых ворот высыпало множество людей в форме. Среди них были и европейцы.

– Нас предали, – охнул он и рванулся прочь в безнадежной попытке обрести свободу.

Полицейские без труда перехватили его, и он остановился, дрожа от сдерживаемого ужаса. Потом сплюнул, проклял всех богов и замкнулся в себе.

Другой тут же спрыгнул вниз и вскочил на сиденье джипа. Но прежде чем он успел включить зажигание, на него навалились и надели наручники.

– Ну, «масляный роток»,²⁷ – прошипел сержант Ли, – как думаешь, куда ты сейчас поедешь?

– Никуда, господин полицейский, это все он, этот тип, господин полицейский, этот сукин сын поклялся, что перережет мне глотку, если я не помогу ему. Я ничего не знаю, клянусь могилой матери!

– Врешь, ублюдок. У тебя и матери-то не было. Если не будешь говорить, отправишься в тюрьму лет на пятьдесят!

– Клянусь, господин полицейский, клянусь всеми богами, что...

– Шел бы ты со своим враньем, дерьмо. Кто платит тебе за это?

По асфальту неторопливо вышагивал Армстронг, ощущая во рту сладкий, тошнотворный вкус добычи.

²⁷ «Масляный роток» (кит. юцзуй) – хитрый, изворотливый человек, «шустрила».

– Так, – начал он по-английски, – что у нас здесь, сержант? – Он провел долгую ночь без сна и теперь, небритый, усталый, не расположен был слушать визгливые уверения механика в невиновности. Поэтому он негромко произнес на прекрасном гортанном кантонском: – Еще одно крошечное, незначительное слово, поставщик дерьма прокаженных, – и я прикажу моим людям попрыгать на твоём «потайном мешочке».

Китаец замер.

– Прекрасно. Имя?

– Тань Шута, господин.

– Ложь! Как зовут твоего приятеля?

– Лим Тачжун, но он мне не приятель, господин. Я и не знал его до сегодняшнего дня.

– Ложь! Кто заплатил тебе за это?

– Я не знаю, кто платил ему, господин. Понимаете, он поклялся, что перережет...

– Ложь! У тебя во рту столько дерьма, что ты, должно быть, бог дерьма собственной персоной. Что в этих свертках?

– Я не знаю. Клянусь могилами моих...

– Ложь! – Армстронг произносил это слово автоматически, прекрасно понимая, что без вранья здесь не обойдется.

«Китаёзы не такие, как мы, – говорил его первый наставник, бывалый коп, дока во всем, что касалось Китая. – О, я не имею в виду, что все они люди нечестные, жулики или что-нибудь в этом духе, – просто они другие. Объясняясь с полицейским, китаец всегда говорит сквозь зубы и все время врет. Поймаешь негодяя с поличным, а он все равно будет лгать и выкручиваться, как смазанный жиром шест в куче дерьма. Они другие. Взять хотя бы их имена. У всех китайцев четыре различных имени: одно дается при рождении, другое – когда они достигают зрелости, третье – когда становятся взрослыми, а четвертое они выбирают себе сами. Когда они забывают одно, то, не моргнув глазом, добавляют другое. А сами их имена – господи помилуй! Китайцы называют себя *лаобайсин* – „старинная сотня имен“.²⁸ У них на весь Китай лишь сто основных фамилий, и из них двадцать звучат как Юй, восемь как Янь, десять как У, и бог знает сколько еще таких, как Пин, различных Ли, Чэнь, Цинь, Цзин, Ван и Фу. К тому же каждое из них произносится пятью различными способами, и одному Богу известно, кто есть кто!»

«Стало быть, определить личность подозреваемого будет непросто, сэр?»

«Отлично, юный Армстронг! Отлично, парень! У тебя может быть пятьдесят Ли, пятьдесят Чжанов и четыреста Ванов, и ни один не будет приходиться другому родственником. Господи помилуй! В этом-то и проблема Гонконга».

Армстронг вздохнул. Прошло восемнадцать лет, но китайские имена понятнее не стали.²⁹ Кроме того, у каждого, похоже, имелось еще и прозвище, под которым он и был известен.

– Как тебя зовут? – снова спросил Армстронг и даже не стал слушать ответ. – Ложь! Сержант! Разверни-ка одну из этих штук! Посмотрим, что у нас там.

Сержант Ли отвернул в сторону последнюю обертку. Внутри была состоявшая на вооружении американской армии автоматическая винтовка М-14. Новенькая, хорошо смазанная.

²⁸ Дословный перевод китайского выражения «народ», «простолудины».

²⁹ Китайские имена состоят из одного-двух иероглифов, и, в отличие от европейских личных имен, их может быть очень много. Иероглифы используются любые, и имена могут иметь самое различное значение. Называть детей в честь родителей, предков или исторических личностей не принято. У большинства китайцев есть «детское имя», которым их называют только родители, близкие и друзья. До начала XX в. по достижении совершеннолетия мужчины могли принимать «(бяо)цзы» – другие имена, под которыми они были более известны, выдающимся личностям присваивали посмертные, а правителям – храмовые имена.

– За это ты, паршивый сын левой титьки шлюхи, будешь мотать полсотни лет! – проскрежетал Армстронг.

Ошеломленный китаец тупо смотрел на винтовку. Потом простонал еле слышно:

– Эти всех богов, я и знать не знал, что там винтовки.

– Э, нет. Ты знал! – сказал Армстронг. – Сержант, давай в фургон этот кусок дерьма и заведи на него дело за контрабанду оружия.

Китайца уволокли без всяких церемоний. Один из молодых полицейских-китайцев разворачивал небольшой сверток квадратной формы.

– Отставить! – прозвучал приказ Армстронга по-английски. Полицейский и все, кто мог это услышать, замерли. – В этих свертках может оказаться мина-ловушка. Всем отойти от джипа! – Покрывшись потом, полицейский выполнил приказание. – Сержант, вызови наших кудесников-минеров. Теперь торопиться некуда.

– Есть, сэр. – Сержант Ли торопливо зашагал к переговорному устройству в полицейском джипе.

Армстронг прошел под самолет и заглянул в отсек главного шасси. Ничего особенного он не заметил. Потом забрался на одно из колес.

– Господи! – ахнул он.

К внутренним стенкам отсека с обеих сторон были надежно прикреплены пять аккуратных полок. Одну почти опустошили, а остальные по-прежнему оставались заполнены. Судя по размерам и форме свертков, винтовками М-14 и ящиками с патронами или гранатами.

– Что-нибудь есть там, наверху, сэр? – Это был инспектор Томас. Молодой англичанин, он прослужил в полиции всего три года.

– Посмотри! Только ничего не трогай.

– Господи! Да тут хватит на пару отделений по борьбе с беспорядками!

– Да. Но для кого это?

– Для коммунистов?

– Или националистов, или преступников. Все это...

– Что там, черт возьми, происходит?

Армстронг узнал голос Бартлетта. Лицо его посуровело, и он спрыгнул вниз. Томас последовал за ним. Армстронг подошел к основанию трапа.

– Я тоже хотел бы это выяснить, мистер Бартлетт, – резко проговорил он, задрав голову.

Бартлетт стоял у главного входа в самолет, Свенсен – рядом с ним. Оба в пижамах и халатах, и вид у них был заспанный.

– Могу я попросить вас взглянуть вот на это. – Армстронг указал на винтовку, наполовину торчавшую из джипа.

Бартлетт тут же спустился по трапу. Свенсен последовал за ним:

– Что такое?

– Вы не будете так любезны подождать в самолете, господин Свенсен?

Свенсен открыл было рот, чтобы ответить, но осекся. Потом взглянул на Бартлетта.

Тот кивнул.

– Приготовь кофе, Свен, ладно?

– Конечно, Линк.

– Ну, так в чем дело, суперинтендент?

– Вот в этом! – указал на оружие Армстронг.

– Винтовка М-14, – прищурился Бартлетт. – И что?

– То, что, похоже, на вашем самолете ввезены винтовки.

– Этого не может быть.

– Мы только что схватили двух людей, которые их разгружали. Вот один из этих типов. – Армстронг ткнул пальцем в механика в наручниках, который с мрачным видом ждал возле джипа. – Другой в джипе. Может, вы будете так любезны и взглянете в отсек главного шасси, сэр?

– Конечно. Где это?

– Нужно забраться на колесо.

Бартлетт так и сделал. Армстронг и инспектор Томас наблюдали, за какие места он хватался руками, чтобы потом снять отпечатки пальцев. Бартлетт тупо смотрел на полки.

– Черт возьми! Если там еще такие же, то это целый арсенал!

– Да, прошу их не трогать.

Бартлетт внимательно оглядел полки, потом спустился. Его сонливости как не бывало.

– Это не просто контрабанда. Полки сделаны на заказ.

– Да. Вы не будете возражать, если мы обыщем самолет?

– Нет. Конечно нет.

– Приступайте, инспектор, – тут же приказал Армстронг. – И проделайте это очень тщательно. Ну а теперь, мистер Бартлетт, будьте так добры объясниться.

– Я винтовками не занимаюсь, суперинтендент. Не думаю, что на это пошел бы мой капитан. Или Билл О’Рурк. Или Свенсен.

– А как насчет мисс Чолок?

– Господи, о чем вы говорите?!

– Это дело весьма серьезное, мистер Бартлетт, – ледяным тоном проговорил Армстронг. – Ваш самолет задержан, и до окончания расследования ни вы, ни кто-либо из экипажа не сможете покинуть колонию без разрешения полиции. Так что же насчет мисс Чолок?

– Это невозможно, абсолютно невозможно, чтобы Кейси как-то была связана с оружием, незаконным ввозом оружия и вообще контрабандой. Невозможно. – Бартлетт говорил это извиняющимся тоном, но страха в голосе не чувствовалось. – И никто из нас не может быть связан с этим. – Его голос стал резче. – Вам ведь была наводка, верно?

– Как долго вы стояли в Гонолулу?

– Час или два, только для дозаправки, точно не помню. – Бартлетт подумал. – Джанелли выходил, но он всегда так делает. Эти полки нельзя было загрузить за час или около того.

– Вы уверены?

– Нет, но готов поспорить, что это было сделано до того, как мы покинули Штаты. Хотя когда, где, зачем и кто это сделал, не имею понятия. А вы?

– Еще нет. – Армстронг пристально наблюдал за ним. – Может быть, вы хотите вернуться в свой офис, мистер Бартлетт? Мы могли бы выслушать ваши показания там.

– Конечно. – Бартлетт взглянул на часы. Они показывали 5:43. – Давайте сразу так и поступим. Потом мне нужно будет сделать несколько звонков. Нас еще не подсоединили к вашей системе. Местный телефон там? – Он указал на здание терминала.

– Да. Мы, конечно, предпочли бы сначала задать вопросы капитану Джанелли и господину О’Рурку, а потом уже вам. Если вы не возражаете. Где они сейчас?

– В отеле «Виктория энд Альберт».

– Сержант Ли!

– Да, сэр.

– Давайте в главное управление.

– Есть, сэр.

– Мы хотели также сначала поговорить с мисс Чолок. Опять же, если вы не против. Бартлетт в это время поднимался по ступенькам. Армстронг шел рядом.

– Хорошо, – ответил в конце концов Бартлетт. – При условии, что с ней поговорите лично вы и не раньше семи сорока пяти. Она работала сверхурочно, и сегодня у нее тяжелый день, поэтому я не хочу беспокоить ее без нужды.

Они зашли в самолет. Свен ждал около кухни, уже одетый и очень встревоженный. Повсюду были полицейские в форме и в штатском, которые старательно все обыскивали.

– Свен, так что насчет кофе? – Бартлетт направился через салон в свой офис-кабинет.

Центральная дверь, ведущая в хвостовой отсек в конце коридора, была открыта. Армстронг разглядел часть каюты люкс с широкой кроватью. Инспектор Томас рылся в каких-то выдвижных ящиках.

– Черт! – пробормотал Бартлетт.

– Прошу прощения, – извинился Армстронг, – но это необходимо.

– Может, и так, суперинтендент, но это не значит, что происходящее должно мне нравиться. Терпеть не могу, когда кто-то сует нос в мою личную жизнь.

– Да, согласен. – Суперинтендент сделал знак одному из полицейских в штатском. – Сун!

– Да, сэр.

– Прошу вести протокол.

– Одну минуту, давайте сэкономим время, – сказал Бартлетт. Он обернулся к целому комплекту электронного оборудования и нажал два выключателя. Щелчок – и заработала магнитофонная дека с двумя кассетами. Он подключил микрофон и установил его на столе. – Будет две пленки: одна для вас, другая для меня. После того как запись распечатают и нужно будет ее подписать, я в вашем распоряжении.

– Благодарю.

– О'кей, давайте начнем.

Армстронг вдруг почувствовал себя неловко.

– Пожалуйста, расскажите, что вам известно о нелегальном грузе, обнаруженном в отсеке стойки главного шасси вашего самолета, мистер Бартлетт.

Бартлетт повторил, что ничего не знает.

– Я не думаю, что в этом замешан кто-то из экипажа или кто-либо из моих людей. Насколько мне известно, ни один из них никогда не нарушал законов. А я знаю, что говорю.

– Как долго с вами работает капитан Джанелли?

– Четыре года. О'Рурк – два. Свенсен – с тех пор, как в пятьдесят восьмом у меня появился самолет.³⁰

– А мисс Чолок?

– Шесть лет, почти семь, – сказал Бартлетт после паузы.

– Она менеджер высшего звена в вашей компании?

– Да. Высшего из высших.

– Это необычно, верно, мистер Бартлетт?

– Да. Но не имеет отношения к данной проблеме.

– Вы владелец этого самолета?

– Им владеет моя компания. «Пар-Кон индастриз инкорпорейтед».

– У вас есть враги – кто-нибудь, кто хотел бы серьезно досадить вам?

Бартлетт усмехнулся:

– Есть ли у собаки блохи? Заводя друзей, не окажешься во главе компании стоимостью полмиллиарда долларов.

– Никого конкретно?

³⁰ В 1958 г. «Боинг-707» стал первым реактивным самолетом, появившимся на коммерческих авиалиниях Запада. Первый рейс на «Ту-104», первенце советской реактивной пассажирской авиации, был совершен в 1956 г.

– Это надо спросить у вас. Заниматься оружием – статья особая. Здесь, должно быть, работали профессионалы.

– Кому было известно о том, что вы летите в Гонконг?

– Эта поездка была запланирована пару месяцев назад. Знал мой совет директоров. И те, кто у меня занимается планированием. – Бартлетт нахмурился. – Особого секрета из этого не делалось. Не было причин. – Потом добавил: – Конечно, знала компания «Струанз», это точно. По крайней мере недели две. На самом деле мы подтвердили дату двенадцатого, по телексу, точную дату предполагаемого отлета и прибытия. Я хотел прилететь раньше, но Данросс сказал, что его больше устроил бы понедельник девятнадцатого, а это сегодня. Может, следует спросить у него?

– Я спрошу, мистер Бартлетт. Благодарю вас, сэр. Пока этого достаточно.

– Я бы тоже хотел задать несколько вопросов, суперинтендент, если вы не возражаете.

Какое предполагается наказание за нелегальный ввоз оружия?

– Десять лет без права досрочного освобождения.

– Какова ценность этого груза?

– Он бесценен – для того покупателя, кому он предназначен, потому что оружие не разрешается иметь никому – абсолютно никакое.

– А кто этот покупатель?

– Любой, кто желает организовать беспорядки, поднять восстание, совершить массовые убийства, ограбление банка или преступление любого масштаба.

– Коммунисты?

Армстронг улыбнулся и покачал головой:

– Им не нужно стрелять в нас, чтобы захватить колонию, или нелегально провозить винтовки: у них полно своего оружия.

– Националисты? Люди Чан Кайши?³¹

– Им оружие в более чем достаточном количестве и ассортименте поставляет правительство Соединенных Штатов, мистер Бартлетт. Не так ли? Поэтому им тоже нет нужды провозить его таким путем.

– Может, война между гангстерами?

– Господи Боже, мистер Бартлетт, наши бандиты не стреляют друг в друга. Наши гангстеры – или, как мы их называем, триады³² – улаживают свои разногласия разумно, цивилизованно, по-китайски, с использованием ножей, топоров, оружия из арсенала боевых искусств или при помощи анонимных звонков в полицию.

– Могу поспорить, это кто-то из «Струанз». Именно там вы найдете ответ на загадку.

– Возможно. – Армстронг издал странный смешок. Потом повторил: – Возможно. А теперь, если позволите...

– Конечно. – Бартлетт выключил магнитофон, вынул обе кассеты и передал одну Армстронгу.

– Благодарю вас, мистер Бартлетт.

– Сколько времени обычно продолжается обыск?

³¹ Чан Кайши (Цзян Цзешу; 1887–1975) – китайский военный и политический лидер, возглавивший гоминьдан после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. В годы гражданской войны в Китае (1926–1949) пытался уничтожить коммунистов, но в конце концов потерпел поражение и бежал со своим правительством на Тайвань, где до конца дней оставался президентом провозглашенной им Китайской Республики.

³² Триады (кит. Саньхэуэй – букв. Общество триединства, т. е. Неба, Земли и Человека) – общее название тайных обществ и организаций, действующих в Гонконге, а также в КНР, Макао и чайна-таунах Европы и Северной Америки. В Китае XVII в. это были тайные сообщества, организованные для свержения маньчжурской династии Цин и возвращения к власти китайской (ханьской) династии Мин. Позже эти группы стали заниматься самыми разными формами организованной преступности. Название «триада», введенное британскими властями Гонконга, происходит, по различным версиям, или от символа триад – треугольника – или от треугольной формы иероглифа «хэ» – «гармония», «единение».

– Как когда. Может быть, час. Возможно, нам придется пригласить кое-каких экспертов. Мы постараемся доставить как можно меньше неудобств. Вы покинете самолет до ланча?

– Да.

– Если вам нужно будет попасть в него, прошу сообщить в мой офис. Наш номер 88–77–33. На какое-то время здесь будет установлен постоянный полицейский пост. Вы будете жить в «Вик»?

– Да. Теперь я могу ехать в город, делать то, что хочу?

– Да, сэр, с условием, что вы не покинете колонию до окончания расследования.

Бартлетт широко улыбнулся:

– Это до меня уже дошло на все сто.

Армстронг ушел. Бартлетт принял душ, оделся и подождал, пока уйдут все полицейские, кроме одного, который занял пост у трапа. Затем вернулся к себе в офис и закрыл дверь. Оставшись совсем один, он проверил часы. Было 7:37. Он подошел к коммуникационному центру, щелкнул двумя микровыключателями и нажал на клавишу посылы.

Через секунду послышался треск статических помех и сонный голос Кейси:

– Да, Линк?

– *Джеронимо*,³³ – четко произнес он в микрофон.

Последовала долгая пауза.

– Поняла, – сказала она. Динамик смолк.

³³ *Джеронимо* – боевой клич американских парашютистов (по имени вождя одного из племен индейцев-апачей, дольше всех оказывавшего сопротивление американским войскам в конце XIX в., героя многочисленных фильмов про индейцев).

Глава 4

09:40

Выехав с автомобильного парома, курсирующего между Коулуном и островом Гонконг, «роллс-ройс» повернул на восток и влился в густой поток машин на Коннот-роуд. Утро было очень теплое, влажное и безоблачное под ласкающими лучами солнца. Кейси откинулась на подголовник заднего сиденья. С растущим возбуждением она взглянула на часы.

– Время есть много, мисси, – тут же сказал глазастый шофер. – Благородный Дом эта улица, высокий дом, десять, пятнадцать минут ничего.

– Хорошо.

«Такова жизнь. Когда-нибудь у меня будет свой „роллс-ройс“, аккуратно одетый, вежливый и спокойный шофер-китаец, и не нужно будет переживать из-за цен на бензин. Никогда. Может – наконец-то – именно здесь я получу свое „выходное пособие“, „отвальные“». Она улыбнулась про себя...

Линк первым объяснил, что это такое. Он тогда назвал эти деньги «посылальными». Надо всего лишь сказать «а пошел ты» кому-то или чему-то.

– Такие деньги имеют самую высокую цену в мире... но и достаются самой дорогой ценой. Если будешь работать на меня – со мной, но на меня, – я помогу тебе получить твои «посылальные». Но не знаю, Кейси, захочешь ли ты платить такую цену.

– Какую?

– Не знаю. Знаю, что она бывает разной – у каждого своя – и всегда больше, чем ты готов заплатить.

– А у тебя было так?

– О да...

«Так, – размышляла она, – пока эту цену нельзя было назвать слишком высокой. Я получаю пятьдесят две тысячи долларов в год, мне дают много денег на расходы, работа расширяет кругозор. Но слишком много забирает государство, и остается совсем недостаточно, чтобы назвать эти деньги „отвальными“».

– Такие деньги получают, срывая большой куш, – объяснял Линк, – а не берут из наличности.

«Сколько мне нужно?»

Подобным вопросом она никогда не задавалась.

«Пятьсот тысяч долларов? При семи процентах такая сумма будет приносить тридцать пять тысяч в год, но это без налогов. Может, стоит подумать о мексиканской правительственной гарантии – одиннадцать процентов минус один процент им за услуги? Все равно это облагается налогом. В свободных от налога облигациях при четырех процентах сумма составит двадцать тысяч, но облигации – штука опасная, а своими „отвальными“ ты рисковать не станешь».

– Первое правило такое, Кейси, – растолковывал Линк. – Никогда не подвергать эти деньги риску. Никогда. – И с губ его слетел милый смешок, который всегда ее обезоруживал. – Никогда не подвергать риску свои «посылальные», за исключением одного или двух раз, когда ты на это решишься.

«Миллион? Два? Три? Переключайся на встречу, и хватит мечтать, – сказала она себе. – Мечтать я не буду, но моя цена – два миллиона наличными в банке. Свободных от налогообложения. Вот что мне нужно. Два миллиона при пяти и одной четверти процента без налогообложения – это сто пять тысяч в год. И при этом у меня и у моей семьи всегда будет все, что я хочу, в более чем достаточном количестве. Но как получить два миллиона, свободных от налогообложения? Не знаю. Но почему-то кажется, что здесь то самое место».

«Роллс-ройс» вдруг остановился. Между плотными рядами машин, двухэтажных автобусов, такси, маленьких и больших грузовиков, повозок, велосипедов, ручных тележек, а кое-где и рикш лавировало множество пешеходов. В этот утренний час пик тысячи людей сновали туда-сюда, появляясь из переулков и боковых улочек или исчезая в них. Они, как горох, сыпались с тротуаров на проезжую часть. Целые потоки людей-муравьев.

Кейси провела солидное исследование, прежде чем отправиться в Гонконг, но все же оказалась не готова к его невероятной перенаселенности.

– Ничего подобного в жизни не видела, Линк, – сказала она утром, когда он приехал в гостиницу, как раз перед ее отъездом на встречу. – Когда мы ехали сюда из аэропорта, шел уже одиннадцатый час, но народу на улицах было море, тысячи – в том числе и детей, – и все – рестораны, рынки, магазины – еще работало.

– Люди – это выгода. Иначе зачем мы здесь?

– Затем, чтобы захватить Благородный Дом Азии при тайной помощи и в сговоре с Иудой Искарриотом – Джоном Чэнем.

Линк засмеялся вместе с ней.

– Позволь уточнить. Мы здесь для того, чтобы заключить сделку с компанией «Струанз» и осмотреться.

– Значит, планы меняются?

– Тактические, да. Стратегия остается той же.

– А чем вызвана такая перемена, Линк?

– Вчера вечером позвонил Чарли. Мы приобрели еще двести тысяч акций «Ротвелл-Горнт».

– Значит, заявка на «Струанз» лишь для отвода глаз, а настоящая цель – «Ротвелл-Горнт»?

– Целей у нас по-прежнему три: «Струанз», «Ротвелл-Горнт» и «Эйшн пропертиз». Осмотримся и выждем. Если все будет складываться благоприятно, атакуем. Если нет, можем сделать пять, может быть, восемь миллионов в этом году на прямой сделке со «Струанз». То есть снимем сливки.

– Ты приехал сюда не за пятью-восемью миллионами. Какова истинная цель?

– Получить удовольствие.

«Роллс-ройс» продвинулся на несколько ярдов и опять встал. Они приближались к Сен-трал, и движение становилось еще более плотным. «Ах, Линк, за твоим удовольствием стоит такое пиратство».

– Это первый раз Гонконг, мисси? – ворвалось в ее раздумья.

– Да, первый. Я прилетела вчера вечером.

– А-а, очень хорошо. Погода очень плохая ничего. Очень пахнет, очень влажный. Всегда влажный летом. Первый день очень красивый, хейя?

Первый день начался с резкого сигнала многодиапазонного приемника-передатчика «ситизен», который выдернул ее из сна. И с *Джеронимо*.

Это кодовое слово означало «опасность – будь осторожен». Она приняла душ и быстро оделась, еще не представляя, откуда может исходить угроза. Не успела она надеть контактные линзы, как зазвонил телефон.

– Это суперинтендент Армстронг. Прошу прощения за беспокойство в столь ранний час, мисс Чолок, но нельзя ли нам встретиться на минутку?

– Конечно, суперинтендент. – Она подумала. – Дайте мне пять минут, и встретимся в ресторане.

Они встретились, и он стал задавать вопросы, сказав лишь, что на борту самолета обнаружена контрабанда.

– Вы давно работаете у мистера Бартлетта?

- Полных шесть лет.
- Были ли раньше проблемы с полицией? Любые?
- Вы имеете в виду – у меня или у него?
- У него. Или у вас.
- Никаких не было. А что обнаружено на борту, суперинтендент?
- Такое впечатление, что вас это не слишком беспокоит.
- А с чего мне беспокоиться? Я ничего противозаконного не совершала, Линк тоже.

Что касается экипажа, это тщательно подобранные профессионалы, и я сомневаюсь, что они имеют какое-то отношение к контрабанде. Это ведь наркотики, верно? Что за наркотики?

- Откуда вы взяли, что это наркотики?
- Разве не это сюда провозят контрабандой?
- Это очень крупная партия оружия.
- *Что?*

Было еще множество вопросов, на большинство которых она ответила. Потом Армстронг ушел. Она допила кофе и отказалась от теплых французских булочек домашнего приготовления, которые – в четвертый раз! – предложил ей накрахмаленный и улыбающийся мальчик-официант. Они напомнили те, что она ела три года назад на юге Франции.

«Ах, Ницца, Кап-д'Ай и прованское вино. И милый Линк», – думала она, возвращаясь в люкс, чтобы дождаться его звонка.

– Кейси? Слушай, э...

– Ах, Линк, как я рада, что ты позвонил, – тут же умышленно перебила она. – Несколько минут тому назад здесь был суперинтендент Армстронг – и я забыла напомнить тебе вчера вечером, чтобы ты позвонил Мартину насчет акций. – *Мартин* тоже было кодовое слово, обозначавшее «думаю, наш разговор подслушивают».

– Я тоже о нем думал. Теперь это не важно. Расскажи, что было.

Она рассказала. Он вкратце обрисовал, что произошло.

– Остальное дополню, когда приеду. Сейчас я еду в отель. Как тебе этот люкс?

– Просто фантастика! Твой называется «Благоухающая весна», мой к нему примыкает, и думаю, что обычно он составляет его часть. Похоже, здесь на каждый люкс по десять боев. Я позвонила в обслуживание, попросила принести кофе и не успела положить трубку, как его уже несут на серебряном подносе. Ванная комната такая просторная, что хоть проводи вечеринку с коктейлями на двадцать человек, есть «комбо» из трех предметов.

– Прекрасно. Дождись меня.

Она уселась на один из глубоких кожаных диванов в роскошной гостиной и стала ждать, наслаждаясь роскошью. Красивые шкафы из китайского лака с выдвигаемыми ящиками, в алькове – зеркальный бар, где чего только нет, скромные букеты цветов и бутылка шотландского виски с монограммой Линкольна Бартлетта и надписью: «С почтением от главного менеджера». Ее люкс – спальня – расположен по одну сторону от соединяющей два номера двери, его – главный люкс – по другую. Обе комнаты просто огромные, такие она видела впервые, и в обеих широченные кровати.

«Откуда взялись в самолете винтовки и чьих рук это дело?»

Задумавшись, она перевела взгляд на широкое – во всю стену – окно, и перед ней предстал остров Гонконг и возносящийся над ним Пик, самый высокий холм на острове. На самом берегу брал свое начало названный в честь королевы Виктории город,³⁴ который потом забирался уступами вверх по отрогам резко вздымающегося холма. Домов становилось все меньше по мере того, как склоны взмывали вверх, однако многоквартирные здания встреча-

³⁴ *Виктория-Сити* – так был назван в честь королевы Виктории первый городской квартал, после того как Гонконг стал английской колонией в 1842 г. (сейчас этот район именуется Сентрал).

лись и почти у самой вершины. Одно из них возвышалось как раз над терминалом ведущего на Пик фуникулера. «Вид оттуда, должно быть, потрясающий», – рассеянно думала она.

Вода приятно сверкала голубизной. Движение в бухте было такое же оживленное, как и на лежащих внизу улицах Коулун. Пассажирские и грузовые суда стояли на якоре или были пришвартованы у причалов Коулун, заходили в бухту или выходили из нее, весело сигналила гудками. У дока со стороны Гонконга стоял эсминец королевского военного флота, а рядом на якоре – темно-серый фрегат ВМС США. По бухте рассыпались сотни джонок всевозможного размера и возраста – в основном рыбацкие суда, одни с двигателем, другие под парусом, которые неуклюже сновали туда-сюда. Словно многочисленные стрекозы, из этого потока судов выныривали переполненные двухэтажные паромы, и повсюду безбоязненно шныряли поперек установленных морских путей крошечные сампаны – весельные или с мотором.

«Где живут все эти люди? – пораженная, спрашивала она себя. – И как зарабатывают на жизнь?»

Номерной без стука открыл дверь общим ключом, и в люкс широким шагом вошел Линк Бартлетт.

– Прекрасно выглядишь, Кейси, – сказал он, закрыв за собой дверь.

– Ты тоже. Скверное это дело с винтовками, да?

– Здесь кто-нибудь есть? Горничные в комнатах?

– Мы одни, но, похоже, номерные заходят и выходят, когда им вздумается.

– Этот вытащил ключ, когда я еще не подошел к двери. – Линк рассказал, что произошло в аэропорту. Потом понизил голос: – А что Джон Чэнь?

– Ничего. Вел нервную, ничего не значащую беседу. Говорить со мной о деле не захотел. Думаю, он так и не оправился от того, что я оказалась женщиной. Оставил меня в отеле и сказал, что за мной пришлют машину к девяти пятнадцати.

– Так что, план удался?

– Удался на славу.

– Прекрасно. Получила?

– Нет. Я сказала, что ты уполномочил меня принять это у него, и предложила изначальный вексель на предьявителя. Но он изобразил удивление и сказал, что поговорит с тобой лично, когда повезет обратно после ланча. Он заметно нервничал.

– Не важно. Твоя машина будет здесь через несколько минут. Встретимся на ланче.

– В «Струанз» о винтовках сказать? Данроссу?

– Нет. Давай подождем и посмотрим, кто заговорит об этом.

– Думаешь, это могут быть и они?

– Запросто. Они знали наш полетный план, и у них есть мотив.

– Какой?

– Дискредитировать нас.

– Но зачем?

– Может, они уверены, что знают, как мы собираемся действовать.

– Но разве не было бы с их стороны разумнее вообще ничего не предпринимать, а заманить нас?

– Может быть. Но таким образом первый ход сделали они. День первый: конь пошел на третью клетку от королевского слона.³⁵ Против нас предпринята атака.

– Да. Но кто ее предпринял? И какими фигурами мы играем – белыми или черными?

Взгляд его посуровел, порастеряв прежнюю приветливость.

– Мне все равно, Кейси, но при одном условии: выигрываем мы. – И он вышел.

³⁵ Ход приводится в традиционной английской нотации.

«Что-то случилось, – подумала она. – Возникла какая-то опасность, о которой он мне не говорит...»

– Держать все в тайне – самое важное, Кейси, – сказал он когда-то, в самом начале. – Наполеон, Цезарь, Паттон – все великие полководцы – зачастую скрывали свои настоящие планы от подчиненных. Только для того, чтобы дать им – а следовательно, и вражеским лазутчикам – возможность успокоиться. Если я чего-то не говорю тебе, Кейси, это не значит, что не доверяю. Но ты не должна что-либо скрывать от меня.

– Это несправедливо.

– А разве жизнь справедлива? Смерть справедлива? И на войне нет справедливости. Большой бизнес – это война. Я играю в него, словно это война, и потому-то я выиграю.

– А что выиграешь?

– Я хочу, чтобы «Пар-Кон индастриз» стала больше, чем «Дженерал моторс» и «Эксон», вместе взятые.

– А зачем?

– А мне, черт возьми, так хочется.

– Ну назови действительную причину.

– Ах, Кейси, вот за что я тебя люблю. Слушай и узнаешь.

– Ах, Рейдер, я тоже тебя люблю.

Тогда они оба рассмеялись, зная, что не любят друг друга – в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово. Тогда, в самом начале, они договорились отложить обычное ради необычного. На семь лет...

Кейси посмотрела в окно на гавань и корабли.

«Подавлять, разорять и выигрывать. Большой бизнес, самая восхитительная игра в мире, лучше „Монополии“. А ведет меня по ней „Рейдер“ Бартлетт, мастер своего дела. Но время поджимает, Линк. Этот год – седьмой, последний. Он заканчивается в мой день рождения, двадцать пятого ноября, мой двадцать седьмой день рождения...»

До ее слуха донеслось что-то вроде стука и звук открываемой общим ключом двери. Она обернулась, чтобы сказать: «Войдите», но накрахмаленный коридорный уже вошел.

– Доброе утро, мисси, я – Первый Коридорный Дневной Чжан. – Чжан был седовлас и внимателен. Рот расплывался в улыбке. – Номер прибрать, пожалуйста?

– А у вас разве никогда не ждут, чтобы сказали: «Войдите»? – резко произнесла она.

Чжан непонимающе уставился на нее:

– Мисси?

– А, ладно, – устало отмахнулась Кейси.

– Красивый день, *хейя*? Который номер сначала – Хозяина или мисси?

– Мой. Мистер Бартлетт своим еще не пользовался.

Чжан оскалился в улыбке.

«*Айийя*, а разве вы с Хозяином не кувыркались вместе в вашем, мисси, до того как он вышел? Однако между приходом и уходом Хозяина прошло всего четырнадцать минут, и, когда уходил, он вроде раскрасневшимся не был.

Айийя, сначала предполагалось, что в моем люксе будут жить двое заморских дьяволов-мужчин. Потом выясняется, что один из них – женщина. И это подтвердил Ночной Энг, который, конечно, просмотрел ее багаж и обнаружил серьезное доказательство того, что она – действительно она. А сегодня утром это с большим удовольствием засвидетельствовала Третья Горничная Фэн.

Золотистые волосы на лобке! Какая гадость!

А ведь Золотистый Лобок мало того что не главная жена Хозяина, она даже не вторая жена, и – *о-хо* – хуже всего то, что у нее не хватило воспитанности сделать вид, будто она является таковой. Можно было бы не нарушать правил отеля и соблудности приличия».

Чжан фыркнул. В этом отеле всегда существовали поразительные правила насчет пребывания дам в номерах мужчин – о боги, зачем еще нужна кровать? – а теперь женщина открыто живет в варварском грехе! О, как вчера накалились страсти! Варвары! *Цзю ни ло мо* на всех этих варваров! Но эта вот точно блудница, потому что перед ней стушевались все: помощник управляющего и ночной управляющий, оба евразийцы, и даже сам сладкоречивый старик, Главный Управляющий Большой Ветерок.

– Нет, нет и нет, – умолял тот, как рассказывали Чжану.

– Да, да и да, – отвечала она, настаивая на том, что будет жить в спальне половинке люкса «Благоухающая весна».

Именно тогда Досточтимый Мэн, первый носильщик и глава триады, а следовательно, главный в отеле, разрешил неразрешимое.

– В люксе «Благоухающая весна» три двери, *хейя?* – сказал он. – По одной в каждую спальню и одна в главную комнату. Пусть ее проведут в номер «Благоухающая весна В», который ниже по уровню, через ее собственную дверь. А вот внутренняя дверь, ведущая в главную гостиную, а оттуда – в апартаменты Хозяина, должна быть крепко-накрепко заперта. Но ключ надо оставить поблизости. Если эта сладкоречивая шлюха отомкнет дверь сама – что тут поделаешь? И тогда, если завтра или на следующий день случится неразбериха с бронированием номеров и нашему досточтимому главному управляющему придется попросить этого миллиардера и его девку из Страны Золотой Горы съехать, что ж, ничего, у нас клиентов более чем достаточно, чтобы сохранить лицо.

Так и сделали. Внешнюю дверь в номер «В» открыли и провели через нее Золотистый Лобок. Если она взяла ключ и тут же открыла внутреннюю дверь – что тут скажешь? Эта дверь теперь открыта, ну и, конечно, он, Дневной Чжан, никогда не заикнется об этом никому из посторонних, его рот на замке. Как всегда.

«*Айийя*, но ведь в то время, когда внешние двери заперты и остаются благонравными, внутренние могут быть похотливо открыты настежь. Как и ее „нефритовые ворота“, – размышлял он. – *Цзю ни ло мо*, интересно, на что это похоже – штурмовать „нефритовые ворота“ таких размеров?»

– Заправлять постель, мисси? – любезно спросил он по-английски.

– Валяй.

«О, как же воистину ужасны звуки их варварского языка! Уф!»

Дневному Чжану хотелось отхаркнуться и очистить рот от бога слюны, но это было против правил отеля.

– *Хейя*, Дневной Чжан, – бодро поздоровалась с ним Третья Горничная Фэн. Она вошла в спальню, нехотя постучав в дверь люкса после того, как уже открыла ее. – Да, мисси, очень извините, мисси, – по-английски, а затем Чжану, по-кантонски: – Ты что, еще не закончил? У нее что, такое душистое дерьмо, что тебе так и хочется залезть к ней в штаны?

– *Цзю ни ло мо* тебе туда же, Сестра. Смотри, что говоришь, не то старый батюшка может задать тебе хорошую взбучку.

– С той единственной взбучкой, что нужна твоей старой матушке, ты мне не помощник! Давай-ка, помоги быстренько заправить ее кровать. Через полчаса начинается партия в мацзян. Досточтимый Мэн послал за тобой.

– О, спасибо, Сестра. *Хейя*, ты правда видела волосы у нее на лобке?

– Я ведь уже рассказывала. Думаешь, вру? Они чисто-золотого цвета, светлее, чем на голове. Она принимала ванну, а я была так близко, как сейчас мы с тобой. И, о да, соски у нее розоватые, а не коричневые.

– И-и-и! Подумать только!

– Ну как у свиноматки.

– Какой ужас!

– Да. Ты сегодня читал «Коммершиэл дэйли»?

– Нет еще, Сестра. А что?

– Там астролог утверждает, что эта неделя для меня очень хорошая, а сегодня финансовый редактор говорит, что вроде бы начнется новый бум.

– *Цзю ни ло мо*, что ты говоришь!

– Так что я велела сегодня утром своему брокеру, чтобы прикупил еще тысячу акций Благородного Дома, столько же «Голден ферриз», сорок – Второго Великого Дома и пятьдесят – «Гуд лак пропертиз». Мои банкиры – люди щедрые, но теперь, когда у меня не осталось ни медяка наличными в гонконгских долларах, хоть милостыню проси или занимай!

– И-и-и, ты занимаешь, Сестра. Я и сам на мели. На прошлой неделе занял в банке против своих акций и купил еще шестьсот акций Благородного Дома. Это было во вторник. Покупал по двадцать пять долларов двадцать три цента!

– *Айийя*, Досточтимый Чжан, вчера вечером перед закрытием торгов они шли по двадцать девять долларов четырнадцать центов. – Третья Горничная Фэн автоматически сделала подсчет. – Ты уже приподнялся на две тысячи триста сорок восемь гонконгских долларов! А еще говорят, что Благородный Дом собирается купить «Гуд лак пропертиз». Если они попытаются это сделать, их враги будут просто клокотать от ярости. Ха! Тайбань Второго Великого Дома изойдет пылью!

– О-хо-хо, но при этом их акции взлетят! Всех трех! Ха! *Цзю ни ло мо*, где бы достать еще наличных?

– На скачках, Дневной Чжан! Возьми в долг пятьсот против своих выигрышей на сегодняшний день и поставь на дневную двойную в воскресенье или на двойную кинеллу.³⁶ Четыре и пять – мои счастливые номера...

В спальню вошла Кейси, и оба подняли на нее глаза. Чжан переключился на английский:

– Да, мисси?

– У меня в ванной есть кое-какие вещи в стирку. Не могли бы вы забрать их?

– О да, будет сделано. Сегодня шесть часов захожу о'кей ничего.

«Эти заморские дьяволы такие тупые, – с презрением думал про себя Чжан. – Что я, пустоголовая куча дерьма? Конечно, позабочусь о грязном белье, если оно есть».

– Благодарю вас.

Они будто зачарованные смотрели, как она поправляет макияж у зеркала в спальней комнате, готовясь уходить.

– Титьки у нее совсем не свисают, а, сестра? Розовые соски, *хейя*? С ума сойти!

– Говорю тебе, как у свиноматки. У тебя что, не уши, а горшки, чтобы туда мочиться?

– Помочись себе в ухо, Третья Горничная Фэн.

– Она тебе чаевые давала?

– Нет. Хозяин дал много, а эта – ни цента. Отвратительно, *хейя*?

– Да. Что тут поделаешь? Люди из Золотой Горы воистину бескультурны, верно, Дневной Чжан?

³⁶ *Двойная дневная* – ставка на скачках на победителя в двух заездах подряд, обычно в первом и втором. *Двойная кинелла* – ставка с выбором двух лошадей, финишировавших первыми вне зависимости от последовательности в каждом из двух выбранных заездов.

Глава 5

09:50

Тайбань перевалил подъем и помчался по Пик-роуд. Его «ягуар» типа Е направлялся на восток в сторону Мэгэзин-Гэп. На петляющей дороге с одним рядом в каждую сторону мест для обгона попадалось очень мало, а на большинстве поворотов подстерегали отвесные обрывы. Покрытие сегодня было сухим, и Иэн Данросс, хорошо знакомый с дорогой, проходил повороты быстро и с наслаждением, прижимаясь к склону холма и ведя ярко-красный кабриолет вплотную к внутренней кривой. Вылетев из-за поворота, он переключился, как гонщик, на более низкую передачу и резко затормозил перед медлительным старым грузовиком. Терпеливо подождал, а потом, выбрав подходящий момент, вывернул на встречную и благополучно обошел грузовик, прежде чем впереди из-за поворота, за которым ничего не просматривалось, вынырнула встречная машина.

Теперь на небольшом отрезке стало видно, что делается впереди: на петляющей дороге никого. Он утопил педаль газа, срезая углы, захватив все пространство дороги, чтобы идти кратчайшим путем. Руки, глаза, ноги, тормоза и коробка передач действовали как одно целое, и он всем существом чувствовал огромную мощь двигателя и колеса. Неожиданно далеко впереди показался встречный грузовик, и свободы не стало. В долю секунды он переключил передачу и притормозил, прижавшись в свой ряд и сожалея об утраченной свободе, потом снова прибавил скорости и понесся дальше, где ждали еще более коварные повороты. Догнав еще один грузовик, на этот раз полный пассажиров, он держался позади него в нескольких ярдах, зная, что какое-то время обойти его будет нелегко. Тут одна из ехавших на грузовике женщин обратила внимание на номерной знак «ягуара» – 1-1010 – и указала на него остальным. Все уставились на него, оживленно переговариваясь друг с другом, а один из пассажиров постучал по кабине. Водитель послушно съехал с дороги на крошечную обочину и махнул, мол, проезжай. Убедившись, что это безопасно, Данросс обошел грузовик, с улыбкой помахав рукой пассажирам.

Новые повороты, ускорения, ожидания возможности обогнать, обгоны и опасность – все это была его стихия. Потом он свернул влево на Мэгэзин-Гэп-роуд. Дорога пошла под гору, повороты стали посложнее, движение – более плотным и медленным. Он обогнал такси, на большой скорости обошел три машины подряд и вернулся в свой ряд, идя еще с превышением скорости. Впереди он заметил дорожных полицейских на мотоциклах, снизил скорость и прошел мимо уже на положенных тридцати милях в час, доброжелательно помахав им рукой. Они махнули ему в ответ.

– В самом деле, Иэн, ты бы уж чуть помедленнее ездил, что ли, – попенял ему недавно Генри Фоксвелл, главный суперинтендент дорожной полиции. – Правда.

– У меня ни одного ДТП – пока. И ни одного штрафа.

– Боже милостивый, Иэн, неужели ты думаешь, что хоть один полицейский на острове осмелится выписать тебе квитанцию? Тебе, Тайбаню? Боже упаси! Я имею в виду, для твоего же блага. Не выпускай этого своего джинна скорости из бутылки до гонок в Монако или Макао.

– В Монако гоняют профессионалы. Я не рискую, да и не езжу так быстро.

– Шестьдесят семь миль в час по Вонгнечжун – это не совсем чтобы медленно, дружище. Правда, дело было в четыре двадцать три утра, когда на дороге никого. Но это зона ограничения скорости – тридцать миль в час.

– В Гонконге немало «ягуаров» типа Е.

– Да, согласен. Семь штук. И все ярко-красные кабриолеты со специальным номером. С черной брезентовой крышей, гоночными дисками и резиной, и все носятся как угорелые.

Это было в прошлый четверг, дружище. Радар и все такое. Ты был... в гостях у друзей. Насколько я помню, на Синклер-роуд.

Данросс еле сдержал вдруг нахлынувшую ярость.

– Вот как? – Внешне он еще улыбался. – В четверг? Кажется, припоминаю: я тогда ужинал с Джоном Чэнем. В его квартире в Синклер-тауэрс. Но, мне кажется, я вернулся домой задолго до четырех двадцати трех.

– О, я уверен, что так и было. Я уверен, что констебль все перепутал: и номера, и цвет, и все остальное. – Фоксвелл дружески похлопал его по спине. – Даже если так, езд помедленнее, ладно? Будет очень неприятно, если ты погибнешь во время моего пребывания в должности. Подожди, пока меня переведут обратно в особое подразделение или в полицейский колледж, а? Да, я уверен, что это была ошибка.

«Но это была не ошибка, – сказал про себя Данросс. – Об этом знаешь ты, об этом знаю я, это подтвердит Джон Чэнь, а также Вэй-вэй. Значит, вы, ребята, знаете про Вэй-вэй! Интересно».

– Вы что же это, парни, следите за мной? – спросил он без обиняков.

– Боже милостивый, нет! – Фоксвелл был в шоке. – Особая разведслужба следила за одним человеком, который у них на подозрении, а у того квартира в Синклер-тауэрс. Ты попал в поле зрения случайно. Ты здесь персона очень важная и прекрасно об этом знаешь. Я получил информацию по своим каналам. Ты же знаешь, как это делается.

– Нет, не знаю.

– Как говорят, для мудреца довольно и словца, дружище.

– Да, говорят. Так вот, может быть, ты лучше скажешь своим ребятам из «Интеллиженс», чтобы они в будущем вели себя поинтеллигентнее.

– К счастью, они умеют держать язык за зубами.

– Даже если так, я не хочу, чтобы мои передвижения фиксировались.

– Я уверен, что дело так и обстоит. Они не фиксируются.

– Хорошо. А что это за подозреваемый в Синклер-тауэрс?

– Один наш важный шельма-капиталист, которого тем не менее подозревают в принадлежности к тайным «комми». Скучное дело, но Эс-ай нужно отрабатывать свой хлеб, верно?

– Я его знаю?

– Думаю, ты всех знаешь.

– Шанхаец или кантонец?

– А почему ты считаешь, что он тот или другой?

– А, значит, европеец?

– Он просто подозреваемый, Иэн. Извини, это все пока большая тайна.

– Да ладно, этот дом принадлежит нам. Кто? Я никому не скажу.

– Знаю. Извини, старина, не имею права. Однако могу предложить тебе одно умозрительное соображение. Предположим, есть мужчина, который женат, очень важная персона, и есть дама, чей дядюшка, как выяснилось, первый человек после негласного главы нелегальной тайной полиции гоминьдана³⁷ в Гонконге. Предположим, гоминьдан захочет привлечь эту очень важную персону на свою сторону. Конечно же, на него можно надавить с помощью такой дамы. Верно ведь?

– Верно, – охотно согласился Данросс. – Если он болван. – Он уже знал о дяде Вэй-вэй, Жэне, и несколько раз встречался с ним на приемах в Тайбэе. И этот человек ему понра-

³⁷ *Гоминьдан* (Националистическая партия Китая) – консервативная политическая партия, основана вскоре после свержения династии Цин в 1912 г. Вела борьбу за контроль над страной сначала с северными милитаристами, а потом с коммунистами до исхода националистов на Тайвань в 1949 г.

вился. «Тут никаких проблем, – подумал он. – Она мне не любовница и даже не подруга, хотя красива и желанна. И соблазнительна».

Он улыбнулся своим мыслям, двигаясь в потоке машин по Мэгэзин-Гэп-роуд. Потом подождал в очереди, чтобы проехать по круговой развязке, и направился по Гарден-роуд к Сентрал, до которого оставалось полмили, и к морю.

Уже показалось взметнувшееся ввысь современное двадцатидвухэтажное здание – офис «Струанз». Фасадом оно выходило на Коннот-роуд и на море почти напротив терминала компании «Голден ферриз», паромы которой курсировали между Гонконгом и Коулун. Видеть офис было, как всегда, приятно.

Отыскивая где только можно лазейки в плотном движении, он объехал слева отель «Хилтон» и площадки для крикета, потом свернул на Коннот-роуд, где на тротуарах было полно пешеходов. И остановил машину около главного входа в Струан-билдинг.

«Большой день сегодня, – подумал он. – Приехали американцы. И если повезет, Бартлетт станет той петлей, которая затянется на шее Квиллана Горнта раз и навсегда. Дай нам Бог проверить все это!»

– Доброе утро, сэр, – бодро приветствовал его швейцар в униформе.

– Доброе утро, Том.

Данросс выбрался из низко сидящей машины и взбежал по мраморным ступенькам, перепрыгивая через одну, к огромной стеклянной входной двери. Другой швейцар отогнал машину в подземный гараж, а еще один распахнул перед ним дверь. В стекле отразился подкативший «роллс-ройс». Узнав его, Данросс оглянулся. Из машины вышла Кейси, и он невольно присвистнул. Шелковый костюм строгих линий выглядел очень консервативно, но не скрадывал стройности фигуры и грации танцующей походки, а его морская зелень подчеркивала темное золото ее волос. В руках у нее был кейс.

Она огляделась, почувствовав чужой взгляд. Тут же узнав Данросса, тоже смерила его взглядом, и, хотя все это продолжалось лишь мгновение, обоим оно показалось очень долгим. Долгим и неспешным.

Первой шаг к нему сделала она. Он пошел навстречу.

– Приветствую, мистер Данросс!

– Привет. Мы ведь раньше не встречались, верно?

– Да. Но вас легко узнать по фотографиям. Я рассчитывала, что буду иметь удовольствие познакомиться с вами чуть позже. Я – Кейс...

– Да-да, – улыбаясь, сказал он. – Джон Чэнь звонил мне вчера поздно вечером. Добро пожаловать в Гонконг, мисс Чолок. Вы же мисс, так ведь?

– Да. Надеюсь, то, что я женщина, ни на что особенно не повлияет.

– Повлияет, еще как повлияет. Но эту проблему мы постараемся уладить. Не желаете ли вы с мистером Бартлеттом быть моими гостями на скачках в субботу? Ланч и все такое?

– Думаю, это было бы замечательно. Но мне нужно спросить у Линка. Могу я подтвердить наше согласие сегодня днем?

– Конечно.

Он задержал на ней взгляд. Она на него ответила. Швейцар все еще держал дверь открытой.

– Ну что же, пойдете, мисс Чолок, сражение начинается.

Она быстро глянула на него:

– Зачем нам сражаться? Мы приехали заниматься бизнесом.

– О да, конечно. Прошу прощения, это лишь одно из выражений Сэма Акройда. Объясню в другой раз.

Он жестом пригласил ее войти и повел к лифтам. Все ждавшие в длинной очереди тут же отступили в сторону, чтобы пропустить их в подошедшую первой кабину. Кейси стало неловко.

– Спасибо, – поблагодарил Данросс, не видя в этом ничего особенного.

Он зашел вслед за ней в лифт, нажал на кнопку с цифрой «20», самую верхнюю, рассеянно отметив про себя, что Кейси не пользуется духами, а из украшений у нее лишь тонкая золотая цепочка на шее.

– А почему дверь главного входа под углом? – спросила она.

– Извините, что вы сказали?

– Такое впечатление, что главный вход слегка наклонен – стоит не совсем прямо, – и я спросила почему.

– Вы очень наблюдательны. Ответ на это – *фэньшуй*.³⁸ Мы построили это здание четыре года назад, но по какой-то причине забыли проконсультироваться с экспертом нашей компании по *фэньшуй*. Это некто вроде астролога, специалист по небу, земле, водяным потокам и злым духам и прочему, который должен удостовериться, что ты строишь на спине, а не на голове Дракона Земли.

– Что?

– О да. Видите ли, во всем Китае каждое здание стоит на определенной части Дракона Земли. Если на спине – очень хорошо, но если на голове – это очень плохо, и просто ужасно – если на глазном яблоке. Так вот, когда мы стали выяснять, что и как, наш специалист по *фэньшуй* сказал, что мы на спине Дракона – слава богу, иначе пришлось бы переезжать в другое место, – но злые духи проникают в дверь, и именно от этого все неприятности. Он посоветовал переставить дверь. Под его руководством мы поставили ее под другим углом, и с тех пор злым духам сюда дороги нет.

– Ну а теперь назовите настоящую причину, – усмехнулась она.

– *Фэньшуй*. Нам здесь очень не везло, по сути дела, невезение было просто страшное, пока дверь не заменили. – Лицо Данросса на миг посуровело, но потом омрачившая его тень прошла. – Как только мы поставили ее под другим углом, все снова стало хорошо.

– Вы хотите сказать, что действительно верите во все это – злых духов и драконов?

– Я в это нисколько не верю. Прийти к этому не просто, но вы поймете, что в Китае лучше всего вести себя немного по-китайски. Не забывайте, что Гонконг все же Китай, хоть и британское владение.

– Вы пришли к этому...

Лифт остановился, и двери открылись. В обшитой панелями приемной место за столиком секретаря занимала аккуратная исполнительная китаянка. Она с одного взгляда оценила наряд Кейси и ее украшения.

«Корова, на тебе все написано большими буквами», – подумала Кейси, ответив такой же любезной улыбкой.

– Доброе утро, тайбань, – заискивающе приветствовала босса секретарша.

– Мэри, это мисс Кей Си Чолок. Прошу проводить ее в офис мистера Струана.

– О, но... – Мэри Ли пыталась скрыть изумление. – Они, они ждут... – Она взялась за трубку, но Данросс остановил секретаршу: – Просто проводите ее. Сейчас же. Объявлять о ее прибытии не нужно. – Он снова повернулся к Кейси. – Вы в воздухе, действуйте. До скорой встречи.

– Да, спасибо. Пока.

³⁸ *Фэньшуй* – древняя китайская практика размещения предметов и организации пространства, цель которой – достижение гармонии с окружающей средой.

– Прошу следовать за мной, мисс Чулук, – сказала Мэри Ли и пошла через зал. Обтягивающий *чунсам* с высоким разрезом на бедрах, длинные ноги в чулках, игривая походка.

На секунду Кейси задержала на ней взгляд. «Наверное, из-за этого разреза походка у них такая неприкрыто сексуальная», – думала Кейси, изумленная подобной откровенностью. Она перевела взгляд на Данросса и подняла бровь.

Тот ухмыльнулся:

– До встречи, мисс Чолок.

– Пожалуйста, называйте меня Кейси.

– Возможно, я предпочел бы Камальян³⁹ Сирануш.

Она изумленно уставилась на него:

– Откуда вы знаете мои имена? Наверное, даже Линк их не вспомнит.

– Ах, хорошо иметь высокопоставленных друзей, верно? – улыбнулся он. – *À bien tôt.*⁴⁰

– *Oui, merci,*⁴¹ – автоматически ответила она.

Он зашагал к лифту напротив и надавил на кнопку. Двери раскрылись и тут же закрылись за ним.

Кейси задумчиво пошла за Мэри Ли. Та ждала, наострив уши и стараясь не пропустить ни слова.

В лифте Данросс вынул ключ, вставил в замок и повернул. Лифт включился. Он обслуживал лишь два верхних этажа. Данросс нажал нижнюю кнопку. Такие ключи были еще лишь у троих: у его исполнительного секретаря Клаудиа Чэнь, его персонального секретаря Сандры И и Первого Боя Лим Чу.

На двадцать первом этаже располагались его личный офис и зал заседаний внутреннего совета. Пентхаус на двадцать втором занимали личные апартаменты тайбаня. И лишь у него одного имелся ключ от последнего частного лифта, соединявшего напрямую пентхаус и подземный гараж.

– Иэн, – сказал его предшественник на посту тайбаня, Аластэр Струан, передавая ему ключи, после того как Филлип Чэнь ушел, – уединение – самое ценное, что у тебя есть. Дирк Струан и это заложил в свое завещание, и как мудро он поступил! Не забывай, что частные лифты, как и апартаменты тайбаня, не для роскоши или показухи. Это лишь возможность обеспечить себе необходимую меру секретности, может быть, даже убежище. Ты лучше поймешь это, когда считаешь завещание и посмотришь, что лежит в сейфе тайбаня. Береги этот сейф как зеницу ока. Предосторожности лишними не будут: секретов там множество – иногда мне казалось, даже слишком много, – и некоторые далеко не привлекательны.

– Надеюсь, у меня получится, – вежливо ответил он, с трудом вынося своего кузена. Данросс был тогда страшно взволнован: наконец-то он получил то, к чему стремился много лет! Сколько тяжкого труда было положено, чтобы добиться этого, и сколько на это поставлено.

– Получится. У тебя – получится, – натянуто признал Аластэр Струан. – Ты прошел все испытания и хотел заниматься этим с тех пор, как начал что-то соображать. Так?

– Верно, – согласился Данросс. – Я старался готовить себя к этому. Да. Удивительно лишь то, что передаешь мне это ты.

– Самый высокий пост в «Струанз» передается тебе не по праву рождения – благодаря этому можно только войти во внутреннее правление, – а потому, что, на мой взгляд, из нас ты лучший, кто может стать моим преемником, и ты многие годы целеустремленно шел к этому, расталкивая остальных и пробивая себе дорогу. Так ведь было на самом деле, верно?

³⁹ Так у автора.

⁴⁰ Пока (*фр.*).

⁴¹ Да, спасибо (*фр.*).

– «Струанз» нужны перемены. Если уж называть вещи своими именами, Благородный Дом представляет собой черт знает что. Но тебя во всем винить нельзя: была война, потом Корея, потом Суэц⁴² – несколько лет тебе не везло. Пройдут годы, прежде чем мы почувствуем себя в безопасности. Если бы Квиллан Горнт – или любой другой из двадцати врагов – знал половину правды, знал, насколько завышена цена наших акций, мы утонули бы в своих никому не нужных бумагах за неделю.

– Наши бумаги не «дутые», напрасно ты говоришь, что они никому не нужны! Ты преувеличиваешь, как всегда!

– Их цена – двадцать центов на каждый доллар, потому что у нас не хватает капитала, недостаточно наличности и над нами нависла просто смертельная опасность!

– Чушь!

– Ты так думаешь? – В голосе Данросса зазвучали резкие нотки. – «Ротвелл-Горнт» сожрали бы нас за месяц, если бы знали размер нашей текущей дебиторской задолженности по счетам против срочной кредиторской.

Уставившись на него, старик молчал. Потом обронил:

– Это лишь временное явление. Обычное для этого сезона и временное.

– Ерунда! Ты прекрасно знаешь, почему передаешь мне должность: только я смогу разрулить кавардак, оставленный вами – тобой, моим отцом и твоим братом.

– Ну да, готов поспорить, ты сможешь. Это верно, – вспыхнул Аластэр. – Да. У тебя в крови как раз столько от «Дьявола» Струана, что ты смог бы послужить и этому хозяину, если бы захотел.

– Спасибо. Скажу честно: я не позволю, чтобы что-то стояло у меня на пути. И раз уж мы этой ночью говорим все напрямик, могу сказать, почему ты всегда ненавидел меня, почему меня ненавидел и мой собственный отец.

– Прямо-таки можешь?

– Да. Потому что я вернулся с войны, а твой сын – нет. Твой племянник Линбар, последний в вашей ветви клана Струанов, парень славный, но толку от него никакого. Да, я выжил, а мои бедные братья – нет, и от этого отец до сих пор сходит с ума. Ведь это так, да?

– Да, – согласился Аластэр Струан. – Да, боюсь, что так оно и есть.

– А я не боюсь, что так оно и есть. Я ничего не боюсь. Спасибо бабке Данросс.

* * *

– Хейя, тайбань, – бодро приветствовала его Клаудиа Чэнь, когда двери лифта открылись. Живая седовласая евразийка, перевалившая за шестьдесят, она сидела за огромным письменным столом, занимавшим большую часть фойе двадцать первого этажа. Из сорока двух лет, в течение которых Клаудиа служила Благородному Дому, двадцать пять она состояла исключительно при сменявших друг друга тайбанях. – *Ни хао ма?* (Как дела?)

– *Хао, хао* (хорошо), – рассеянно ответил он. Потом перешел на английский: – Бартлетт звонил?

– Нет, – нахмурилась она. – Он и не должен был звонить до ланча. Хотите, я попробую дозвониться до него?

– Нет, не нужно. А что мой звонок Форстеру в Сидней?

– Тоже еще не дозвонились. И господину Мак-Струану в Эдинбург. Вы чем-то обеспокоены? – спросила она, мгновенно уловив его настроение.

– Что? О нет, ничего.

⁴² Имеется в виду Суэцкий кризис 1956 г., когда чуть не началась вооруженная агрессия Великобритании и Франции против Египта после национализации Суэцкого канала.

Он сбросил с себя напряжение и прошел мимо ее стола в свой офис, окна которого выходили на бухту, и сел в мягкое кресло рядом с телефоном. Закрыв дверь, она присела рядом с блокнотом наготове.

– Вспоминал сейчас свой день «Д». ⁴³ День, когда я принял вахту.

– А-а. Джосс, тайбань.

– Да.

– Джосс, – повторила она. – И это было так давно.

– Давно? – засмеялся он. – Да, за это время можно было сорок жизней прожить. Еще трех лет не прошло, а весь мир уже совсем другой, и все происходит так быстро. Интересно, на что будет похожа следующая пара лет?

– Будет все то же самое, тайбань. Я слышала, вы столкнулись с мисс Кейси Чолок у главного входа?

– Э, кто вам сказал? – резко спросил он.

– Боже всемогущий, тайбань, не могу же я раскрывать свои источники. Но я слышала, вы долго смотрели на нее, а она – так же долго – на вас. *Хейя?*

– Ерунда! Кто сказал вам о ней?

– Вчера вечером я позвонила в отель, чтобы проверить, все ли в порядке. Управляющий и сказал. Представляете, этот болван собирался заявить, что у них «все номера заняты». «Ха, какое ваше дело, – срезала я его, – живут ли они в одном люксе и спят ли в одной кровати? На дворе шестьдесят третий год, мы живем в современном мире, в котором множество вольностей, и в любом случае это прекрасный люкс с двумя входами и отдельными комнатами, а самое главное, они наши гости». – Она фыркнула от смеха. – Я немного злоупотребила служебным положением... *Айийя*, власть – милая игрушка.

– А вы говорили молодому Линбару и остальным, что за инициалами Кей Си скрывается женщина?

– Нет. Никому. Что вы это знаете, мне уже было известно. Барбара Чэнь сказала, что мастер Джон звонил вам насчет Кейси Чолок. Ну как вам она?

– Если одним словом – *сексатильная*, – ухмыльнулся он.

– Да, а что еще?

Данросс задумался.

– Весьма привлекательна, прекрасно одета – хотя сегодня в приглушенных тонах, думаю, ради нас. Очень уверенная и очень наблюдательная: обратила внимание, что главный вход необычен, и спросила об этом. – Он взял нож из слоновой кости для разрезания бумаги и принялся вертеть в руках. – Джону она совсем не понравилась. Он готов побиться об заклад – передаю слово в слово, – что это одна из тех смехотворных американок, которые как калифорнийские фрукты: выглядят прекрасно, много мякоти, а на вкус никакие!

– Бедный мастер Джон, как бы ему ни нравилась Америка, он все же предпочитает некоторые... э-э... аспекты Азии!

Данросс усмехнулся:

– А как она умеет вести переговоры, мы скоро выясним. Я отправил ее на встречу без доклада.

– Спорю на пятьдесят гонконгских долларов, что по меньшей мере один из них знал заранее, что она женщина.

– Филлип Чэнь, конечно, – но эта старая лиса не скажет остальным. Ставлю сотню, что ни Линбар, ни Жак, ни Эндрю Гэваллан не знали.

– Идет, – согласилась довольная Клаудиа. – Можете заплатить сразу, тайбань. Я сегодня утром потихоньку проверила.

⁴³ День «Д» (англ. D-Day) – на военном жаргоне день начала наступления или операции.

– Возьмите из денег на мелкие расходы, – нахмурился он.

– Извините. – Она протянула ладонь. – Спор есть спор, тайбань.

Он нехотя вручил ей красную стодолларовую купюру.

– Благодарю вас. А теперь спорю на сотню, что Кейси Чолок обставит мастера Линбара, мастера Жака и Эндрю Гэваллана по всем статьям.

– Откуда вы знаете? – подозрительно спросил он. – А?

– На сотню?

– Хорошо.

– Отлично! – бодро произнесла она и тут же сменила тему: – А как быть с ужинами для мистера Бартлетта? С партией в гольф и поездкой на Тайвань? Вы ведь, конечно, не сможете взять на эти мероприятия женщину. Отменить их?

– Нет. Я поговорю с Бартлеттом: он поймет. Хотя я пригласил ее на скачки в субботу, вместе с ним.

– О, это значит, на два человека больше, чем помещается в ложе. Я отменю приглашение чете Пан, они не обидятся. Вы хотите, чтобы американцы сидели вместе за вашим столом?

Данросс нахмурился:

– Она должна быть за моим столом на месте почетного гостя, а его посадите как почетного гостя рядом с Пенелопой.

– Очень хорошо. Я позвоню миссис Данросс и сообщу ей. О, и Барбара – жена мастера Джона – хочет поговорить с вами. – Клаудиа со вздохом расправила складку на аккуратном темно-синем *чунсае*. – Мастер Джон не вернулся домой вчера ночью, хотя ничего особенного в этом нет. Но сейчас уже десять минут одиннадцатого, и я тоже не могу найти его. Похоже, он не был на «утренней молитве».

– Да, я знаю. Он вчера вечером занимался Бартлеттом, и я разрешил ему не появляться на ней. – «Утренней молитвой» в компании шутили называли обязательную встречу тайбаня со всеми управляющими директорами подконтрольных «Струанз» компаний, которая проводилась каждое утро в восемь часов. – Джону сегодня нет нужды приходить, до ланча ему тут нечего делать. – Данросс указал из окна на бухту. – Он, наверное, на своей яхте. Сегодня прекрасный день, чтобы выйти под парусом.

– Она так разошлась, тайбань, просто ужас, даже для нее.

– Она всегда в таком состоянии, бедняга! Джон на яхте или на квартире у Мин-ли. К ней дозвониться не пробовали?

Она хмыкнула:

– Как говаривал ваш отец, в закрытый рот малые зверушки не залетают. Тем не менее думаю, теперь я могу вам сказать. Мин-ли была Второй Подружкой почти два месяца. Его новая фаворитка называет себя Ароматный Цветок и занимает одну из его «частных квартир» рядом с Абердин-Мэйн-роуд.

– Ага, очень удобно: стоянка яхты рядом!

– О да, конечно. Она точно цветок, Падший Цветок из дансинга «Удачливый дракон» в Ваньчае. Но и она не знает, где мастер Джон. Он не был ни у одной, хотя, по словам мисс Падший Цветок, они договаривались на полночь.

– Как вам удалось все это выяснить? – Он был просто восхищен.

– Власть, тайбань, и сеть связей, которая создавалась пять поколений. Как бы мы иначе выжили, *хейя*? – хихикнула она. – Ну, если хотите немного действительно скандальных подробностей, Джон Чэнь не знает, что в первую ночь, когда он переспал с ней, она не была девственницей, как утверждали и она сама, и ее маклер.

– Да что вы?

– Да-да. Он заплатил маклеру... – Зазвонил один из телефонов, и она сняла трубку. – Одну минуту, пожалуйста, – сказала она, нажав на клавишу HOLD, и, довольная, продолжала с того места, где прервалась: – ...наличными пятьсот американских долларов, но и ее слезы, и все, э-э, доказательства, все это было ненастоящее. Бедняга, но ведь подделом ему, а, тайбань? Зачем такому мужчине в его-то годы понадобилась девственность для укрепления мужского начала *ян* – ведь ему всего сорок два, *хейя*? – Она нажала на клавишу ON. – Офис тайбаня, доброе утро, – вежливо проговорила она.

Он наблюдал за ней, изумленный, пораженный, ошеломленный, как и всегда, тем, сколько у нее источников информации – точной и не очень, – и тем, как ей нравится обладать секретами. И передавать их. Но только членам клана и отдельным лицам внутри компании.

– Минутку, пожалуйста. – Она нажала на клавишу HOLD. – С вами хотел бы встретиться суперинтендент Армстронг. Он внизу с суперинтендентом Квоком. Приносит извинения, что без предварительной договоренности, но не могли бы вы принять их ненадолго?

– А, винтовки. Наша полиция с каждым днем работает все эффективнее, – мрачно усмехнулся он. – Я думал, они появятся лишь после ланча.

В семь утра ему подробно доложил обо всем Филлип Чэнь. Тому позвонил сержант полиции, родственник Чэней, который участвовал в рейде.

– Лучше бы ты задействовал наши собственные возможности, Филлип, чтобы выяснить, кто это сделал и зачем, – озабоченно сказал он.

– Уже задействовал. Слишком уж большое совпадение, чтобы винтовки оказались именно на самолете Бартлетта.

– Будет крайне неудобно, если выяснится, что мы тем или иным образом связаны с этим.

– Да.

Он заметил, что Клаудиа терпеливо ждет.

– Попросите Армстронга погодить десять минут. А потом проводите их наверх.

Выполнив его распоряжение, она сказала:

– Если так быстро подключили суперинтендента Квока, дело, должно быть, серьезнее, чем мы полагали, *хейя*, тайбань?

– Особое подразделение или особая разведслужба должны подключаться сразу. Могут поспорить, что они уже связались с ФБР и ЦРУ. Появление Брайана Квока вполне логично. Он старый приятель Армстронга и один из лучших людей у них.

– Да, – с гордостью согласилась Клаудиа. – И-и-и, каким прекрасным мужем он станет кому-то.

– А если еще она будет из рода Чэнь, сколько дополнительной власти, *хейя*? – Все знали, что Брайану Квоку прочат должность первого помощника комиссара полиции, он стал бы первым китайцем на этом посту.

– Конечно, такую власть нужно хранить в семье. – Зазвонил телефон. – Да, я передам, благодарю вас. – Она раздраженно бросила трубку. – Адъютант губернатора, звонит, чтобы напомнить вам о коктейле в шесть вечера, – будто я забуду! – хмыкнула она.

Данросс снял одну из трубок и набрал номер.

– *Вэйийй* (Алло)? – донесся хриплый голос *ама*, служанки-китайки.

– Чэнь *тайтай*, – сказал он на прекрасном кантонском. – Миссис Чэнь, пожалуйста, это мистер Данросс. – Он подождал. – А, Барбара, доброе утро.

– О, привет, Иэн. Джон еще не появлялся? Прошу прощения, что побеспокоила.

– Ничего страшного. Еще нет. Но как только появится, я попрошу его позвонить тебе. Он мог с утра пораньше отправиться на ипподром посмотреть на разминку Голден Леди. Ты не звонила в Скаковой клуб?

– Звонила, но они не припомнят, чтобы он там завтракал, а разминка проходила с пяти до шести утра. Будь он проклят! Ни о ком не думает. *Айийя*, эти мужчины!

– Может, вышел в море на яхте? Здесь ему нечего делать до ланча, а день сегодня отличный, чтобы выйти под парусом. Ты же знаешь, какой он, – на стоянке проверяла?

– Я не могу, Иэн, туда надо ехать, там нет телефона. У меня время назначено в парикмахерской, и я просто не могу это отменить – весь Гонконг будет у тебя сегодня на приеме, – я просто не могу все бросить и мчаться в Абердин.

– Пошли одного из своих водителей, – сухо предложил Данросс.

– Тана сегодня нет, а Учат возит меня, Иэн. Я просто не могу послать его в Абердин: на это уйдет битый час, а у меня еще партия в мацзян с двух до четырех.

– Я скажу Джону, чтобы он позвонил тебе. Это будет примерно во время ланча.

– Я вернусь самое раннее в пять. Пусть только появится, получит по самое некуда. О, ну спасибо, извини, что побеспокоила. Пока.

– Пока. – Данросс положил трубку и вздохнул. – Чувствую себя нянькой какой-то, черт возьми.

– Поговорите с отцом Джона, тайбань, – предложила Клаудиа Чэнь.

– Говорил. Один раз. Больше не буду. В этом виноват не только Джон. Эта дама кого угодно доведет до умопомрачения. – Он ухмыльнулся. – Но я согласен, что разошлась она дальше некуда: на сей раз Джону это будет стоить кольца с изумрудом или, по крайней мере, норкового манто.

Телефон зазвонил снова. Клаудиа подняла трубку:

– Алло, офис тайбаня! Да? О! – Довольное выражение исчезло, и она посуровела. – Минуточку, пожалуйста. – Она ткнула клавишу. – Международный от Хиро Тоды из Иокогамы.

Данросс знал, как она относится к Хиро Тоде, знал, что она ненавидит японцев и не одобряет связей Благородного Дома с ними. Он тоже не мог простить японцам того, что они творили в Азии во время войны. Как относились к побежденным. К беззащитным. К мужчинам, женщинам, детям. Концлагеря и смерти, которых могло бы и не быть. Как солдат он не имел против них ничего. Ничего. Война есть война.

Сам он воевал с немцами. А Клаудиа провела войну здесь, в Гонконге. Как евразийку, ее во время японской оккупации не посадили в тюрьму Стэнли вместе со всеми гражданскими европейцами. Она с сестрой и братом пыталась помогать военнопленным, доставляя тайком в лагерь пищу, медикаменты и деньги. Ее схватила *кампэйти*, японская военная полиция. С тех пор она не могла иметь детей.

– Сказать, что вас нет? – спросила она.

– Не надо.

Два года назад Данросс вложил огромный капитал в компанию «Тода шиппинг индастриз» из Иокогамы на постройку гигантских балкеров для укрепления флота «Струанз», поредевшего за годы войны. Он выбрал именно эту японскую компанию, потому что качество ее продукции было самым высоким, условия она предложила самые выгодные, гарантировала доставку и многое другое, чего не предлагали британские судостроители. И потому еще, что знал: уже пора забыть.

– Привет, Хиро, – сказал он. Японец ему нравился. – Рад слышать. Как там, в Японии?

– Прошу извинить, что отрываю от дел, тайбань. В Японии все хорошо, только жарко и влажность высокая. Все по-прежнему.

– Как мои суда?

– Отлично, тайбань. Все как договорились. Я хотел лишь сообщить, что буду в Гонконге по делам утром в субботу. Останусь на выходные, а потом лечу дальше в Сингапур, Сидней и

назад в Гонконг, чтобы успеть на закрытие нашего контракта. Вы по-прежнему собираетесь в Иокогаму, чтобы присутствовать при спуске на воду обоих судов?

– О да. Да, непременно. Когда вы прилетаете в субботу?

– В одиннадцать десять рейсом «Джапан эрлайнз».

– Я pošлю машину встретить вас. Может, сразу приедете в Хэппи-Вэлли⁴⁴ на скачки? Встретимся за ланчем, а потом моя машина доставит вас в отель. Вы будете в «Виктория энд Альберт»?

– На этот раз мы остановимся в «Хилтоне», на гонконгской стороне. Прошу извинить, тайбань, не хочу причинять столько беспокойства, мне так неудобно.

– Пустяки. Вас встретит один из моих людей. Вероятно, Эндрю Гэваллан.

– А, очень хорошо. Что ж, благодарю вас, тайбань. До встречи, извините за причиненное неудобство.

Данросс положил трубку. «Интересно, зачем он звонил на самом деле? Хиро Тода, управляющий директор наиболее бурно развивающегося судостроительного комплекса в Японии, ничего не делает ни с того ни сего или непродуманно».

Данросс размышлял о завершении их сделки по судам и о трех платежах по два миллиона каждый, сроки которых – первое, одиннадцатое, пятнадцатое сентября и остаток в течение девяноста дней – неминуемо приближались. На сегодняшний день у него этих денег не было. Как не было и подписанного договора с фрахтователем, необходимого как обеспечение банковского займа.

– Ничего, – непринужденно произнес он, – все будет замечательно.

– Для них – да. Вы знаете, я не верю им, тайбань. Ни одному.

– Их нельзя винить, Клаудиа. Они лишь пытаются экономическими средствами добиться того, чего не добились средствами военными.

– Своими ценами вытесняя всех с мировых рынков.

– Они работают как черти, получают прибыли и похоронят нас, если мы им это позволим. – Его взгляд тоже посуровел. – Но ведь, в конце концов, Клаудиа, стоит покопаться в прошлом любого англичанина или шотландца – и наткнешься на пирата. Если мы будем такими безмозглыми идиотами и допустим, чтобы нас разорили, значит мы того заслуживаем. Разве не на том стоит Гонконг?

– Но зачем помогать врагам?

– Они были врагами, – добродушно возразил он. – Но всего каких-то двадцать с лишним лет, а наши связи с ними насчитывают столетие. Разве не мы первыми наладили торговлю с Японией? Разве не «Карга» Струан приобрела для нас первый участок земли, выставленный на продажу в Иокогаме в тысяча восемьсот шестидесятом году? Разве не она наказала, что треугольник Китай – Япония – Гонконг должен быть во главе угла политики «Струанз»?

– Да, тайбань, но разве вы не счи...

– Нет, Клаудиа, мы сто лет работали с домами Тоды, Касиги, Торанаги, и сейчас компания «Тода шиппинг» очень важна для нас.

Снова зазвонил телефон. Она сняла трубку:

– Да, я ему перезвоню. – Потом, обращаясь к Данроссу: – Это поставщики – по поводу вашего сегодняшнего приема.

– В чем проблема?

⁴⁴ *Хэппи-Вэлли* (букв. Счастливая долина) – один из двух гонконгских ипподромов, где проходят призовые скачки. Расположен в северной части острова Гонконг, в районе Ваньчай. Построенный в 1845 г., в 1995 г. перестроен в ипподром мирового класса.

– Проблемы никакой, тайбань, просто канючат. Мол, ведь это же двадцатая годовщина свадьбы *самого* Тайбаня. Будет весь Гонконг, а на весь Гонконг надо произвести впечатление. – Снова телефонный звонок. Она сняла трубку. – А, прекрасно. Соедините... Билл Форстер из Сиднея.

Данросс взял трубку:

– Билл... нет, ты самый верхний в списке. Ты еще не заключил сделку с «Вулара пропертиз»?.. В чем задержка?.. Меня это не интересует. – Он взглянул на часы. – У вас сейчас самое начало первого. Позвони им немедленно и предложи на пятьдесят австралийских центов больше за акцию, предложение остается в силе до закрытия торгов сегодня. Немедленно созвонись с банком в Сиднее и скажи, чтобы они потребовали у них полной выплаты всех займов сегодня до конца рабочего дня... Это меня волнует меньше всего: они и так уже задержали платежи на тридцать дней. Мне нужен контроль над этой компанией теперь же. Без него наша сделка по чартеру нового балкера распадается, и нам придется начинать все сначала. И закажи билет на четверг на рейс пятьсот сорок три авиакомпании «Кантас». Хочу, чтобы ты прилетел сюда на совещание. – Он положил трубку. – Вызовите Линбара, как только закончится встреча с Чолок. Закажите ему билет в Сидней на пятницу утром, рейс семьсот шестнадцать «Кантас».

– Да, тайбань. – Она сделала пометку и передала ему список. – Это ваши встречи на сегодня.

Он пробежал список глазами. С утра четыре собрания советов директоров дочерних компаний: «Голден ферриз» в десять тридцать, «Струан мотор импортс оф Гонконг» в одиннадцать ровно, «Чжун Ли фудз» в одиннадцать пятнадцать и «Коулун инвестментс» в одиннадцать тридцать. Ланч с Линкольном Бартлеттом и мисс Кейси Чолок с двенадцати сорока до четырнадцати. Еще собрания советов директоров после полудня. Питер Марлоу в шестнадцать ровно, Филипп Чэнь в шестнадцать двадцать, коктейль у губернатора в восемнадцать часов, прием в честь годовщины его свадьбы начинается в двадцать ноль-ноль, напоминание о звонке Аластэру Струану в Шотландию в двадцать три ноль-ноль и еще по меньшей мере пятнадцать звонков в течение дня другим людям по всей Азии.

– Кто такой Марлоу?

– Писатель, что остановился в «Вик». Помните, неделю назад он обратился с письменной просьбой о встрече. Собирает материалы для книги о Гонконге.

– Ах да – смахивает на бывшего летчика королевских ВВС.

– Да. Хотите, чтобы я перенесла встречу с ним?

– Нет. Оставьте все как есть, Клаудиа. – Он вынул из заднего кармана тонкий футляр из черной кожи и передал дюжину карточек для заметок, исчерканных его скорописью. – Тут кое-какие телеграммы и телексы, которые нужно отправить немедленно, и заметки для нескольких собраний советов директоров. Соедините меня с Жэнем в Тайбэе, потом с Хэвегиллом в банке, а потом по вашему списку.

– Хорошо, тайбань. Я слышала, Хэвегилл собирается уходить.

– Чудесно. Кто будет вместо него?

– Еще никто не знает.

– Будем надеяться, что Джонджон. Задействуйте своих шпионов, пусть поработают. Спорю на сотню, что выясню раньше вас!

– Идет!

– Замечательно. – Данросс протянул руку и любезно произнес: – Можете заплатить прямо сейчас. Это Джонджон.

– Э? – Она изумленно уставилась на него.

– Мы приняли решение вчера вечером, все директора. Я попросил никому не говорить об этом до одиннадцати сегодня.

Она нехотя достала стодолларовую купюру и протянула ее:

– *Айийя*, а я уже так к ней привязалась.

– Благодарю вас, – проговорил Данросс, кладя деньги в карман. – Я и сам к ней очень привязался.

В дверь постучали.

– Да, – сказал он.

Вошла Сандра И, его личный секретарь.

– Прошу прощения, тайбань, но рынок вырос на два пункта, и у вас Холдбрук на линии два. – Алан Холдбрук возглавлял их внутреннюю брокерскую компанию.

Данросс ткнул кнопку линии два.

– Клаудиа, как только закончу, пригласите Армстронга.

Она вышла с Сандрой И.

– Да, Алан?

– Доброе утро, тайбань. Первое: ходят устойчивые слухи, что мы собираемся назвать условия покупки контрольного пакета «Эйшн пропертиз».

– Вероятно, их распускает Джейсон Пламм, чтобы поднять стоимость своих акций перед ежегодным собранием. Ты же знаешь, какой это предусмотрительный тип.

– Наши акции выросли на десять центов, возможно из-за этого.

– Прекрасно. Купи мне сразу двадцать тысяч.

– С маржей?

– Конечно, с маржей.

– Хорошо. Второй слух: мы заключили многомиллионную сделку с «Пар-Кон индастриз» – громадное расширение.

– Мечты, мечты, – непринужденно протянул Данросс, яростно гадая, откуда могла быть утечка информации. Предполагалось, что о схеме по банкротству «Эйшн пропертиз» знает только Филлип Чэнь, а в Эдинбурге – Аластер Струан и старик Шон Мак-Струан. Сделка же с «Пар-Кон» была совершенно секретной, и о ней знали лишь члены внутреннего правления.

– Третье: кто-то покупает крупными пакетами наши акции.

– Кто?

– Не знаю. Но творится что-то неладное, тайбань. Если иметь в виду, что в прошлом месяце наши акции потихоньку шли в гору... Не вижу иной причины, кроме того, что есть покупатель или покупатели. Такая же история с «Ротвелл-Горнт». Я слышал, что пакет из двухсот тысяч акций купили из-за границы.

– Выясни, кто купил.

– Господи, если бы я знал как. Рынок беспокойный, и обстановка очень нервная. Вокруг болтаются уйма китайских денег. Заключается множество мелких сделок... несколько акций здесь, несколько там, но если это умножить на сто тысяч или около этого... рынок может обвалиться... или рвануть вверх.

– Прекрасно. Тогда мы все и сорвем куш. Позвони мне перед окончанием торгов. Спасибо, Алан. – Он положил трубку, чувствуя, как по спине скатываются капли пота. – Черт, – произнес он вслух. – Что происходит?

Во внешнем офисе Клаудиа Чэнь просматривала бумаги вместе с Сандрой И, которая приходилась ей племянницей по материнской линии: умная, очень симпатичная, двадцати семи лет, а голова работает что твои счеты. Клаудиа взглянула на часы:

– Внизу ждет суперинтендент Квок. Меньшая Сестра, не сходишь ли за ним – через шесть минут?

– *Айийя*, хорошо, Старшая Сестра! – Сандра И торопливо поправила макияж и убежала.

Клаудиа улыбнулась ей вслед: прекрасная, просто прекрасная партия была бы для Брайана Квока. Довольная, она уселась за свой стол и принялась печатать телексы. «Все, что

ни делается, к лучшему, – заключила она про себя. – Нет, тайбань что-то сказал... что же это было? Ах да!» Она набрала свой домашний номер.

– *Вэйийй?* – Это была ее *ама*, А Сам.

– Послушай, А Сам, Третья Горничная Фэн в «Вик» не твоя ли родственница в третьем колене?

– О да, Матушка, – ответила А Сам, используя вежливое обращение китайских служанок к госпоже. – Но она в четвертом колене и из ветви Фэн-тат, а не из моей – Фэн-сам.

– Неважно, А Сам. Позвони ей и выясни все, что сможешь, о двух заморских дьяволах из Золотой Горы. Они в люксе «Благоухающая весна». – Клаудиа терпеливо назвала по буквам их имена и фамилии, а потом деликатно добавила: – Я слышала, они очень необычно ведут себя в постели.

– *Айийя*, если кто может выяснить, так это Третья Горничная Фэн. Ха! А что у них необычного?

– Все странно и необычно, А Сам. Давай, действуй, масляный роток. – Улыбаясь, она положила трубку.

Двери лифта открылись. Сандра И пригласила обоих офицеров полиции войти и потом нехотя удалилась. Брайан Квок проводил ее взглядом. Ему было тридцать девять лет, высокий для китайца – чуть больше шести футов, приятные черты лица и иссиня-черные волосы. Оба были в штатском. Клаудиа начала вежливый разговор, но, заметив, что огонек на линии два погас, пригласила офицеров войти и закрыла за ними дверь.

– Прошу прощения, что мы без договоренности, – начал Армстронг.

– Ничего страшного, Роберт. Усталый у вас вид.

– Тяжелая была ночь. Это всё злодеяния, что происходят в Гонконге, – непринужденно откликнулся Армстронг. – Негодяев все больше, а святых распинают.

Данросс улыбнулся, а потом перевел взгляд на Квока:

– А как жизнь обходится с тобой, Брайан?

Брайан Квок улыбнулся в ответ:

– Очень хорошо, спасибо, Иэн. Рынок акций идет вверх – у меня несколько долларов в банке, мой «порше» еще не развалился, а дамы всегда остаются дамами.

– И слава богу! Ты участвуешь в гонке по холмам в воскресенье?

– Если приведу «Лулу» в божеский вид. У нее нет внешней гидравлической подвески.

– А в нашей мастерской не спрашивал?

– Спрашивал, но безуспешно, тайбань. А ты участвуешь?

– Как получится. В воскресенье днем мне нужно лететь в Тайбэй. Будет время – да. В любом случае заявку я подал. Как тебе Эс-ай?

Брайан Квок растянул рот в улыбке:

– Это больше, чем просто зарабатывать себе на жизнь.

Особая разведслужба – Эс-ай – представляла собой совершенно независимую структуру внутри элитного полусекретного особого подразделения – Эс-би, которое отвечало за предупреждение и выявление подрывной деятельности в колонии. У этой структуры были свои тайные методы, тайное финансирование и всеобъемлющие полномочия. И подчинялась она лишь губернатору.

Данросс откинулся в кресле:

– Что случилось?

– Уверен, ты уже знаешь. Это насчет винтовок на самолете Бартлетта.

– О да, мне сказали сегодня утром. Чем могу помочь? Есть какие-то мысли, кому они предназначались? И кто это сделал? Вы задержали двоих?

– Да, – вздохнул Армстронг. – Они действительно механики. Обучались в ВВС бывшего националистического правительства. Раньше ни за что не привлекались, хотя есть

подозрение, что они члены тайных триад. Оба здесь со времен исхода сорок девятого.⁴⁵ Кстати говоря, нельзя ли оставить все это между нами тремя?

– А как же ваше начальство?

– Я хотел бы их тоже включить, но пусть это будет лишь для ваших ушей.

– Почему?

– У нас есть основания полагать, что винтовки предназначались кому-то из компании «Струанз».

– Кому? – резко спросил Данросс.

– Между нами?

– Да. Кому?

– Что вам известно о Линкольне Бартлетте и Кейси Чолок?

– На него у нас есть подробное досье. На нее – нет. Хотите? Могу предоставить копию при условии, что это тоже останется между нами.

– Конечно. Это было бы очень полезно.

Данросс нажал клавишу интеркома.

– Да, сэр? – послышался голос Клаудиа.

– Сделайте копию досье Бартлетта и передайте суперинтенденту Армстронгу, когда он будет уходить. – Щелчком Данросс выключил интерком.

– Мы не зайдем много времени, – заверил Армстронг. – Вы всегда заводите досье на потенциальных клиентов?

– Нет. Но нам нравится знать, чем они занимаются. Если сделка с Бартлеттом состоится, это будет означать миллионы для нас, для него, тысяча новых рабочих мест для Гонконга – фабрики здесь, склады, весьма значительное расширение – вместе с равноценными рисками. В бизнесе все составляют конфиденциальные справки о финансовом положении. Возможно, мы делаем это чуть более основательно. Ставлю пятьдесят долларов против сломанной шляпной булавки, что у него такая же справка составлена на меня.

– А там не упоминаются какие-либо криминальные связи?

– Мафия? – встревожился Данросс. – Что-то вроде этого? Боже милостивый, нет, ничего подобного. Кроме того, если бы мафия пыталась проникнуть сюда, то вряд ли это был бы десяток винтовок М-14, две тысячи патронов и ящик гранат.

– Черт возьми, вы прекрасно информированы. Даже слишком хорошо. Мы распаковали все это час назад. Кто ваш информатор?

– Вы же знаете, в Гонконге нет секретов.

– Ну, времена: нельзя доверять даже собственным копам.

– Мафия наверняка прислала бы оружия раз в двадцать больше, и это были бы пистолеты, в американском стиле. Но здесь мафия обречена на провал, что бы она ни предприняла. Ей никогда не удалось бы вытеснить триады. Нет, ни за что не поверю, чтобы это была мафия, – всего лишь кто-то из местных. Кто дал вам наводку об этой отправке, Брайан?

– Полиция токийского аэропорта, – сообщил Квок. – Один из их механиков проводил обычный осмотр – ты же знаешь, какие они дотошные. Он доложил своему начальству. Их полицейские позвонили нам, и мы попросили их пропустить самолет.

– В таком случае свяжитесь с ФБР и ЦРУ, пусть проверят весь маршрут до Гонолулу или до Лос-Анджелеса.

– С полетным планом вы тоже знакомы?

– Конечно. Это очевидно. При чем здесь кто-то в «Струанз»?

⁴⁵ Подразумевается бегство националистов в Кантон, Чунцин и на Тайвань в ходе победного продвижения коммунистов на юг Китая после занятия Пекина в январе 1949 г.

– И тот и другой преступник показали... – Армстронг вынул записную книжку и справился в ней. – Был задан вопрос: «Куда вы должны были доставить эти свертки?» Оба ответили, сформулировав это по-разному: «На пятнадцатый товарный склад. Мы должны были сложить свертки в задней части секции семь». – Он поднял глаза на Данросса.

– Это ни о чем не говорит. У нас самые большие складские площади в Кай-Так, и только то, что они доставляют груз на один из наших складов, ничего не доказывает – кроме того, что голова у них соображает. У нас проходит столько товаров, что без труда может проскочить чужой грузовик. – Данросс на миг задумался. – Пятнадцатый прямо у выхода: прекрасное место. – Он взялся за трубку. – Я прикажу службе безопасности заняться этим прямо сей...

– Прошу вас на какое-то время воздержаться от этого.

– Почему?

– Наш следующий вопрос, – продолжал Армстронг, – был: «Кто вас нанял?» Конечно, последовали вымышленные имена и описания, и они все отрицали, но скоро эти молодчики станут более сговорчивыми. – Он мрачно улыбнулся. – Один из них тем не менее сказал, когда мой сержант немножко покрутил ему ухо – не в буквальном смысле слова, конечно... – Он зачитал из записной книжки: – «Оставьте меня в покое, у меня очень важные друзья!» – «У тебя нет друзей в этом мире», – сказал сержант. «Может быть, но у Досточтимого Цу-яня и у Благородного Дома Чэнь есть».

Молчание затянулось и нависло тяжелой пеленой.

«Черт бы побрал эти винтовки», – в ярости подумал Данросс. Но лицо его оставалось спокойным, и голова соображала ясно.

– У нас работает более сотни Чэней, состоящих в родстве и нет. Чэнь – такое же распространенное имя, как Смит.

– А Цу-янь? – спросил Брайан Квок.

Данросс пожал плечами:

– Он один из директоров «Струанз», но входит также и в совет директоров «Блэкс», банка «Виктория» и более сорока других компаний, один из богатейших людей Гонконга, и его имя в Азии может притянуть наудачу любой. Как и имя Благородного Дома Чэнь.

– Ты знаешь, что существуют подозрения, будто он занимает весьма высокую ступень в иерархии триад, а точнее, в триаде «Зеленый Пан»? – спросил Брайан Квок.

– Все влиятельные шанхайцы состоят на подозрении. Господи боже, Брайан, ты ведь знаешь, что много лет назад триады предлагали Чан Кайши в обмен на поддержку его военной кампании против северных милитаристов⁴⁶ отдать им Шанхай, чтобы там заправляли только они. Разве «Зеленый Пан» не остается более или менее официально тайным националистическим обществом?

– Как ты думаешь, Иэн, на чем Цу-янь сделал первые деньги? – спросил Брайан Квок. – Свое первоначальное состояние?

– Понятия не имею. Тебе лучше знать, Брайан.

– Он сделал его во время Корейской войны, поставляя коммунистам через границу контрабандный пенициллин, прочие медикаменты и бензин – главным образом пенициллин. До Кореи у него не было ничего, кроме набедренной повязки и ломаной рикши.

– Это все слухи, Брайан.

– «Струанз» тоже заработал целое состояние.

⁴⁶ Речь идет о военной кампании гоминьдана и Китайской компартии 1926–1927 гг., основной целью которой была борьба с феодализмом и империализмом в Китае после революции 1912 г. и свержение власти удельных военных правителей.

– Да. Но было бы очень неразумно – во всеуслышание или в частной беседе – утверждать, что мы заработали его на контрабанде, – спокойно проговорил Данросс. – Действительно весьма неразумно.

– А разве это не так?

– Когда компания «Струанз» начинала свою деятельность сто двадцать лет назад, она имела некоторое отношение к контрабанде, как утверждает молва. Но это было почитаемое занятие, и мы никогда не нарушали британских законов. Мы законопослушные капиталисты и торговцы с Китаем и оставались таковыми в течение многих лет.

Брайан Квок уже не улыбался.

– Еще больше слухов ходит о том, что по преимуществу его пенициллин был плохой. Очень плохой.

– Если он был плохой, если это правда, то, пожалуйста, походи и арестуй его, Брайан, – холодно предложил Данросс. – Лично я считаю, что это еще один слух, пущенный завистливыми конкурентами. Если бы так было на самом деле, он уже плавал бы в заливе вместе с другими, кто пытался нажиться на чужой беде, или был бы наказан, как Плохой Порошок Вонг.

Он имел в виду гонконгского контрабандиста, который продал большое количество фальсифицированного пенициллина через границу во время Корейской войны и вложил свое состояние в ценные бумаги и землю в Гонконге. Через семь лет Вонг стал очень и очень богатым человеком. Потом некоторым триадам в Гонконге поступил приказ подвести баланс. Каждую неделю исчезал или умирал один из членов семьи Вонга. Близкие его или тонули, или попадали в автомобильную аварию, или умирали от яда или ножа. Ни один нападавший на них так и не был задержан. Убийства продолжались семнадцать месяцев и три недели, а потом прекратились. В живых остался лишь сам Вонг и его малолетний придурковатый внук. Они до сих пор жили затворниками в том же самом просторном, когда-то роскошном пентхаусе, где один человек им прислуживал, а другой готовил. Жили в постоянном страхе, под круглосуточной охраной, не смея носу высунуть из дома. Ибо знали, что никакая охрана и никакие деньги не помогут обжаловать приговор, опубликованный в крохотной рамке одной местной газетой на китайском языке: «Плохой Порошок Вонг понесет наказание, и он, и его родственники во всех поколениях».

– Мы как-то брали показания у этого типа, Роберт и я, – сказал Брайан Квок.

– Да что ты?

– Да. Жуткое дело. Все двери заперты на два замка и цепочки, все окна забиты гвоздями и заколочены сверху досками: лишь кое-где оставлены щели для наблюдения. Он не выходил на улицу с тех пор, как начались убийства. Вся квартира провоняла, боже, какая там вонь! Он ничего не делает, лишь играет с внуком в китайские шашки⁴⁷ и смотрит телевизор.

– И ждет, – добавил Армстронг. – В один прекрасный день придут за обоими. Его внуку сейчас уже, наверное, лет шесть-семь.

– Думаю, вы подтверждаете мое мнение, – рассудил Данросс. – Цу-янь не такой, и никогда таким не был. И зачем Цу-яню понадобилось несколько винтовок? При желании он, как мне кажется, мог бы вооружить половину армии националистов с танковым батальоном в придачу.

– На Тайване, но не в Гонконге.

– Цу-янь когда-нибудь встречался с Бартлеттом? – спросил Армстронг. – В ходе ваших переговоров?

⁴⁷ *Китайские шашки* – настольная игра для двух-шести человек. Цель игры – перевести шашки в противоположный угол, перескакивая через шашки других игроков.

– Да. Один раз он был в Нью-Йорке от нашего имени и в Лос-Анджелесе. Оба раза с Джоном Чэнем. Они парафировали договор между «Струанз» и «Пар-Кон индастриз», который мы должны подписать или отказаться от него – здесь в этом месяце, и от моего имени официально пригласили Бартлетта в Гонконг.

Армстронг бросил взгляд на своего китайского партнера. Потом осведомился:

– Когда это было?

– Четыре месяца назад. Столько времени понадобилось обеим сторонам для проработки всех деталей.

– Джон Чэнь, говорите? За ним, несомненно, стоит Благородный Дом Чэнь.

– Знаете, Джон не такой человек, – заверил Данросс. – Какой ему резон ввязываться в сомнительные заговоры? Видимо, это просто совпадение.

– Есть еще одно любопытное совпадение, – сообщил Брайан Квок. – И Цу-янь, и Джон Чэнь знакомы с американцем по имени Банастасио, во всяком случае их видели вместе. Тебе что-нибудь говорит это имя?

– Нет. Кто это?

– Азартный игрок, играет по-крупному, а еще подозревается в вымогательстве. Предполагают также, что он тесно связан с одной из семей коза ностра. Винченцо Банастасио.

Данросс прищурился:

– Ты сказал «видели вместе». Кто видел?

– ФБР.

Молчание чуть затянулось.

Армстронг сунул руку в карман за сигаретой.

Данросс подвинул через стол серебряную сигаретницу:

– Прошу.

– О, спасибо. Я не буду – просто задумался. Бросил две недели назад. Умереть можно. – Потом добавил, стараясь справиться с желанием закурить: – ФБР передало нам эту информацию, потому что Цу-янь и Джон Чэнь – очень известные здесь люди. И попросило нас присмотреть за ними.

И тут Данросс вспомнил фразу Фоксвелла об известном капиталисте, который является тайным «комми» и за которым следят в Синклер-тауэрс. «Господи, – подумал он, – ведь у Цу-яня там квартира, и у Джона тоже. Но не может быть, чтобы тот или другой были связаны с коммунистами, это уж точно».

– Героин, конечно, большой бизнес, – резко заговорил Армстронг.

– Что вы имеете в виду, Роберт?

– Чтобы финансировать торговлю наркотиками, нужны огромные деньги. В таких количествах их можно получить только у банков или у банкиров, тайно конечно. Цу-янь входит в состав совета директоров нескольких банков, равно как и господин Чэнь.

– Роберт, вы бы лучше не торопились с такого рода высказываниями, – проскрежетал Данросс. – Вы делаете очень опасные выводы без каких-либо доказательств. За это можно привлечь к ответственности, и я этого не потерплю.

– Вы правы, прошу прощения. Беру свои слова о совпадении назад. Но все равно торговля наркотиками – большой бизнес, их здесь, в Гонконге, хоть пруд пруди, и предназначены они в конечном счете для потребителя в Штатах. Не знаю как, но я выясню, кто у нас занимается этим грязным делом.

– Похвально. И получите всю необходимую помощь от «Струанз» и от меня лично. Я тоже терпеть не могу наркоторговлю.

– О, не то что я ее терпеть не могу, тайбань, или тех, кто этим занимается. Это жизненная реальность. Просто еще один бизнес, запрещенный, конечно, но все же бизнес. Мне поручено выяснить, кто у них тайбани. Это вопрос личного удовлетворения, вот и все.

– Если потребуется помощь, вам стоит лишь спросить.

– Благодарю. – Армстронг устало поднялся. – Прежде чем мы откланяемся, еще парочка совпадений для вас. Когда сегодня утром были названы Цу-янь и Джон Чэнь, нам захотелось тут же побеседовать с ними, но вскоре после того, как мы накрыли винтовки, Цу-янь утренним рейсом улетел в Тайбэй. Любопытно, да?

– Он все время летает туда и обратно, – проговорил Данросс, но беспокойство его росло. Цу-янь сегодня вечером зван к нему на прием. Если Цу-янь не появится, это будет нечто из ряда вон выходящее.

Армстронг кивнул:

– Похоже, что решение было принято в последний момент: ни предварительного заказа, ни билета, ни багажа. Сунул клерку несколько лишних долларов, и кого-то сняли с рейса, а его посадили. С собой у него был только кейс. Странно, вы не считаете?

– О том, чтобы добиться его выдачи с Тайваня, не приходится и мечтать, – добавил Брайан Квок.

Данросс изучающе посмотрел на него, а потом перевел немигающий взгляд холодных, как морской лед, глаз на Армстронга:

– Вы упомянули о парочке совпадений. В чем другое?

– Мы не можем найти Джона Чэня.

– Что это значит?

– Его нет ни дома, ни у подруги, ни в одном из других мест, где он обычно бывает. Мы время от времени наблюдали за ним и Цу-янем уже несколько месяцев, с тех пор как получили наводку ФБР.

Молчание сгустилось.

– Яхту проверяли? – спросил Данросс, но скорее для очистки совести.

– Она на стоянке, со вчерашнего дня никуда не выходила. Матрос с яхты тоже не видел его.

– А на поле для гольфа?

– Нет его там, – сказал Армстронг. – И на ипподроме нет. Он не присутствовал на разминке, хотя, по словам тренера, должен был. Его нет, он исчез, испарился.

Глава 6

11:15

В зале заседаний совета директоров воцарилось изумленное молчание.

– Что-нибудь не так? – спросила Кейси. – Цифры говорят сами за себя.

Четверо сидевших вокруг стола мужчин молча смотрели на нее. Эндрю Гэваллан, Линбар Струан, Жак де Вилль и Филлип Чэнь – все члены внутреннего правления.

«Цзю ни ло мо на всех женщин в бизнесе», – бросив взгляд на кипу бумаг перед собой, мысленно выругался сорокасемилетний Эндрю Гэваллан, высокий и худой.

– Может, нам следует посоветоваться с мистером Бартлеттом? – смущенно проговорил он, по-прежнему чувствуя себя неловко из-за того, что приходится иметь дело с женщиной.

– Я уже говорила, у меня есть все полномочия. – Она старалась оставаться спокойной. – Я секретарь и исполнительный вице-президент «Пар-Кон индастриз», и мне доверено вести переговоры с вами. Мы подтвердили это письменно в прошлом месяце. – Кейси с трудом сдерживалась.

Встреча проходила очень тяжело. Первоначальное замешательство, вызванное тем, что дела надо вести с женщиной, сменилось сверхвежливой скованностью. Они ждали, пока она первой сядет, пока заговорит, уселись не раньше, чем она их об этом попросила, говорили о всяких пустяках, отказываясь вести с ней переговоры как с бизнесменом. Вместо этого они уверяли, что их жены с удовольствием ходят с ней по магазинам, а потом поразевали рты от удивления, убедившись, что ей известны мельчайшие подробности предполагаемой сделки. Обычно она так или иначе справлялась с подобными ситуациями. Но сегодня был другой случай. «Господи, – думала она, – я должна добиться успеха. Я должна до них достучаться».

– На самом деле это совсем не трудно, – объявила она в самом начале, пытаясь преодолеть их скованность при помощи стандартного приема, который использовала в начале переговоров. – Забудьте, что я женщина, – судите меня по способностям. Так вот, у нас на повестке дня три вопроса: фабрики по производству полиуретана, наше представительство по компьютерному лизингу и, последнее, общее представление нашей нефтехимической продукции, удобрений, фармацевтических товаров и товаров для спорта по всей Азии. Давайте сначала разберемся с фабриками по производству полиуретана, ассортиментом поставок химической продукции и предлагаемым графиком финансирования. – Она тут же представила графики и подготовленные документы, устно резюмировала все факты, цифры и проценты, банковские сборы и процентные ставки. Просто и быстро, так что даже самый несообразительный человек мог составить впечатление о проекте. И вот теперь они тарасились на нее.

Молчание нарушил Эндрю Гэваллан:

– Это... это очень впечатляет, моя дорогая.

– Вообще-то, я вам не «дорогая», – усмехнулась она. – Когда речь идет об интересах нашей корпорации, я выступаю как весьма жесткий прагматик.

– Но, мадемуазель, – возразил Жак де Вилль с обходительным галльским шармом, – ваш носик само совершенство и очень даже мил.⁴⁸

– Merci, monsieur, – тут же ответила она и, не задумываясь, добавила на сносном французском: – Но нельзя ли оставить на время форму моего носа и перейти к обсуждению форм данной сделки. Лучше не мешать одно с другим, верно?

Снова молчание.

⁴⁸ Игра слов: английское выражение hard-nosed (жесткий прагматик) дословно означает «человек с неприятным носом».

– Не хотите ли кофе? – предложил Линбар Струан.

– Нет, спасибо, мистер Струан. – Кейси старалась держаться, как у них было принято, и не называть их по именам раньше времени. – Может быть, рассмотрим это предложение? Это то самое предложение, что мы послали в прошлом месяце... Я постаралась учесть все вопросы – и ваши, и наши.

Снова повисла тишина. Линбар Струан, тридцатичетырехлетний рыжеволосый мужчина с приятной внешностью и голубыми глазами, которые светились бесшабашным блеском, снова осведомился:

– Вы уверены, что не хотите кофе? Или, может быть, чаю?

– Нет, спасибо. Значит, вы принимаете наше предложение как оно есть?

Филлип Чэнь кашлянул:

– В принципе мы согласны сотрудничать с «Пар-Кон» в нескольких областях. Об этом говорится в протоколе о намерениях. Что касается фабрик по производству полиуретана...

Она выслушала его обобщения, затем попыталась еще раз перейти к конкретике – для чего, вообще-то, и проводилась встреча. Но дело не шло, и она просто чувствовала, как собеседники уворачиваются. Хуже, чем теперь, у нее не получалось никогда. «Может, из-за того, что они англичане, с англичанами я никогда раньше дела не имела».

– Что-нибудь конкретно требует пояснения? – спросила она. – Если что-то непонятно...

– Мы все прекрасно понимаем, – заговорил Эндрю Гэваллан. – Представленные вами цифры однобоки. Мы финансируем строительство фабрик. Вы поставляете оборудование, но его стоимость амортизируется в течение трех лет, а это внесет путаницу в любое движение наличности и будет означать, что по крайней мере лет пять прибыли ожидать не придется.

– Мне сказали, что у вас в Гонконге стоимость здания обычно амортизируется за три года, – так же жестко парировала она, обрадовавшись брошенному вызову. – Мы предлагаем лишь следовать принятой у вас практике. Если хотите пять или десять лет – пожалуйста, но при условии, что тот же самый подход будет применяться и к зданию.

– Вы не платите за оборудование: оно в лизинге, и ежемесячный взнос по совместному предприятию очень высок.

– Какова на сегодняшний день лучшая ставка вашего банка, мистер Гэваллан?

Они посоветовались и назвали цифру. Несколько секунд она считала на своей карманной логарифмической линейке.

– При сегодняшней ставке вы сэкономите семнадцать тысяч гонконгских долларов в неделю на каждой единице оборудования, если примете наше предложение, на котором за рассматриваемый период... – Еще один быстрый подсчет. – ...вы заработаете на тридцать два процента больше в сравнении с вашими лучшими показателями – а мы говорим о миллионах долларов.

Они напряженно смотрели на нее и молчали.

Эндрю Гэваллан подверг ее перекрестному допросу по цифрам, но она ни разу не сбилась. Их неприязнь к ней усилилась.

Молчание.

Она была уверена, что их привели в замешательство ее цифры. «Что еще можно сказать, чтобы убедить их? – думала она с растущим беспокойством. – „Струанз“ огребут целую кучу денег, стоит им лишь сдвинуться с места. Мы заработаем состояние, а я получу свое долгожданное „выходное пособие“, свои „отвальные“. „Струанз“ разбогатеют на одном только пенопласте, „Пар-Кон“ в течение ближайших десяти лет будет иметь чистыми около восьмидесяти тысяч американских долларов, и, по словам Линка, мне тоже что-то с этого отломится...»

– Сколько ты хочешь? – спросил он перед вылетом из Штатов.

– Пятьдесят один процент, – засмеялась она, – раз ты спрашиваешь.

– Три.

– Да ладно тебе, Линк, мне нужно мое «выходное пособие».

– Завершаешь успешно весь пакет и получаешь опцион на сто тысяч акций «Пар-Кон» по четыре доллара ниже рыночной стоимости.

– Договорились. Но я и пенопластовую компанию хочу, – сказала она, затаив дыхание. – Я ее начала и хочу ею владеть. Пятьдесят один процент. Для меня.

– В обмен на что?

– В обмен на «Струанз».

– Идет...

И вот теперь, оказавшись в самом сердце «Струанз», Кейси ждала и внешне выглядела спокойной. Когда ей показалось, что наступил подходящий момент, она с невинным видом произнесла:

– Значит, мы сошлись на том, что наше предложение принимается без поправок? Мы с вами в доле пятьдесят на пятьдесят, что может быть лучше?

– Я по-прежнему утверждаю, что вы не обеспечиваете пятидесяти процентов финансирования данного совместного предприятия, – резко ответил Эндрю Гэваллан. – Вы предоставляете оборудование и материалы на условиях аренды с вычетом потерь или неиспользованного кредита из подлежащего налогообложению дохода за предыдущий период, поэтому ваш риск не равен нашему.

– Джентльмены, но это же делается для снижения налоговых выплат у нас и для сокращения суммы финансовых затрат. Мы финансируем из наличных средств. По цифрам выходит то же самое. То, что мы получаем амортизационные отчисления и различные скидки, не фигурирует ни здесь, ни там. – С еще более невинным видом насаживая наживку в мышеловке, она добавила: – Мы финансируем в Штатах, где ориентируемся лучше вас. Вы финансируете в Гонконге, где все козыри на руках у вас.

* * *

Квиллан Горнт повернулся от окна своего офиса:

– Повторяю, условия сделки с нами могут быть выгоднее любых условий, о которых вы сможете договориться со «Струанз», мистер Бартлетт. Любых.

– Вы согласитесь на доллар за доллар?

– Доллар за доллар.

Плотно сложенный бородатый англичанин, чуть меньше шести футов ростом, с суровым лицом, сединой в черных волосах и мохнатых бровях и карими глазами, вернулся от окна и снова уселся лицом к Бартлетту за стол, на котором не было ни единой бумаги. Они беседовали на самом верхнем этаже Ротвелл-Горнт-билдинг, фасад которого выходил на Коннот-роуд и набережную.

– Не секрет, что наши компании – весьма серьезные соперники, но, уверяю вас, мы можем предложить более выгодные условия и превзойти их, и я организую финансирование с нашей стороны в течение недели. У нас могло бы сложиться весьма выгодное партнерство – у вас и у меня. Я предложил бы основать объединенную компанию по законам Гонконга. Налоги здесь на самом деле очень приемлемые – пятнадцать процентов со всего заработанного в Гонконге и никакого налогообложения доходов во всем остальном мире. – Горнт улыбнулся. – Лучше, чем в США.

– Гораздо лучше, – согласился Бартлетт. – Значительно лучше.

– Именно поэтому вы заинтересовались Гонконгом?

– Это одна из причин.

– А в чем другие?

– Здесь еще нет американского предприятия, которое могло бы сравниться по размаху с моим, а должно быть. Этот век – век Тихого океана. Но вы можете извлечь пользу из того, что мы здесь появимся. У нас много опыта, которого нет у вас, и решающее слово в сферах американского рынка. С другой стороны, у «Ротвелл-Горнт» и у «Струанз» есть опыт, которого нет у нас, и решающее слово на рынках Азии.

– Каким образом мы можем установить взаимоотношения?

– Прежде всего, мне нужно выяснить, к чему стремятся «Струанз». Я начал переговоры с ними и не люблю пересаживаться с самолета на самолет посреди океана.

– Я сразу могу сказать, к чему они стремятся: прибыль для себя и к черту всех остальных. – Улыбка Горнта была очень недоброй.

– Сделка, которую мы обговорили, представляется весьма справедливой.

– Изображать честную игру они мастера, куда там прочим: выставят на торги по пол-акции, продадут кому нужно, доход утаят, а контроль оставят за собой.

– С нами такое не пройдет.

– Они занимаются этим почти полтора столетия. И на сегодняшний день научились кое-каким трюкам.

– Вы тоже.

– Конечно. Но «Струанз» совсем не такие, как мы. У нас конкретные вещи и компании, а у них – проценты. В большинстве подконтрольных компаний у них немногим больше пяти процентов акций, и тем не менее они осуществляют абсолютный контроль над ними с помощью особых голосующих акций или записывают как обязательное положение в уставе, что их тайбань является также тайбанем этой компании с правом решающего голоса.

– Неплохо придумано.

– Да уж. Они хитрецы. Но мы лучше и прямее – и наши контакты и влияние в Китае и по всему Тихоокеанскому поясу, кроме США и Канады, сильнее, чем у них, и растут с каждым днем.

– Почему?

– Потому что изначально наша компания действовала в Шанхае – величайшем городе Азии, – где мы доминировали. «Струанз» всегда были сосредоточены в Гонконге, который до последнего времени оставался тихой заводью.

– Но ведь Шанхай – дохлый номер, и так было с тех пор, как коммунисты закрыли материковую часть Китая в сорок девятом. Сегодня через Шанхай не ведется никакой торговли с другими странами, все идет через Кантон.

– Да. Но именно шанхайцы, уехавшие из Китая на юг, их деньги, их мозги и решимость сделали Гонконг тем, что он есть сегодня, и тем, что будет завтра: нынешним и будущим центром деловой и культурной жизни всего Тихоокеанского региона.

– Лучшим, чем Сингапур?

– Абсолютно.

– Чем Манила?

– Абсолютно.

– Токио?

– Да, вот если бы только не японцы. – Глаза Горнта сверкнули, и на лице легли складки. – Гонконг – величайший город в Азии, мистер Бартлетт. Владеющий им в конце концов овладеет всей Азией. Конечно, я говорю о торговле, финансах, судоходстве и большом бизнесе.

– А что насчет красного Китая?

– Мы считаем, что существование Гонконга на руку КНР – как мы называем Китайскую Народную Республику. Мы для них «открытая дверь» под контролем. За Гонконгом и «Ротвелл-Горнт» – будущее.

– Почему?

– Потому что Шанхай в бытность свою деловым и промышленным центром Китая всегда задавал тон в Поднебесной, и шанхайцы – самые энергичные и предприимчивые представители китайской нации. Вы скоро почувствуете разницу между кантонцами и шанхайцами. Шанхайцы – предприниматели, промышленники, промоутеры и сторонники международных контактов. Нет ни одного крупного текстильного магната, судовладельца или промышленника не шанхайца. Кантонцы со своими семейными компаниями, мистер Бартлетт, всегда были склонны действовать в одиночку, а шанхайцы понимают толк в партнерстве, в том, как вести дела в компаниях, а больше всего – в банковском деле и финансах. – Горнт закурил еще одну сигарету. – Вот в чем наша сила, вот почему мы лучше, чем «Струанз»... и вот почему мы в конечном счете будем первыми.

Линк Бартлетт изучающе разглядывал сидящего напротив человека. Из подготовленного Кейси досье он знал, что Горнт родился в Шанхае в семье англичан, что ему сорок восемь лет, что он вдовец, что у него двое взрослых детей и что он проходил службу на Тихом океане в сорок втором – сорок пятом годах в чине капитана австралийской пехоты. Он знал также, что Горнт с большим успехом управляет компанией «Ротвелл-Горнт» как частной вотчиной уже восемь лет с тех пор, как принял компанию от отца.

Бартлетт заворочался в глубоком кожаном кресле.

– Если у вас такая вражда со «Струанз» и вы настолько уверены, что в конце концов будете первыми, чего ждать? Почему не взять их сейчас?

Горнт внимательно смотрел на него с застывшим выражением на угловатом лице.

– Этого мне хотелось бы больше всего в мире. Но я не могу, пока. Три года назад у меня почти получилось: они зарвались, джосс предыдущего тайбаня иссяк.

– Джосс?

– Это слово китайское. Оно значит «счастье», «судьба» и чуточку больше. – Горнт задумчиво смотрел на американца. – Мы здесь очень суеверные. Джосс – это очень важно, как умение оценить ситуацию и выбрать нужный момент. Джосс Аластэра Струана кончился или переменялся. Пережив катастрофический год, он в отчаянии передал дело Иэну Данроссу. Они тогда чуть было не разорились. Держатели их акций начали в массовом порядке избавляться от бумаг. Я уже повел атаку на них, но Данросс выкрутился и стабилизировал рынок.

– Каким образом?

– Ну, скажем, надавил на определенные банковские круги.

Горнт с холодным бешенством вспомнил, как Хэвегилл ни с того ни с сего, вразрез со всеми их личными тайными договоренностями, удовлетворил просьбу «Струанз» об открытии временной кредитной линии на огромную сумму и это дало Данроссу время оправиться.

Горнт вспомнил, какая ослепляющая ярость охватила его, когда он позвонил Хэвегиллу. «За каким дьяволом ты это сделал? – спросил он. – Сто миллионов чрезвычайного кредита? Боже мой, да ты спас их шеи от веревки! Они уже были наши. В чем дело?» Хэвегилл рассказал, что Данросс собрал достаточно голосов на заседании совета директоров и оказал невероятное давление лично на него. «Я ничего не мог поделать...»

«Да, – думал Горнт, глядя на американца. – В тот раз я проиграл, но вот ты, уверен, и станешь тем взрывателем, что приведет в действие бомбу, которая разнесет „Струанз“ ко всем чертям, и они исчезнут из Азии навсегда».

– Тогда Данросс подошел к самому краю, мистер Бартлетт. У него появились непримиримые враги. Но теперь мы одинаково сильны. Это то, что можно назвать ничьей. Они не могут взять нас, а мы – их.

– Если они не совершат ошибку.

– Или если ошибку не совершим мы. – Горнт пустил кольцо дыма и воззрился на него. Наконец он снова обратил взгляд на Бартлетта. – В конце концов мы победим. Время в Азии течет немного по-другому, чем в США.

– Мне так и говорили.

– Вы придерживаетесь иного мнения?

– Я знаю, что и здесь, и там, и черт еще знает где всегда действуют одни и те же правила выживания. Только в разной степени.

Горнт наблюдал, как дым от сигареты поднимается к потолку. Его просторный офис, со старыми, потертыми кожаными креслами и великолепными картинами маслом на стенах, был наполнен запахом лощеной кожи и хороших сигар. Резное кресло Горнта из старого дуба с обитыми красным плюшем высокой спинкой и сиденьем смотрелось жестко, функционально и солидно. «Как и он сам», – думал Бартлетт.

– Мы можем предложить более выгодные условия, чем «Струанз», и время работает на нас и здесь, и там, и еще черт знает где, – сказал Горнт.

Бартлетт усмехнулся.

Горнт тоже искривил губы в улыбке, но Бартлетт отметил, что глаза не улыбаются.

– Осмотритесь в Гонконге, мистер Бартлетт. Поспрашивайте о нас и о них. А потом примете решение.

– Да, я так и сделаю.

– Я слышал, что ваш самолет задержан.

– Да. Да, задержан. Полиция аэропорта обнаружила на борту несколько винтовок.

– Слышал, слышал. Любопытно. Ну, если потребуется помощь в том, чтобы снять с него арест, возможно, я смогу быть вам полезен.

– Вы можете помочь прямо сейчас, если скажете, кто это сделал и с какой целью.

– Я-то понятия не имею, но бьюсь об заклад, что кое-кто в «Струанз» знает.

– Почему вы так считаете?

– Им были точно известны ваши перемещения.

– Вам тоже.

– Да. Но к нам это не имеет никакого отношения.

– Кто знал об этой нашей встрече, мистер Горнт?

– Вы и я. Как и договорились. Отсюда утечки не было, мистер Бартлетт. После нашей личной встречи в Нью-Йорке в прошлом году все переговоры велись по телефону, даже никаких подтверждений по телексу. Я разделяю ваш мудрый подход, предполагающий осторожность, тайну и разговор с глазу на глаз. При закрытых дверях. А кто с вашей стороны знает о нашем... нашем интересе?

– Никто, кроме меня.

– И даже эта дама – ваш секретарь и исполнительный вице-президент? – Горнт не скрывал недоверия.

– Да, сэр. Когда вы успели узнать, что Кейси – женщина?

– Еще в Нью-Йорке. Послушайте, мистер Бартлетт, мы вряд ли сумеем продумать условия сотрудничества, если не уточним ваши полномочия и полномочия ваших главных исполнителей.

– Прекрасно. Не будем терять время.

– Удивительно, что такую ключевую должность занимает женщина.

– Она моя правая и левая рука и лучший из моих исполнителей.

– Почему же тогда вы не сказали ей о нашей сегодняшней встрече?

– Одно из первых правил выживания: оставляй выбор за собой.

– То есть?

– То есть я веду бизнес не на коллективных началах. Кроме того, мне нравится экспромт, и я люблю оставлять некоторые операции в тайне. – Бартлетт на секунду задумался. – Дело не в недостатке доверия. На самом деле я поступаю так, чтобы ей было легче. Если кто-нибудь в «Струанз» узнает и поинтересуется у нее, почему я сейчас встречаюсь с вами, ее удивление будет неподдельным.

– Очень редко встречаются люди, которым действительно можно доверять, – заметил Горнт после паузы. – Очень редко.

– Кому в Гонконге могли понадобиться винтовки и гранаты и почему они выбрали именно мой самолет?

– Не знаю, но я займусь этим и выясню. – Горнт потушил сигарету. Пепельница была из сунского фарфора.⁴⁹ – Вы знакомы с Цу-янем?

– Встречался с ним пару раз. А что?

– Очень неплохой парень, хотя и входит в совет директоров «Струанз».

– Шанхаец?

– Да. Один из лучших. – Горнт поднял на него очень жесткий взгляд. – Не исключена возможность и дополнительной выгоды оттого, что вы будете иметь дело с нами, мистер Бартлетт. Насколько мне известно, финансы «Струанз» именно сейчас сильно рассредоточены. Данросс делает серьезную ставку на свой флот, в частности на два супербалкера, заказанных в Японии. Большая часть денег за первый из них должна быть выплачена в течение недели или около того. Ходят также серьезные слухи, что он собирается предложить условия приобретения «Эйшн пропертиз». Вы слышали об этой компании?

– Большой объем сделок по земельным участкам, недвижимость по всему Гонконгу.

– Это самая крупная компания, больше, чем его собственная «Кей-ай» – «Коулун инвестментс».

– «Коулун инвестментс» входит в «Струанз»? Я считал, что это отдельная компания.

– Официально – да, отдельная. Но Данросс – тайбань «Кей-ай»: тайбань у них всегда один.

– Всегда?

– Всегда. Это записано у них в уставе. Но Иэн переоценил свои возможности. Вскоре Благородный Дом может перестать быть таковым. У него сейчас очень мало наличности.

Бартлетт на секунду задумался.

– А почему вам не объединиться с другой компанией, скажем с «Эйшн пропертиз», и не поглотить «Струанз»? В Штатах я именно так бы и поступил, если бы не мог завладеть нужной мне компанией в одиночку.

– Вы именно это и собираетесь здесь проделать, мистер Бартлетт? – тут же спросил Горнт, сделав вид, что шокирован. – Завладеть «Струанз»?

– А что, это возможно?

Перед тем как ответить, Горнт внимательно посмотрел на потолок.

– Да, но вам потребуется партнер. Может, у вас это и получится с «Эйшн пропертиз», но я сомневаюсь. У их тайбаня, Джейсона Пламма, пороху не хватит. Вам нужны мы. Только у нас есть необходимые для этого проницательность, напористость, знания и желание. Тем не менее вам придется рисковать очень большой суммой денег. Наличными.

– Сколько?

⁴⁹ Правление императорской династии Сун, особенно период Южной Сун (1127–1279), было временем расцвета ремесел, когда получил широкое признание и славу знаменитый центр китайского фарфора Цзиндэчжэнь.

Горнт открыто расхохотался:

– Я подумаю над этим. Сначала вы должны сказать, насколько серьезны ваши намерения.

– А если они серьезны, вы бы вошли в долю?

Горнт так же пристально посмотрел на него:

– Сначала мне нужно увериться, очень хорошо увериться в том, что ваши намерения серьезны. Не секрет, что я не выношу «Струанз» в целом и Иэна Данросса лично и хотел бы, чтобы их не существовало. Так что моя долговременная позиция вам уже известна. Вашей я не знаю. Пока.

– Предположим, мы овладеем «Струанз». Стоит ли игра свеч?

– О да, мистер Бартлетт. О да – да, это стоит того, – живо ответил Горнт, но потом его голос снова стал ледяным. – Но все же мне нужно знать, насколько серьезны ваши намерения.

– Я скажу об этом после встречи с Данроссом.

– Вы собираетесь предложить ему то же самое: вместе поглотить «Ротвелл-Горнт»?

– Моя цель, мистер Горнт, вывести «Пар-Кон» на международную арену. Возможно, вложить до тридцати миллионов долларов в целый ряд товаров, фабрик и складских помещений. Еще совсем недавно я даже и не слышал ни о «Струанз», ни о «Ротвелл-Горнт». Ни о вашей вражде.

– Очень хорошо, мистер Бартлетт, давайте на этом и остановимся. Что бы вы ни приняли, это будет интересно. Будет интересно посмотреть, умеете ли вы держать нож.

Бартлетт непонимающе уставился на него.

– Это старинный китайский кулинарный термин, мистер Бартлетт. Вы умеете готовить?

– Нет.

– А я люблю это дело. Китайцы говорят, что очень важно правильно держать нож, что нельзя им пользоваться, пока этому не научишься. В противном случае можно порезаться и с самого начала все испортить. Вы не порежетесь?

– Держать нож, говорите? – ухмыльнулся Бартлетт. – Надо запомнить. Нет, готовить я не умею. Так и не пришлось научиться, а Кейси, черт возьми, тоже кулинар еще тот.

– Китайцы говорят, что ни одна цивилизация не сравнится с ними в трех искусствах: литературе, письме кистью и приготовлении пищи. Я склонен с ними согласиться. Вы любите вкусно поесть?

– Я нигде так вкусно не ел, как в одном ресторане под названием «Касале» на окраине Рима, на Виа Фламиния.

– В таком случае хоть в этом наши мнения сходятся, мистер Бартлетт. «Касале» – один из моих любимых ресторанов.

– Туда меня однажды привела Кейси. Спагетти а-ля Амагриче, приготовленные *аль денте*, «на зуб», неразваренные, и *бускетти*⁵⁰ под бутылочку ледяного пива, а потом *пикката*⁵¹ и еще пиво. Незабываемо.

Горнт улыбнулся:

– Может, отобедаете со мной, пока вы здесь? Могу тоже предложить а-ля Амагриче, думаю, что сравнение будет в мою пользу: готовится по тому же рецепту.

– С удовольствием.

– И бутылочку вальполичеллы⁵² или великолепного тосканского вина.

⁵⁰ *Бускетти* (бускетти) – закуска из нарезанных помидоров, анчоусов, оливок, грибов, иногда сыра, с добавлением соли, чеснока и базилика на большом куске хлеба, политом оливковым маслом с чесноком и поджаренном на гриле.

⁵¹ *Пикката* – блюдо из быстро прожаренного, тонко отбитого мяса в панировке с приправами. Подается с соусом из оставшегося после жарки жира, лимонного сока и нарезанной петрушки.

⁵² *Вальполичелла* – сухое красное вино.

- А я под пасту люблю пиво. Ледяное американское пиво из банки.
Горнт промолчал.
- Вы долго пробудете в Гонконге?
- Как получится, – не задумываясь, ответил Бартлетт.
- Прекрасно. Тогда поужинаем как-нибудь на следующей неделе? Во вторник или среду?
- Во вторник было бы замечательно, спасибо. Могу я взять с собой Кейси?
- Конечно. – Потом Горнт добавил, более категорично: – К тому времени вы, возможно, уже определитесь с тем, что собираетесь предпринять.
- А вы к тому времени поймете, умею ли я держать нож, – усмехнулся Бартлетт.
- Может быть. Но не забывайте об одном, мистер Бартлетт. Если мы когда-нибудь объединим наши силы для атаки на «Струанз» и начнем эту битву, выйти из нее без тяжелых потерь не будет уже никакой возможности. Действительно, очень тяжелых. Мне нужно быть уверенным. В конце концов, вы всегда можете уехать в США, чтобы зализать раны и вступить в бой когда-нибудь еще. Мы остаемся здесь, так что риски неравны.
- Но и добыча неравна. Вы получаете нечто бесценное, а для меня это не стоит и десяти центов. Вы станете Благородным Домом.
- Да, – произнес Горнт, прищурившись. Он потянулся, чтобы взять еще одну сигарету, а левой ногой нажал на потайную кнопку на полу под столом. – Давайте оставим все до втор...
Со щелчком включился интерком.
- Прошу прощения, мистер Горнт, мне перенести собрание совета директоров? – Это была его секретарша.
- Нет, – сказал Горнт. – Пусть подождут.
- Хорошо, сэр. Пришла мисс Рамуш. Вы не могли бы уделить ей несколько минут?
- Горнт изобразил удивление.
- Минуточку. – Он взглянул на Бартлетта. – Мы закончили?
- Да. – Бартлетт тут же встал. – Договорились на вторник. Пусть до того времени все идет своим чередом. – Он повернулся, чтобы идти, но Горнт остановил его:
- Одну минуту, мистер Бартлетт. – А потом сказал в интерком: – Попросите ее зайти. – Выключив интерком, он встал. – Я рад, что мы с вами встретились.
- Дверь отворилась, и вошла девушка. Ей было лет двадцать пять, и выглядела она впечатляюще: коротко стриженные черные волосы и миндалевидные глаза, несомненно, евразийка, одетая не по парадному в линялые американские джинсы и рубашку.
- Привет, Квиллан, – сказала она с улыбкой, от которой в комнате стало теплее. По-английски она говорила с еле заметным американским акцентом. – Прошу простить за вторжение, только что вернулась из Бангкока и просто заскочила поздороваться.
- Рад, что ты зашла, Орланда. – Горнт улыбнулся Бартлетту, глядевшему на нее во все глаза. – Познакомься, это мистер Бартлетт из Америки. Орланда Рамуш.
- Привет, – сказал Бартлетт.
- Привет... О, Линк Бартлетт? Американский миллионер, который занимается контрабандой оружия? – усмехнулась она.
- Что?
- О, не надо так удивляться, мистер Бартлетт. В Гонконге все знают все: это лишь большая деревня.
- Серьезно, откуда вы узнали?
- Прочитала в утренней газете.
- Не может быть! Это случилось сегодня утром – в пять тридцать.
- Об этом сообщила газета «Фэй бао» – «Экспресс», – выходящая в девять утра, в колонке «В последний час». Эта газета издается на китайском языке, а китайцы знают все,

что здесь происходит. Не беспокойтесь, газетами, издающимися на английском, эта новость будет подхвачена только к полуденному выпуску, не раньше, но примерно в этот благословенный час у вас на пороге могут появиться репортеры.

– Спасибо.

«Меньше всего хотелось бы, чтобы за мной гонялась эта проклятая пресса», – недовольно подумал Бартлетт.

– Не беспокойтесь, мистер Бартлетт, я не буду просить у вас интервью, хоть я и внештатный репортер китайской прессы. Я, вообще-то, умею держать язык за зубами. Правда, Квиллан?

– Абсолютно. Я за это поручусь, – подтвердил Горнт. – Орланда – человек абсолютно надежный.

– Конечно, если вы *предложите* интервью, я соглашусь. Завтра.

– Я подумаю.

– Гарантирую, я подам вас в самом лучшем виде!

– Китайцы действительно знают здесь обо всем?

– Конечно, – тут же ответила она. – Но *гуйлао* – иностранцы⁵³ – не читают китайских газет, кроме горстки старых спецов по Китаю, таких как Квиллан.

– А также всей особой разведслужбы, особого подразделения и полиции в целом, – добавил Горнт.

– И Иэна Данросса. – Она дотронулась до зубов кончиком языка.

– Он такой крутой? – спросил Бартлетт.

– О да. Ведь в нем течет кровь «Дьявола» Струана.

– Не понимаю.

– Поймете, если поживете здесь подольше.

После недолгого раздумья Бартлетт нахмурился:

– Вы тоже знали о винтовках, мистер Горнт?

– Только, что полиция пресекла попытку контрабанды оружия на борту «личного самолета американского миллионера, прилетевшего вчера вечером». Это сообщение тоже поместила сегодня утром китайская газета, которую я читаю, – «Син бао». – Горнт язвительно улыбнулся. – Это та же «Таймс», только на кантонском. У них это тоже было в колонке «В последний час». Но, в отличие от Орланды, я удивлен, что вас еще не перехватил кто-то из нашей английской прессы. Они здесь в Гонконге трудятся не покладая рук. И более усердны и расторопны, чем считает Орланда.

Бартлетт ощутил аромат ее духов.

– И все же я удивлен, что вы не упомянули об этом, мистер Горнт.

– А зачем? Какое отношение имеют эти винтовки к нашему возможному сотрудничеству? – хохотнул Горнт. – В худшем случае мы с Орландой навестим вас в тюрьме.

– Да, действительно, – засмеялась она.

– Вот уж спасибо! – Опять этот аромат. Бартлетт оставил в покое винтовки и сосредоточился на девушке. – Рамуш – испанская фамилия?

– Португальская. Из Макао. Мой отец работал в компании «Ротвелл-Горнт» в Шанхае, мать из Шанхая. Я росла в Шанхае до сорок девятого года, потом уехала в Штаты на несколько лет, окончила среднюю школу в Сан-Франциско.

– Вот как? А мой родной город – Эл-эй, Лос-Анджелес. Я окончил среднюю школу в Долине.

⁵³ *Гуйлао* буквально означает «дух», «привидение». Так на юге Китая традиционно называют иностранцев из-за белого цвета кожи, «рыжих» волос и «зеленых» глаз. Как и его северный вариант – *вайгуй* (цзы), – это выражение обычно переводится как «заморский дьявол» и употребляется настолько часто, что не считается оскорбительным.

– Мне нравится Калифорния, – сказала она. – А как вам Гонконг?

– Я только что приехал, – ухмыльнулся Бартлетт. – И, похоже, уже наделал шуму.

Она засмеялась. Красивые белые зубы.

– Гонконг – место хорошее, если есть возможность уезжать отсюда каждый месяц или примерно через это время. Вам надо на выходные съездить в Макао: там все старинное, очень красиво, всего сорок миль отсюда, и паромное сообщение хорошее. Макао совсем не такой, как Гонконг. – Она повернулась к Горнту. – Еще раз прошу прощения, что прервала вас, Квиллан, хотела лишь поздороваться... – И повернулась, чтобы уйти.

– Нет, мы уже закончили – я как раз собирался уходить, – заторопился Бартлетт. – Спасибо еще раз, мистер Горнт. Увидимся во вторник, если не раньше... Надеюсь встретиться с вами снова, мисс Рамуш.

– Да, это было бы очень мило. Вот моя визитка: если дадите мне интервью, гарантирую хорошую прессу. – Она протянула руку, и, дотронувшись до нее, Бартлетт ощутил, какая она теплая.

Горнт проводил гостя до двери, закрыл ее, вернулся к столу и взял сигарету. Орланда поднесла ему спичку, задула ее, а потом уселась в кресло, где сидел Бартлетт.

– Приятный мужчина, – заметила она.

– Да. Но американец, недалекий и очень самоуверенный тип, с которого, может быть, понадобится сбить спесь.

– Ты хочешь, чтобы это сделала я?

– Возможно. Ты читала его досье?

– О да. Очень интересно, – улыбнулась Орланда.

– Ты не должна просить у него денег, – резко сказал Горнт.

– *Айийя*, Квиллан, неужели я такая дура? – столь же резко проговорила она, сверкая глазами.

– Прекрасно.

– Зачем ему понадобилось ввозить контрабандой оружие в Гонконг?

– Действительно, зачем, дорогая? Может, кто-то лишь использовал его.

– Должно быть, это и есть ответ на вопрос. Будь у меня столько денег, как у него, я не пошла бы на такую глупость.

– Да, – согласился Горнт.

– О, а как я тебе в роли репортера на вольных хлебах? Мне кажется, получилось очень здорово.

– Да, но не следует его недооценивать. Он не дурак. И очень хитер. Очень. – Горнт рассказал о «Касале». – Что-то многовато для совпадения. Должно быть, у него тоже составлено досье на меня, причем подробное. Не так много людей знает, что мне нравится это место.

– Может, я тоже фигурирую в досье.

– Возможно. Смотри, не попадись с этим твоим репортерством.

– А, брось ты, Квиллан, кто из тайбаней, кроме тебя и Данросса, читает китайские газеты? А если кто и читает, всего, что в них есть, не упомнишь. Я уже написала пару колонок... «Наш специальный корреспондент». Если он даст мне интервью, могу записать его. Не волнуйся. – Она пододвинула Горнту пепельницу. – Все прошло удачно, да? С Бартлеттом?

– Превосходно. Ты попусту растрачиваешь свой талант. Тебе надо сниматься в кино.

– Так поговори обо мне со своим приятелем, пожалуйста, прошу тебя, Квиллан. Чарли Ванг – крупнейший продюсер в Гонконге и многим тебе обязан. У него сейчас снимается столько фильмов, что... Мне нужен лишь один шанс... Я могла бы стать звездой! Пожалуйста!

– Почему бы и нет? – сухо сказал Горнт. – Но не думаю, что ты в его вкусе.

– Я под него подлажусь. Разве я не сыграла именно то, что ты хотел, с Бартлеттом? Ведь я оделась как надо, по-американски?

– Да-да, конечно. – Горнт посмотрел на нее. – Ты прекрасно бы ему подошла. Думаю, между вами могло бы возникнуть нечто более прочное, чем простое увлечение...

Она вся сосредоточилась:

– Что?

– Вы могли бы сойтись лучше, чем фрагменты китайской головоломки. У тебя прекрасный характер, подходящий возраст, ты красива, умна, образованна, восхитительна в постели, сообразительна, и у тебя достаточно американского налета, чтобы ему не нужно было напрягаться. – Горнт выпустил кольцо дыма. – Из всех известных мне дам ты единственная, кто стоит его денег. Да, вы составили бы прекрасную пару... он был бы очень хорош для тебя, а ты могла бы сделать его жизнь значительно более яркой. Верно?

– О да, – тут же загорелась она. – О да, я бы это сделала. – Она улыбнулась, потом нахмурилась. – А как же особа, что приехала с ним? У них один люкс на двоих в «Вик». Я слышала, она красавица. Как быть с ней, Квиллан?

Горнт слегка улыбнулся:

– Как докладывают мои шпионы, они не спят вместе, хотя и больше чем друзья.

Ее лицо вытянулось.

– Он не педик, нет?

Горнт рассмеялся. Сочным, раскатистым смехом.

– Я бы так с тобой не поступил, Орланда! Нет, уверен, что нет. У него просто какие-то странные договоренности с Кейси.

– А что это за договоренности?

Горнт пожал плечами.

– Но как же мне быть с ней? – снова спросила Орланда через некоторое время.

– Если Кейси Чолок мешает тебе, убери ее. Ты же умеешь показать коготки.

– Ты... Иногда ты мне совсем не нравишься.

– Мы оба реалисты, ты и я. Верно? – категорично заявил он. Почувствовав в его голосе жестокость, она встала и, наклонившись через стол, поцеловала его.

– Ты дьявол, – промолвила она, чтобы успокоить его. – Это в память о прежних временах.

Его рука очутилась у нее на груди, и он вздохнул, вспоминая, наслаждаясь через тонкий материал теплом ее тела.

– *Айийя*, Орланда, хорошие у нас были времена, верно?

Она стала его любовницей, когда ей исполнилось семнадцать. Он был у нее первым, и они оставались вместе почти пять лет. Так могло бы продолжаться и дальше, но однажды, когда он был в отъезде, она отправилась с молодым человеком в Макао, и ему доложили об этом. И он прекратил связь с ней. Раз и навсегда. Хотя у Горнта и Орланды уже была годовалая дочь.

– Орланда, – сказал он, когда она умоляла о прощении, – прощать не за что. Я раз десять говорил, что молодости нужна молодость и настанет день... Вытри слезы, выходи замуж за этого парня. Я дам тебе приданое и свое благословение... – Несмотря на все ее слезы, он остался тверд. – Мы будем друзьями, – уверял он, – и, когда будет нужно, я позабочусь о тебе...

На следующий день весь жар скрытой ярости он обратил на молодого человека, англичанина, мелкого клерка в «Эйшн пропертиз», и за месяц пустил его по миру.

– Это вопрос чести, – спокойно объяснил он.

– О, я знаю, я понимаю, но... что же мне теперь делать? – причитала она. – Завтра он уезжает в Англию и хочет, чтобы я ехала с ним и вышла за него замуж, но я не могу сейчас выходить замуж, у него нет ни денег, ни будущего, ни работы...

– Вытри слезы и отправляйся за покупками.

– Что?

– Да-да. Вот тебе подарок. – Он вручил ей билет первого класса до Лондона туда и обратно на самолет, которым молодой человек летел в туристическом классе. И тысячу фунтов хрустящими десятифунтовыми купюрами. – Накупи себе красивой одежды и сходи в театр. Для тебя забронирован номер в отеле «Коннот» на одиннадцать дней – тебе нужно будет только подписать счет, – дата возвращения подтверждена, так что желаю хорошо провести время и вернуться веселой и без проблем!

– О, спасибо, Квиллан милый, о, спасибо... Я так виновата. Ты меня прощаешь?

– Прощать не за что. Но если ты еще хоть раз заговоришь с ним или увидишься наедине... я навсегда перестану быть твоим другом и другом твоей семьи.

Она рассыпалась в благодарностях, сквозь слезы проклиная себя за глупость и призывая кары небесные на того, кто ее предал. На следующий день молодой человек пытался заговорить с ней и в аэропорту, и в самолете, и в Лондоне, но она лишь осыпала его проклятиями и посылала прочь. Она поняла, на чем покоится ее чашка риса. В тот день, когда она улетела из Лондона, молодой человек покончил жизнь самоубийством.

Узнав об этом, Горнт закурил хорошую сигару и пригласил ее на ужин в отель «Виктория энд Альберт» – канделябры, скатерть тонкого полотна, прекрасное столовое серебро, – а затем, когда он допил свой «наполеон», а она – мятный ликер, отослал ее одну домой, в квартиру, за которую по-прежнему платил. Он заказал еще коньяку и сидел, любуясь на огни гавани и Пик, упиваясь блаженством мести, величием жизни и вновь обретенным достоинством...

– *Айшья*, были у нас хорошие времена, – повторил Горнт, все так же желая ее, хотя не был с ней в постели с тех пор, как узнал про Макао.

– Квиллан... – начала она, тоже чувствуя на своей руке тепло его руки.

– Нет.

Ее глаза устремились к внутренней двери.

– Пожалуйста. Прошло уже три года, и никого не было...

– Благодарю тебя, но – нет. – Он отстранился и теперь держал ее за руки твердо, хоть и нежно. – Самое лучшее у нас уже было, – сказал он тоном знатока. – Я признаю только первую свежесть.

Она снова присела на край стола, угрюмо наблюдая за ним.

– Ты всегда выходишь победителем, да?

– В тот день, когда вы с Бартлеттом станете любовниками, ты получишь подарок, – спокойно пообещал он. – Если он возьмет тебя с собой в Макао и ты пробудешь там с ним открыто в течение трех дней, я куплю тебе новый «ягуар». Если он предложит тебе выйти за него, то в качестве свадебного подарка ты получишь квартиру со всем, что в ней есть, и дом в Калифорнии.

У нее даже дыхание перехватило, и она улыбнулась восторженно.

– Модели Экс-кей-и, черного цвета, Квиллан, о, это было бы великолепно! – Потом ее счастья как не бывало. – Что в нем такого? Почему он так важен для тебя?

Он лишь молча смотрел на нее.

– Прошу прощения, виновата, я не должна была спрашивать. – Она задумчиво достала сигарету, прикурила и, перегнувшись через стол, подала ему.

– Спасибо, – поблагодарил он, с наслаждением глядя на изгиб ее груди и в то же время слегка печалась, что подобная красота так преходяща. – О, кстати, не хотелось бы, чтобы Бартлетт узнал о нашей договоренности.

– И мне не хотелось бы. – Вздохнув, она выдавила из себя улыбку. Потом поднялась и пожала плечами. – *Айййя*, все равно это не продолжалось бы у нас долго. С Макао или без Макао. Ты бы изменился – тебе бы наскучило, у мужчин вечно такая история.

Она поправила макияж и рубашку, послала ему воздушный поцелуй и вышла. Он долго смотрел на закрывшуюся дверь, потом улыбнулся и потушил поданную ею сигарету, так ни разу и не затянувшись: не хотел вымазаться в помаде. Закурил новую и стал мурлыкать какой-то мотивчик.

Он был доволен. «Отлично. Теперь посмотрим, мистер Нахальный и Самоуверенный, Чертов Янки Бартлетт, теперь посмотрим, как ты удержишь этот нож. Паста с пивом – надо же!»

Горнт вдохнул еще витающий в кабинете аромат духов, и на мгновение нахлынули воспоминания о том, каково им было с Орландой в постели. «Тогда она была молода, – напомнил он себе. – Слава богу, не существует приплат за молодость или красоту, и замену найти легко: один телефонный звонок или стодолларовая купюра».

Он снял трубку и набрал специальный частный номер, радуясь, что Орланда больше китаянка, чем европейская женщина. Китайцы такие практичные.

После гудка донесся бодрый голос Пола Хэвегилла:

– Да?

– Пол, это Квиллан. Как дела?

– Привет, Квиллан. Ты, конечно, знаешь, что в ноябре банк возглавит Джонджон?

– Да. Очень жаль.

– Проклятье. Я думал, утвердят меня, а совет директоров выбрал Джонджона. Вчера вечером об этом объявили официально. Опять Данросс, его клика и их чертовы акции. Как прошла встреча у тебя?

– Наш американец рвется в бой, как я и говорил. – Горнт глубоко затянулся, стараясь не выдать волнения. – Как насчет небольшой специальной акции до передачи полномочий?

– Что ты задумал?

– Ты уходишь в конце ноября?

– Да. После двадцати трех лет службы. Но жалеть об этом не буду.

«Я тоже, – подумал довольный Горнт. – Ты уже подустарел и чертовски консервативен. В твою пользу лишь ненависть к Данроссу».

– Почти четыре месяца. Получается, у нас уйма времени. У тебя, меня и нашего американского друга.

– Что ты задумал?

– Помнишь, я предлагал гипотетический «план игры» под названием «Конкуренция»? Хэвегилл задумался.

– Это как перекупить или уничтожить банк-конкурент, да? Ну и что?

– Скажем, кто-то стряхнул с этого плана пыль, внес кое-какие изменения и нажал кнопку ВКЛ... два дня назад. Скажем, кто-то знал, что Данросс и остальные будут голосовать против тебя, и хотел бы отомстить. «Конкуренция» сработает прекрасно.

– Не вижу смысла. Какой прок нападать на «Блэкс»? – Банк Лондона, Кантона и Шанхая был основным конкурентом «Виктории». – Никакого.

– А если, скажем, цель другая, Пол?

– Кто?

– Я заеду в три и объясню.

– Кто?

– Ричард. – Ричард Кван контролировал банк «Хо-Пак» – среди множества китайских банков Гонконга этот был одним из крупнейших.

– Господи боже! Но ведь это... – Последовала долгая пауза. – Квиллан, ты действительно начал «Конкуренцию»... задействовал этот план?

– Да, но об этом никто не знает, кроме тебя и меня.

– Но как этот план ударит по Данроссу?

– Объясню попозже. Иэн сможет выполнить свои обязательства по новым судам?

Последовала пауза, и Горнт это отметил.

– Да.

– Да, но что?

– Но я уверен, что у него все будет в порядке.

– Какие еще проблемы у Данросса?

– Извини, но это уже будет неэтично.

– Конечно. Давай я выражусь по-другому, – многозначительно произнес Горнт. – Скажем, их лодку слегка качнули. А?

На этот раз пауза была длиннее.

– Если выбран нужный момент, их, да и любую другую компанию, даже твою, может утопить самая незначительная волна.

– Но не банк «Виктория».

– О нет.

– Прекрасно. Увидимся в три. – Горнт повесил трубку и снова вытер лоб в невероятном возбуждении. Затушив сигарету, он сделал быстрый подсчет, закурил другую, потом набрал номер. – Чарльз, это Квиллан. Занят?

– Нет. Чем могу быть полезен?

– Мне нужен баланс. – Слово «баланс» служило для этого поверенного сигналом, по которому он звонил восьми подставным лицам, а те должны были тайно покупать или продавать на бирже по поручению Горнта, чтобы нельзя было найти концов. Предполагалось, что все акции и все деньги будут проходить только через руки поверенного и ни подставные лица, ни брокеры не должны знать, для кого совершаются эти сделки.

– Баланс будет. Какого рода, Квиллан?

– Хочу играть на понижение. – Имелось в виду, что он продает акции, которыми не владеет, в расчете на то, что они будут дешеветь. Если акции на самом деле шли вниз, он получал разницу в цене до того момента, когда бумаги нужно было выкупить, – в Гонконге этот промежуток времени составлял максимум две недели. Конечно, если расчет оказывался неверен и акции шли вверх, приходилось выплачивать разницу.

– Какие акции и сколько?

– Сто тысяч «Хо-Пак»...

– Господи...

– ...столько же после начала торгов завтра и еще двести тысяч в течение дня. Позже дам дальнейшие инструкции.

На другом конце провода повисло изумленное молчание.

– Вы сказали, «Хо-Пак»?

– Да.

– Завтра потребуется время, чтобы занять столько акций. Господи боже, Квиллан, четыреста тысяч?

– Пока ты этим занимаешься, возьми еще сотню. Чтобы было ровно полмиллиона.

– Но... но «Хо-Пак» – «голубая фишка». ⁵⁴ Голубее не бывает. Они годами не снижались.

⁵⁴ «Голубые фишки» – акции солидных компаний со стабильным доходом и отсутствием крупных задолженностей.

- Да.
- Ты что-нибудь слышал?
- Ходят слухи, – серьезно произнес Горнт, а про себя усмехнулся. – Как насчет ланча пораньше, поедим в клубе?
- Хорошо, буду.
- Горнт положил трубку, потом набрал еще один частный номер.
- Да?
- Это я, – осторожно проговорил Горнт. – Ты один?
- Да. И?
- На встрече янки предложил рейд.
- *Айийя!* И?
- И Пол тоже за. – Преувеличение далось без труда. – Абсолютная тайна, конечно. Я только что с ним разговаривал.
- Тогда я тоже за. При условии, что получаю контроль над судами «Струанз», управление их собственностью в Гонконге и сорок процентов их земельной собственности в Таиланде и Сингапуре.
- Ты шутишь!
- Чтобы уничтожить их, не стоит мелочиться. Так ведь, старина?
- До Горнта донесся издевательский аристократический смешок. За это он терпеть не мог Джейсона Пламма.
- Ты же любишь его не больше, чем я, – поддел Горнт.
- Ах, но ведь я буду тебе нужен – я и мои особые друзья. Даже с Полом – займет он выжидательную позицию или нет – без меня и моих связей у вас с этим янки ничего не получится.
- А зачем еще я говорю с тобой?
- Послушай, я ведь не прошу кусок от пирога этого американца.
- А это тут при чем? – Горнт старался говорить спокойно.
- Я тебя знаю. О да. Я тебя знаю, старина.
- И сейчас знаешь?
- Да. Ты не станешь довольствоваться тем, что просто уничтожишь нашего «друга», ты захочешь весь пирог.
- И сейчас захочу?
- Да. Ты слишком долго хотел сделать заявку на американском рынке.
- Ты тоже.
- Нет. Мы-то знаем, с какого края поджаривается наш тост. Плетемся сзади – и довольны. Нам хватает Азии. Мы не хотим стать чем-то благородным.
- Неужто?
- Нет. Значит, по рукам?
- Нет, – отрезал Горнт.
- Тогда я полностью отказываюсь от судов. Вместо этого возьму иэновскую «Коулун инвестментс», их мощности в аэропорту Кай-Так и сорок процентов их земельной собственности в Таиланде и Сингапуре, а еще двадцать пять процентов «Пар-Кон» и три места в совете директоров.
- Шел бы ты!
- Предложение действительно до понедельника.
- Которого понедельника?

Большинство «голубых фишек» регулярно выплачивают дивиденды, даже когда бизнес идет хуже, чем обычно. Их ценят инвесторы, которым нужна относительная безопасность и стабильность, хотя стоимость акций обычно высока. Название происходит от фишек голубого цвета, которые обычно больше всего ценятся при игре в покер.

– Следующего понедельника.

– *Цзю ни ло мо* на все твои понедельники!

– И на твои! Делаю последнее предложение. «Коулун инвестментс» и мощности в Кай-Так полностью, тридцать пять процентов всей земельной собственности в Таиланде и Сингапуре и десять процентов пирога янки с тремя местами в совете директоров.

– Это все?

– Да. Повторяю: предложение в силе до следующего понедельника. И не думай, что тебе удастся мимоходом сожрать и нас.

– Ты что, свихнулся?

– Говорил уже: я тебя знаю. По рукам?

– Нет.

Снова мягкий, злобный смешок.

– До понедельника, до следующего понедельника. Этого времени достаточно, чтобы ты принял решение.

– Увидимся сегодня вечером на приеме у Иэна? – многозначительно спросил Горнт.

– Ты сбрендил! Я не пошел бы, даже если... Господи боже, Квиллан, ты на самом деле собираешься принять приглашение? *Лично?*

– Вообще-то, я не собирался, но теперь думаю пойти. Не хочу пропустить, может быть, последний великосветский прием последнего тайбаня «Струанз»...

Глава 7

12:01

В зале заседаний совета директоров для Кейси все складывалось по-прежнему непросто. Они не хотели клевать ни на одну из предложенных приманок. Беспокойство росло, и сейчас, ожидая, она чувствовала накатывающую волну неуместного страха.

Филлип Чэнь что-то машинально чертил, думая о своем. Линбар возился с бумагами, Жак де Вилль задумчиво разглядывал ее. Эндрю Гэваллан закончил записывать последние названные ею цифры и со вздохом поднял глаза.

– Очевидно, что это должно быть совместно финансируемое предприятие, – раздраженно проговорил он. От подскочившего напряжения в зале стало светлее, и Кейси еле сдержала ликование, когда он добавил: – Сколько готов вложить во всю сделку «Пар-Кон» при совместном финансировании?

– Денежное покрытие должны обеспечить восемнадцать миллионов американских долларов в этом году, – тут же ответила она, с удовольствием отметив, что все при этом постарались скрыть изумление.

Согласно опубликованным в прошлом году данным, стоимость чистых активов «Струанз» составляла почти двадцать восемь миллионов, и они с Бартлеттом отталкивались в своем предложении именно от этой цифры...

– Сделай первое предложение на двадцать миллионов, – сказал Линк. – При двадцати пяти они должны оказаться у тебя на крючке, и это будет замечательно. Для нас очень важно совместное финансирование, но предложение об этом должно исходить от них.

– Но взгляни на их баланс, Линк. Точно не скажешь, какова на самом деле стоимость их чистых активов. Истинная цифра может отклоняться миллионов на десять в ту и другую сторону, возможно и больше. Мы не знаем, насколько они на самом деле сильны... или слабы. Взгляни на этот пункт: четырнадцать миллионов семьсот тысяч удержаны в дочерних компаниях. Что это за дочерние компании, где они находятся и для чего? А вот еще: семь миллионов четыреста тысяч переведены в...

– Ну так и что, Кейси? Значит, будет тридцать миллионов вместо двадцати пяти. Наша прикидка остается в силе.

– Да, но как у них ведется бухгалтерский учет... Боже мой, Линк, позволь мы себе лишь один процент всего этого в Штатах, нас взяла бы за задницу СЕК⁵⁵ и мы оказались бы в тюрьме лет на пятьдесят.

– Да. Но *их* законам это не противоречит, в том-то и заключается основная причина выхода на Гонконг.

– Двадцать для начала многовато.

– Решать тебе, Кейси. Не забывай только, что в Гонконге мы играем по гонконгским правилам, лишь бы это было в рамках закона. Я хочу поучаствовать в их игре.

– Зачем? И только не говори «для моего, черт возьми, удовольствия».

Линк рассмеялся.

– Хорошо, тогда для *твоего*, черт возьми, удовольствия. Только заключи сделку со «Струанз»!..

В зале повысилась влажность. Хотелось взять салфетку, но Кейси не двигалась: боялась спугнуть их и делала вид, что спокойна. Молчание нарушил Гэваллан:

⁵⁵ СЕК (англ. SEC сокр. от Securities and Exchange Commission) – Комиссия по ценным бумагам, правительственная организация, контролирующая оборот ценных бумаг в целях защиты инвесторов от злоупотреблений. Создана в 1934 г. для предотвращения биржевых крахов, подобных обвалу 1929 г., вызвавшему Великую депрессию.

– Когда мистер Бартлетт сможет подтвердить предложение восемнадцати миллионов... если мы будем согласны?

– Я подтверждаю это предложение, – любезно проговорила она, проглотив оскорбление. – Я уполномочена при заключении сделки оперировать суммами до двадцати миллионов без консультации с Линком или его советом директоров. – Она нарочно давала им пространство для маневра. Затем с невинным видом добавила: – Значит, мы договорились? Прекрасно. – И стала переключать бумаги. – Следующее: я хотела бы...

– Минуточку. – Гэваллан оказался застигнут врасплох. – Я... э-э... восемнадцать – это... В любом случае мы должны представить тайбану весь пакет.

– О, я считала, что мы ведем переговоры на равных, – сказала она, изобразив удивление, – что вы, господа, все четверо, имеете те же полномочия, что и я. Наверное, в будущем мне лучше говорить непосредственно с мистером Данроссом.

Эндрю Гэваллан покраснел.

– Последнее слово за тайбаном. Во всем.

– Очень рада это слышать, мистер Гэваллан. Мое же последнее слово – двадцать миллионов, и не более того. – Она широко улыбнулась им. – Очень хорошо, передайте это предложение вашему тайбану. А пока, может быть, определимся со сроком его рассмотрения?

Снова молчание.

– Какие у вас предложения? – спросил Гэваллан, поняв, что попал в ловушку.

– Самый минимальный срок. Я не знаю, как быстро вы любите работать.

– Почему бы нам не отложить ответ на этот вопрос до окончания ланча, Эндрю? – предложил Филлип Чэнь.

– Да, прекрасная идея.

– Не возражаю, – сказала Кейси.

«Я сделала свое дело, – думала она. – Я договорилась на двадцать миллионов, хотя могло быть и тридцать, и это притом, что они мужчины, знающие толк в бизнесе, взрослые люди, а меня считают неискушенной. Но теперь-то я получу свои „отвальные“. Боже милостивый на небесах, сделай так, чтобы эта сделка состоялась, потому что потом я получу свободу. Навсегда.

Свободу, и что я с ней буду делать?

Не бери в голову. Об этом подумаем позже».

Она услышала свой голос, продолжавший в том же духе:

– Может, мы рассмотрим подробнее, каким образом вы хотели бы получить эти восемнадцать миллионов и...

– Восемнадцать миллионов вряд ли нас устроят, – вмешался Филлип Чэнь, и ложь далась ему без труда. – Существуют ведь самые разные дополнительные расходы...

Кейси поторговалась, как прекрасный переговорщик, позволила подвинуть себя до двадцати миллионов и потом с явным нежеланием согласилась:

– Вы, джентльмены, исключительно деловые люди. Хорошо, двадцать миллионов. – Заметив, как они старательно гонят с лица улыбку, она рассмеялась про себя.

– Прекрасно. – Гэваллан остался очень доволен.

– Ну а какой вы представляете корпоративную структуру нашего совместного предприятия? – Ей не хотелось ослаблять давление. – Конечно, при условии одобрения сделки вашим тайбаном – прошу прощения, самим Тайбаном. – Степень смирения, с какой она поправилась, была именно той, что надо.

Гэваллан с раздражением смотрел на нее: ну почему на ее месте не мужчина?!

«Тогда я мог бы сказать „хрена тебе лысого“ или „шел бы ты облегчиться в свою шляпу“, и мы бы вместе посмеялись, потому что и ты, и я знаем: всегда так или иначе нужно получать одобрение у тайбаня – вышестоящего, будь то Данросс, Бартлетт, совет директоров

или собственная жена. Да, и будь ты мужчиной, в зале заседаний совета директоров не витала бы такая, черт побери, сексуальность, которая здесь никак не уместна. Господи Иисусе, будь ты старая перечница, может, все шло бы по-другому, но, проклятье, такая девочка, как ты?

И что за дьявол вселяется в американских женщин? Скажите ради Христа, почему они не остаются там, где должны быть, и не довольствуются тем, в чем они великие мастерицы? Какая глупость!

А какая глупость так поспешно предлагать финансирование, и тем более глупо давать нам еще два миллиона, когда, вероятно, на все про все хватило бы и десяти. Боже мой, будь ты чуть терпеливее, эта сделка получилась бы гораздо более выгодной для тебя! В этом и беда с вами, американцами: нет у вас ни такта, ни терпения, ни вкуса, и вы ничего не смыслите в искусстве ведения переговоров, а вам, милая леди, вам слишком не терпится утвердиться. Зато теперь я знаю, на чем с вами можно сыграть».

Он бросил взгляд на Линбара Струана, который тайком пялился на Кейси, ожидая, что Гэваллан, или Филлип, или Жак продолжат. «Когда стану тайбаном, я тебя обломаю, малыш Линбар. Или обломаю, или сделаю из тебя человека, – мрачно думал Гэваллан. – Тебя нужно выпихнуть в мир, чтобы ты пожил самостоятельно, чтобы сам о себе заботился, полагался лишь на собственные силы, а не на свое имя или наследие. Да-да, нагрузить тебя работой, чтобы ты вымотался и чуть поостудил свое *ян*: чем быстрее ты снова женишься, тем лучше».

Он перевел взгляд на Жака де Вилля, который улыбнулся ему.

«Ах, Жак, – беззлобно думал он, – ты мой главный противник. По обыкновению, говоришь мало, все подмечаешь, много думаешь. Жесткий, упрямый и придирчивый, если нужно. Ну и какого ты мнения об этой сделке? Может, я что-нибудь упустил? Что подсказывает твой практичный ум парижского юриста? Ага, но как она тебя обыграла, отбив подачу насчет ее носика, а?

Я тоже не прочь затащить ее в постель, – рассеянно размышлял он, зная, что Линбар и Жак хотят того же. – Конечно – а кто бы отказался?

Ну а ты, Филлип Чэнь?

О нет. Это не про тебя. Тебе нравятся совсем молоденькие, да еще такие, что умеют ублажать позатейливей, если в слухах есть хоть доля правды, *хейя?*»

Он снова посмотрел на Кейси. На ее лице читалось нетерпение. «Ты не похожа на лесбиянку, – тяжело вздохнул он про себя. – Или это еще одна твоя слабость? Боже, какое ужасное это было бы расточительство!»

– Совместное предприятие должно быть образовано по законам Гонконга, – начал он.

– Да, конечно. Есть...

– Каким именно образом, нам сможет сообщить фирма «Симс, Доусон и Дик». Я договорюсь о встрече на завтра или послезавтра.

– В этом нет необходимости, мистер Гэваллан. У меня уже есть предварительные предложения, составленные ими – гипотетически и конфиденциально, конечно, – на случай, если мы решим заключить сделку.

– Что? – Они остолбенело смотрели, как она достает пять экземпляров сокращенного контракта и вручает каждому.

– Я выяснила, что они ваши адвокаты, – бодро продолжала Кейси. – Поручила нашим людям проверить, что они собой представляют. Мне сказали, что лучше их никого нет, так что они нас устраивают. Я попросила их рассмотреть возможные условия – как ваши, так и наши. Что-нибудь не так?

– Нет. – Гэваллан вдруг пришел в ярость оттого, что собственные юристы не поставили их в известность о запросах «Пар-Кон». Он стал внимательно изучать документ.

«*Цзю ни ло мо* на эту проклятую Кейси – как бишь ее фамилия? – думал взбешенный таким унижением Филлип Чэнь. – Пусть увянет, и навсегда иссохнет, и покроется пылью

твоя „золотая ложбинка“ за такие отвратительные, наглые манеры и непристойные, неподобающие женщине привычки!

Боже, оборони нас от американских женщин!

Айийя, Линкольну Бартлетту влетит в копеечку то, что он осмелился подсунуть нам эту... эту тварь, – пообещал про себя Филлип. – Как он только посмел!»

Тем не менее сумма предлагаемой сделки произвела на него ошеломляющее впечатление.

«В течение ближайших нескольких лет это может принести по меньшей мере сто миллионов американских долларов, – прикидывал он, и голова шла кругом. – Это даст Благородному Дому стабильность, которая ему так необходима.

О благословенный день, – радовался он. – Да еще совместное финансирование на условиях доллар за доллар. Невероятно! Какая глупость предоставлять нам это так сразу и не требовать взамен даже крохотной уступки. Глупость, но что еще ожидать от глупой женщины? *Айийя*, Тихоокеанский пояс поглотит все, что мы сможем производить из полиуретановой пены: упаковочные, строительные, изоляционные материалы, постельные принадлежности. Одна фабрика здесь, одна на Тайване, одна в Сингапуре, одна в Куала-Лумпуре и последняя, предположительно, в Джакарте. Мы заработаем миллионы, десятки миллионов. А это агентство по лизингу компьютеров. Ну почему при аренде эти дураки предлагают цены на десять процентов ниже прайс-листа Ай-би-эм, а еще минус наши комиссионные, семь с половиной процентов? Поторговались бы немного, и мы рады были бы согласиться на пять. К следующим выходным я смогу продать три штуки в Сингапур, один здесь, один в Куала-Лумпур и один этому пирату-судовладельцу в Индонезию, наварив шестьдесят семь тысяч пятьсот долларов чистой прибыли на каждом или, получается, четыреста пять тысяч за шесть звонков по телефону. Что же касается Китая...

Что же касается Китая...

О все боги, большие, малые и очень маленькие, помогите заключить эту сделку, и я пожертвую на новый храм, на целый собор на Тайпиншане,⁵⁶ – обещал он в пылу страсти. – Если Китай отменит некоторые ограничения или даже немного ослабит их, мы сможем удобрять рисовые поля в провинции Гуандун, а потом и во всем Китае, и в течение следующих двенадцати лет эта сделка будет означать десятки сотен миллионов долларов – американских долларов, не гонконгских!»

Размышления обо всей этой прибыли его умиротворили.

– Думаю, данное предложение может стать основой для дальнейшего обсуждения, – сказал он, закончив читать. – Не правда ли, Эндрю?

– Да. – Гэваллан положил письмо на стол. – Я позвоню им после ланча. Когда мистеру Бартлетту... и вам, конечно... будет удобно встретиться?

– Сегодня во второй половине дня – чем скорее, тем лучше, – или в любое время завтра, но Линка не будет. Всеми деталями занимаюсь я – это моя работа, – бодро проговорила Кейси. – Он определяет политику и официально подпишет окончательные документы после того, как я их согласую. В этом ведь заключается функция главнокомандующего, верно? – Она оглядела их, улыбаясь во весь рот.

– Я договорюсь о встрече и оставлю сообщение у вас в отеле, – продолжал Гэваллан.

– Может, определимся прямо сейчас и закончим с этим?

Гэваллан с недовольным выражением лица глянул на часы. «Почти что ланч, слава богу».

– Жак, ты как завтра?

– Лучше с утра, чем после полудня.

⁵⁶ *Тайпиншань* – китайское название пика Виктории (Пика).

– И для Джона тоже, – сказал Филлип Чэнь.

Гэваллан поднял трубку и набрал номер:

– Мэри? Позвоните Доусону и назначьте встречу на завтра, на одиннадцать, с участием мистера де Вилля, мистера Джона Чэня и мисс Кейси. У них в офисе. – Он положил трубку. – Жак и Джон Чэнь занимаются у нас всеми корпоративными вопросами. Джон поднаторел в американских делах, а Доусон – спец по своим. Я пришлю за вами машину в десять тридцать.

– Спасибо, но вам нет нужды беспокоиться.

– Как вам будет угодно, – вежливо откликнулся он. – Вероятно, сейчас самое время прерваться на ланч.

– У нас есть еще четверть часа, – сказала Кейси. – Может, обсудим, каким бы вам хотелось видеть порядок финансирования с нашей стороны? Или, если хотите, можно послать за сэндвичами и работать без перерыва.

Все оторопело уставились на нее:

– Работать во время ланча?

– Почему бы нет? Так давно уже принято в Америке.

– Слава богу, здесь так не принято, – сообщил Гэваллан.

– Да, – сердито бросил Филлип Чэнь.

Она ощущала, как над ней гнетущей пеленой нависло общее неодобрение, но ей было наплевать. «Идите вы все, – выругалась она мысленно, но тут же заставила себя пересмотреть позиции. – Послушай, идиотка, не позволяй этим сукиным сынам достать тебя!»

– Если вы хотите прерваться на ланч, я не возражаю.

– Прекрасно, – просиял Гэваллан, и остальные облегченно вздохнули. – Ланч начинается в двенадцать сорок. Перед этим вам, наверное, хотелось бы попудрить носик.

– Да, благодарю вас. – Она понимала: им хочется сплавить гостью, хоть ненадолго, чтобы обсудить ее, а потом и сделку.

«Должно бы быть наоборот, – подумала она, – но не будет. Нет. Будет так же, как всегда: они станут спорить, кто первым добьется успеха. Но никому из них надеяться не на что, потому что сейчас я не хочу *никого* из них, каким бы по-своему привлекательным ни казался каждый. Эти мужчины ничуть не отличаются от всех, кого я знаю: они хотят не любви, им нужен лишь секс.

Линк – исключение.

Не думай о Линке, и о том, как сильно ты любишь его, и о том, как отвратно прошли все эти годы. Отвратно и восхитительно.

Помни о данном обещании.

Я не буду думать о Линке и любви.

Не буду до моего дня рождения, а до него осталось девяносто восемь дней. На девяносто восьмой день заканчивается седьмой год, и благодаря моему милому к этому времени у меня будут „отвальные“, и мы станем по-настоящему равны, и с Божьей помощью у нас будет этот Благородный Дом. Станет ли он моим свадебным подарком ему? Или его подарком мне?

Или прощальным подарком».

– Где комната для дам? – Она встала, все поднялись следом и теперь возвышались над ней, кроме Филлипа Чэня – она была выше его на целый дюйм, – и Гэваллан объяснил ей, как пройти в дамскую комнату.

Линбар Струан распахнул перед гостьей дверь и закрыл за ней. Потом ухмыльнулся:

– Спорю на тысячу, у тебя ничего не выйдет, Жак.

– Еще одна тысяча, – подхватил Гэваллан. – И десять, что не получится у тебя, Линбар.

– Принято, – откликнулся Линбар. – При условии, что она пробудет здесь месяц.

– Что-то не те уже у тебя темпы, а, старина? – сказал Гэваллан, а потом обратился к Жаку: – Ну как?

Француз улыбнулся:

– Двадцать за то, что тебе, Эндрю, никогда не завлечь такую даму в постель. Равно как и тебе, бедный малыш Линбар. Пятьдесят за это против твоей лошади.

– Мне моя кобылка нравится, клянусь Господом. У Ноубл Стар большие шансы победить. Она лучшая в нашей конюшне.

– Пятьдесят.

– Сто, и я подумаю.

– Настолько мне не нужна ни одна лошадь, – снова улыбнулся Жак, глядя на Филлипа Чэня. – Что ты думаешь, Филлип?

Филлип Чэнь встал:

– Думаю, поеду-ка я на ланч домой и предоставлю вас, жеребцов, вашим мечтаниям. Забавно, однако, что все вы спорите на то, что ничего *не получится у других*, а не на то, что *получится у кого-то из вас*.

Они снова рассмеялись.

– Глупо давать нам что-то дополнительно, а? – сказал Гэваллан.

– Сделка – просто фантастика, – воскликнул Линбар Струан. – Господи, дядя Филлип, просто фантастика!

– Как и ее *degière*,⁵⁷ – добавил де Вилье тоном знатока. – А, Филлип?

Филлип Чэнь добродушно кивнул и вышел. Но, увидев входящую в дамскую комнату Кейси, подумал: «*Айийя*, кому вообще нужен такой большой кусок?»

Войдя в туалет, Кейси изумленно огляделась. Вокруг чистота, но запах такой, будто никто за собой не смывает, да еще ведра наставлены одно на другое, некоторые с водой. Из-за лужиц расплесканной воды кафельный пол казался грязным. «Я слышала, что гигиена у англичан не на высоте, – с отвращением подумала она, – но чтобы здесь, в Благородном Доме? Уф! Поразительно!»

Она зашла в одну из кабинок, скользая на мокром полу. Закончив свои дела, нажала на ручку. Никакого эффекта. Она нажала еще раз и еще, но ничего так и не произошло. Выругавшись, она подняла крышку сливного бачка. Он был сухой и ржавый. В раздражении она открыла дверную задвижку, подошла к раковине и открыла кран. Вода не полилась.

«Что здесь вообще происходит? Могу поспорить, эти ублюдки нарочно послали меня сюда!»

Она нашла чистые полотенца для рук, неумело вылила ведро воды в раковину, расплескав немного, помыла руки и вытерла их, разозлившись из-за того, что намочила туфли. Потом вдруг вспомнила, взяла еще одно ведро и опорожнила его в унитаз. Третье ведро пришлось использовать, чтобы снова помыть руки. Уходя, она чувствовала себя так, будто вся измаралась.

«Наверное, что-то случилось с этой проклятой трубой, а водопроводчик придет только завтра. Черт бы побрал все эти водопроводы! Успокойся, – сказала она себе. – Ты начнешь делать ошибки».

Коридор был устелен изящными китайскими шелковыми коврами, а стены увешаны картинами маслом с изображениями клиперов и китайских пейзажей. Подойдя к залу совета директоров, она услышала приглушенные голоса и смех – так смеются после скабрёзной шутки или непристойного высказывания. Она знала, что стоит открыть дверь, как атмосфера добродушного подшучивания и товарищества исчезнет и снова повиснет неловкое молчание.

⁵⁷ Задница (фр.).

Она отворила дверь, и все встали.

– У вас что-то с водопроводом? – спросила она, еле сдерживаясь.

– Нет, не думаю, – удивился Гэваллан.

– Так вот: воды нет. Разве вы не знали?

– Конечно нет... О! – осекся он. – Вы же остановились в «Ви энд Эй», так что...

Неужели вам никто не сказал о перебоях с водой?

Они заговорили все сразу, но Гэваллан перебил всех:

– У «Ви энд Эй» своя система водоснабжения – как и у пары других отелей, – а для остальных вода подается только четыре часа каждый четвертый день, так что приходится пользоваться ведрами. Мне и в голову не пришло, что вы не знаете. Прошу прощения.

– Как же вы управляетесь? *Каждый четвертый день?*

– Да. Четыре часа, с шести до восьми утра, а потом с пяти до семи вечера. Ужасно неудобно, потому что, конечно, приходится набирать воду на четыре дня. В ведра, ванную, куда только можно. Ведер не хватает: воду дадут только завтра. Боже мой, у вас ведь там была вода, да?

– Да, но... Вы хотите сказать, что водопровод не работает? Везде? – Она никак не могла в это поверить.

– Да, – терпеливо подтвердил Гэваллан. – Кроме этих четырех часов каждый четвертый день. Но вам в «Ви энд Эй» беспокоиться нечего. Отель стоит прямо на набережной и может пополнять свои резервуары с лихтеров – воду, конечно, приходится покупать.

– Значит, вы не можете принять душ или помыться?

– На такой жаре через три дня все порядком засаливаются, но, по крайней мере, труба для всех одна. И потом, это тренировка на выживание, когда перед уходом ты должен убедиться, что остается еще полное ведро.

– Я понятия не имела. – Она в ужасе вспомнила, что вылила целых три ведра.

– Наши резервуары пусты, – объяснил Гэваллан. – В этом году почти не было дождей, прошлый год тоже выдался без осадков. Чертовски неудобно, но что поделаешь. Это жизнь, и приходится мириться. Джосс.

– Откуда вы тогда берете воду?

Они тупо уставились на нее:

– Из Китая, конечно. Ее подают по трубопроводу через границу на Новые Территории или привозят в танкерах с реки Чжуцзян. По соглашению с Пекином правительство только что зафрахтовало флотилию из десяти танкеров, которые ходят вверх по Чжуцзян. Таким образом, мы получаем около десяти миллионов галлонов⁵⁸ в день. На этот год фрахт обойдется правительству в сумму порядка двадцати пяти миллионов. В субботней газете писали, что потребление воды у нас сократилось до тридцати миллионов галлонов в день на все население, которое насчитывает три с половиной миллиона человек, и это включая промышленное использование. Говорят, у вас в стране один человек использует сто пятьдесят галлонов в день.

– Это касается всех? Четыре часа каждый четвертый день?

– Мы пользуемся ведрами даже в Большом Доме. – Гэваллан снова пожал плечами. – Но у тайбаня есть одно местечко в Шек-О⁵⁹ со своим колодцем. Когда нас приглашают, мы собираемся там всей оравой, чтобы смыть грязь.

Она снова вспомнила про свои три ведра. «Господи, неужели я вылила всю воду? Не помню, осталось ли еще сколько-нибудь».

⁵⁸ Галлон равен 4,5 л.

⁵⁹ *Шек-О* (букв. скалистая бухта) – поселок на южном побережье острова Гонконг, выдающийся полуостровом в Южно-Китайское море. Известен красивыми видами и прекрасной окружающей средой.

– Думаю, мне еще многому придется поучиться, – сказала она.
«Да, – подумали все. – Да, черт побери, придется».

* * *

– Тайбань?

– Да, Клаудиа? – ответил Данросс в интерком.

– На встрече с Кейси только что объявлен перерыв на ланч. Мастер Эндрю на линии четыре. Мастер Линбар поднимается к вам.

– Попросите его подойти после ланча. Есть новости о Цу-яне?

– Нет, сэр. Самолет приземлился по расписанию, в восемь сорок. В тайбэйском офисе его нет. На квартире тоже. Постараюсь дозвониться, конечно. Вот еще что. Мне сейчас был занятный звонок, тайбань. Похоже, утром мистер Бартлетт ездил в компанию «Ротвелл-Горнт» и встречался лично с мистером Горнтом.

– Вы уверены? – Он вдруг ощутил, как внутри все похолодело.

– Да, вполне.

«Ублюдок, – подумал Данросс. – Или он хочет, чтобы я знал об этом?»

– Спасибо. – Пока он оставил этот вопрос на потом, но был рад, что ему дали знать. – В субботу можете поставить тысячу долларов на любую лошадь.

– О, благодарю вас, тайбань.

– За работу, Клаудиа! – Он нажал на клавишу линии четыре. – Да, Эндрю? Как сделка? Гэваллан рассказал самое главное.

– Двадцать миллионов наличными? – недоверчиво переспросил Данросс.

– Наличными, в восхитительных, чудесных американских долларах! – Данросс почти видел, как лицо Эндрю расплылось в улыбке. – А на мой вопрос, когда Бартлетт подтвердит сделку, эта сучка нагло заявила: «О, я подтверждаю ее прямо сейчас: я могу заключить сделку на сумму до двадцати миллионов без консультаций с ним или с кем-либо еще». Ты думаешь, такое возможно?

– Не знаю. – Данросс почувствовал некоторую слабость в коленях. – Бартлетт должен приехать с минуты на минуту. Я спрошу у него.

– Слушай, тайбань, если это совершится...

Но Данросс почти не слушал восторженных излияний Гэваллана.

«Это предложение, в которое трудно поверить, – сказал он сам себе. – Оно слишком хорошее. Что тут не так? Где подвох?»

Став тайбанем, он вынужден был маневрировать, лгать, уговаривать и даже угрожать – к примеру, Хэвегиллу из банка – гораздо чаще, чем мог предположить, чтобы вывести «Струанз» из тупика, в который компанию завели его предшественники, противостоять природным и политическим катастрофам, что одна за одной обрушивались на мир. Даже продажа акций не принесла капитала и передышки, на которые он рассчитывал, потому что из-за резкого падения цен во всем мире рынки рухнули.

А в августе прошлого года пронесся, сея опустошение на своем пути, тайфун «Ванда». Сотни людей погибли, сотни тысяч остались без крова, затонуло полтысячи рыбацких лодок, двадцать кораблей, на берег было выброшено одно из судов «Струанз» водоизмещением три тысячи тонн, повреждена почти завершенная гигантская причальная стенка, и вся их строительная программа остановилась на шесть месяцев.

Осенью грянул Карибский кризис, вызвавший новое снижение деловой активности. Этой весной де Голль наложил вето на вступление Великобритании в Общий рынок – еще одно падение цен. Потом последовала ссора Китая и России⁶⁰ – и опять падение...

«Теперь я почти получил двадцать миллионов американских долларов, и на тебе: каким-то боком мы причастны к контрабандному оружию. Цу-янь, очевидно, сбежал, а Джон Чэнь бог знает где!»

– В бога душу мать! – зло проговорил он.

– Что? – Ошеломленный Гэваллан осекся, не закончив доклада. – Что ты сказал?

– О, ничего, ничего, Эндрю. К тебе это не имеет никакого отношения. Расскажи о ней. Как она тебе?

– Здорово считает, стремительна и уверенна, но нетерпелива. И красивая, стерва. Давненько таких не встречал, а титек, как у нее, наверное, нет ни у кого в городе. – Гэваллан рассказал, кто на что спорил. – Думаю, Линбар идет по самой короткой дорожке.

– Я собираюсь уволить Форстера и послать Линбара в Сидней на шесть месяцев, чтобы он там со всем разобрался.

– Прекрасная идея, – усмехнулся Гэваллан. – А то слишком много себе позволяет: как говорится, воздух портит в церкви. Хотя, я слышал, дамы там, внизу,⁶¹ очень услужливы.

– Ты думаешь, сделка состоится?

– Думаю, да. Филлип от нее в восторге. Но обсуждать ее с женщиной – дело дрянь, и это правда. Как считаешь, можем мы обойти ее и иметь дело с Бартлеттом напрямую?

– Нет. В переписке он ясно дал понять, что главным от него на переговорах будет Кей Си Чолок.

– Ага, значит... вперед на приступ и все такое! Что мы не сделаем для Благородного Дома!

– Слабые места у нее проявились?

– Нетерпелива. Хочет стать своей в чисто мужской компании. Ее ахиллесовой пятой я бы назвал это отчаянное желание быть принятой в мир мужчин.

– Ну и пусть себе желает – с тем же успехом можно искать Святой Грааль. Встреча с Доусоном назначена завтра на одиннадцать?

– Да.

– Позвони Доусону, пусть отменит ее, но не раньше чем завтра в девять утра. Пусть сочинит какую-нибудь отговорку и перенесет встречу на среду в полдень.

– Замечательно придумано: вывести ее из равновесия, да?

– Скажи Жаку, что это собрание я беру на себя.

– Хорошо, тайбань. Что насчет Джона Чэня? Ты хочешь, чтобы он там присутствовал? Данросс помолчал.

– Да. Ты уже виделся с ним?

– Нет. Он должен подойти к ланчу. Хочешь, чтобы я нашел его?

– Нет. Где Филлип?

– Поехал домой. Вернется в четырнадцать тридцать.

«Хорошо», – подумал Данросс и отложил мысли о Джоне Чэне до этого времени.

⁶⁰ Окончательный разрыв между СССР и КНР оформился в 1962 г. В ответ на критику Мао Цзэдуна за отступление во время Карибского кризиса Хрущев заявил, что политика «великого кормчего» может привести к ядерной войне. Кроме того, СССР открыто выступил на стороне Индии во время ее краткого военного конфликта с Китаем. После обнародования идеологических позиций сторон – «Предложения Коммунистической партии Китая относительно генеральной линии в международном коммунистическом движении» и «Открытого письма Коммунистической партии Советского Союза» – официальные отношения между партиями прекратились.

⁶¹ Там, внизу – так англичане говорят об Австралии.

– Послушай... – Загудел интерком. – Минуточку, Эндрю. – Он нажал на клавишу. – Да, Клаудиа?

– Прошу прощения, что прерываю, тайбань, но меня только что соединили с мистером Жэнем в Тайбэе. Он на второй линии, и еще подъехал мистер Бартлетт – он внизу.

– Пригласи его, как только я закончу с Жэнем. – Он снова ткнул клавишу четвертой линии. – Эндрю, я могу задержаться на пару минут. Предложи всем выпить и все такое. Бартлетта я приведу сам.

– О'кей.

Данросс ударил по клавише второй линии.

– *Цзао ань* (Доброе утро), – произнес он на северном диалекте китайского языка, так называемом мандарине. – Как дела? – Он был рад поговорить с дядей Вэй-вэй – генералом Жэнь Данва, заместителем главы тайной полиции гоминьдана в Гонконге.

– *Шунь шоу* (Все идет своим чередом), – а потом по-английски: – Что случилось, тайбань?

– Я думал, вы в курсе... – Данросс вкратце рассказал о винтовках и Бартлетте, о том, что этим занимается полиция, но не упомянул ни о Цу-яне, ни о Джоне Чэне.

– *Айийя!* Действительно любопытно.

– Да. Я тоже так считаю. Весьма любопытно.

– Вы уверены, что Бартлетт ни при чем?

– Уверен. На это, похоже, нет никаких причин. Абсолютно никаких. Глупо использовать для этого свой самолет. А Бартлетт человек неглупый, – сказал Данросс. – Кому могло бы понадобиться здесь такого рода оружие?

Последовала пауза.

– Преступным элементам.

– Триадам?

– Не все триады преступны.

– Нет, конечно, – согласился Данросс.

– Я посмотрю, что мне удастся выяснить. Уверен, что мы тут ни при чем, Иэн. Вы по-прежнему планируете быть в воскресенье?

– Да.

– Хорошо. Постараюсь что-то выяснить. Пропустим по стаканчику в шесть вечера?

– Может быть, в восемь? Вы еще не видели Цу-яня?

– Я считал, что он прилетит не раньше выходных. Разве он не будет четвертым на нашей встрече в понедельник с этим американцем?

– Будет. Я слышал, он улетел сегодня утренним рейсом. – Данросс старался сохранять невозмутимость.

– Он непременно позвонит. Вы хотите, чтобы он позвонил вам?

– Да. В любое время. Это не срочно. До встречи в восемь в воскресенье.

– Да, и благодарю за информацию. Если что-нибудь узнаю, сразу позвоню. Пока.

Данросс положил трубку. Он очень внимательно вслушивался в тон голоса Жэня, но ничего необычного не заметил. «Где, черт возьми, Цу-янь?»

В дверь постучали.

– Войдите. – Встав, он пошел навстречу Бартлетту. – Привет. – Он улыбнулся и протянул руку. – Я – Иэн Данросс.

– Линк Бартлетт. – Они обменялись крепким рукопожатием. – Я не очень рано?

– Вы точно вовремя. Должно быть, знаете, что я люблю пунктуальность, – усмехнулся Данросс. – Я слышал, встреча прошла хорошо.

– Прекрасно, – ответил Бартлетт, недоумевая, не имеет ли Данросс в виду встречу с Горнтом. – Кейси хорошо владеет фактами и цифрами.

– Мои парни были просто поражены: она сказала, что может завершить все сама. Это так, мистер Бартлетт?

– Она вправе вести переговоры и заключать сделки на сумму до двадцати миллионов. А что?

– Нет, ничего. Просто хотел узнать, как вы работаете. Прошу садиться, у нас есть еще несколько минут. Ланч начнется только в двенадцать сорок. Похоже, у нас может сложиться выгодное предприятие.

– Надеюсь, что так. Может, встретимся после того, как я переговорю с Кейси?

Данросс посмотрел на календарь:

– Завтра в десять. Здесь?

– Договорились.

– Курите?

– Нет, спасибо. Бросил несколько лет тому назад.

– Я тоже. Хотя до сих пор тянет выкурить сигаретку. – Данросс откинулся в кресле. – Прежде чем мы отправимся на ланч, мистер Бартлетт, пара незначительных вопросов. В воскресенье днем я собираюсь в Тайбэй и вернусь во вторник до ужина. Хочу пригласить и вас. Там я хотел бы познакомить вас с двумя людьми, предложить партию в гольф – вам понравится. Можно будет поговорить не торопясь, вы могли бы осмотреть площадки для возможных заводов. Это может быть важно для вас. Я обо всем договорился, но вот нельзя будет взять с собой мисс Чолок.

Бартлетт нахмурился, размышляя, является ли приглашение на вторник простым совпадением.

– По словам суперинтендента Армстронга, я не могу покидать Гонконг.

– Уверен, что это можно изменить.

– Значит, вы тоже знаете о винтовках? – сказал Бартлетт и обругал себя за то, что проговорился. Он старался смотреть спокойно.

– О да. Вас еще кто-нибудь беспокоил по этому поводу? – спросил Данросс, не спуская с него глаз.

– Полиция даже до Кейси добралась! Господи! Мой самолет арестован, мы все под подозрением, а я и понятия, черт побери, не имею, что это за винтовки.

– Ну, беспокоиться не стоит, мистер Бартлетт. Наша полиция работает очень добросовестно.

– Я не беспокоюсь, просто меня вывели из себя.

– Это можно понять. – Данросс порадовался, что встреча с Армстронгом была конфиденциальной.

«Господи, – с беспокойством думал он, – если Джон Чэнь и Цу-янь как-то замешаны, то Бартлетт выйдет из себя по-настоящему – и плакала наша сделка, он свяжется с Горнтом, и тогда...»

– А как вы узнали о винтовках?

– Сегодня утром поступила информация из нашего офиса в Кай-Так.

– Ничего подобного раньше не случилось?

– Нет, – сказал Данросс и беспечно добавил: – Но я не вижу ничего страшного в контрабанде или в том, чтобы подторговывать оружием. По сути дела, и то и другое – достаточно уважаемые занятия. Конечно, мы занимаемся этим не здесь.

– А где?

– Где пожелает правительство ее величества, – усмехнулся Данросс. – Мы все здесь пираты, мистер Бартлетт, по крайней мере таковыми нас считают чужаки. – Он помолчал. – Если, предположим, я договорюсь с полицией, вы готовы лететь в Тайбэй?

– Кейси – человек отнюдь не болтливый.

– Я не говорю, что ей нельзя доверять.

– Ее просто не приглашают?

– Некоторые из здешних обычаев несколько отличаются от ваших, мистер Бартлетт. В большинстве случаев она будет принята, но иногда ее отсутствие... э-э... избавит нас от многих неловких ситуаций.

– Кейси не так-то просто поставить в неловкое положение.

– Речь не о том, что ее поставят в неловкое положение. Извините за прямоту, но вы, наверное, позже сами поймете, что так лучше.

– А если я не смогу «подчиниться правилам»?

– Видимо, это будет означать, что вы не сможете воспользоваться какой-нибудь уникальной возможностью, и очень жаль – особенно если в ваши намерения входит связать себя с Азией надолго.

– Я подумаю об этом.

– Извините, но мне нужно услышать «да» или «нет» прямо сейчас.

– Вам действительно это нужно?

– Да.

– Шли бы вы тогда знаете куда!

Данросс ухмыльнулся:

– Нет, так не пойдет. А пока жду вашего окончательного слова. Да или нет?

Бартлетт расхохотался:

– Ну, раз вы так ставите вопрос, я за Тайбэй.

– Прекрасно. Я, конечно, попрошу жену позаботиться о мисс Чолок на время нашего отсутствия. Это не будет умалением ее достоинства.

– Благодарю вас. Но насчет Кейси беспокоиться не стоит. Как вы хотите разобраться с Армстронгом?

– Я не стану *разбираться* с ним, просто попрошу помощника комиссара полиции разрешить мне взять вас с собой под свою ответственность.

– Отпустить меня под ваше честное слово?

– Да.

– А почему вы думаете, что я не могу взять и уехать? Может, я действительно ввез партию оружия.

Данросс не спускал с него глаз.

– Может, и ввезли. Может, и уедете. Но я смогу доставить вас обратно – живым или мертвым, как выражаются в кино. Гонконг и Тайбэй в пределах моих возможностей.

– Живым или мертвым, говорите?

– Гипотетически, конечно.

– Сколько человек вы убили за свою жизнь?

Настрой стал другим, и оба глубоко ощутили эту перемену.

«Опасным наше противостояние еще не стало, – подумал Данросс, – пока».

– Двенадцать, – ответил он не моргнув глазом, хотя вопрос застал его врасплох. – Двенадцать, это то, что наверняка. На войне я был летчиком-истребителем. Летал на «спитфайрах». Сбил два одноместных истребителя, «штуку»⁶² и два бомбардировщика «Дорнье-17», а у них экипажи из четырех человек. Все эти самолеты сгорели в воздухе. Двенадцать – это то, что наверняка, мистер Бартлетт. Мы, конечно, обстреливали немало поездов, конвоев, скоплений войск. А что?

– Я слышал, что вы летчик. Что касается меня, не думаю, что я кого-нибудь убил. Я строил лагеря, базы на Тихом океане и все такое. Никогда не стрелял со злости.

⁶² «Штука» – немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс Ju 87 Stuka».

– Но вам нравится охота?

– Да. В пятьдесят девятом был на сафари в Кении. Застрелил слона, и огромного самца антилопы куду, и много другой дичи для котла.

Подумав, Данросс сказал:

– По мне, лучше сбивать самолеты, уничтожать поезда и корабли. Люди на войне вещь втростепенная. Верно?

– Если полководцу приказал выступить в поход правитель, то конечно. Это война.

– Вы читали «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы?

– Самая лучшая книга о войне, – с энтузиазмом заявил Бартлетт. – Лучше, чем Клаузевиц⁶³ или Лиддел-Харт,⁶⁴ хоть и написана в пятисотом году до нашей эры.

– Да? – Данросс откинулся на спинку кресла, обрадованный, что они ушли от темы убийства.

«Я столько лет не вспоминал об убитых, – подумал он. – Это несправедливо по отношению к тем людям, верно?»

– А вы знаете, что книга Сунь-цзы опубликована в тысяча семьсот восемьдесят втором году на французском? Насколько я понимаю, она была и у Наполеона.

– Она наверняка выходила и на русском, и у Мао всегда была с собой, вся зачитанная и истрепанная, – заметил Данросс.

– А вы читали ее?

– Ее в меня вдолбил отец. Приходилось читать по-китайски – написанный иероглифами оригинал. А потом задавать по ней вопросы, и очень серьезные.

В оконное стекло стала биться назойливая муха.

– Ваш отец хотел, чтобы вы стали солдатом?

– Нет. Как и Макиавелли, Сунь-цзы писал больше о жизни, чем о смерти, и больше о выживании, чем о войне...

Данросс посмотрел на окно, потом встал, подошел к нему и убил муху с такой рассчитанной жестокостью, что Бартлетт ощутил во всем теле сигналы тревоги. Иэн вернулся за стол.

– Мой отец считал, что я должен знать, как выжить и как руководить большими группами людей. Он хотел, чтобы я был достоин однажды стать тайбанем, хотя никогда не верил, что я многого добьюсь. – Он улыбнулся.

– Он тоже был тайбанем?

– Да. И очень хорошим. Поначалу.

– И что случилось?

Данросс язвительно усмехнулся:

– А не рановато ли для семейных тайн, мистер Бартлетт? Ну, если вкратце, между нами имело место довольно неприятное, затянувшееся расхождение во мнениях. В конце концов он передал власть Аластэру Струану, моему предшественнику.

– Ваш отец еще жив?

– Да.

– Надо ли понимать вашу британскую недосказанность так, что вы объявили ему войну?

– Сунь-цзы очень точно выразился насчет объявления войны, мистер Бартлетт. Очень плохо начинать войну, говорит он, если в этом нет необходимости. Цитирую: «Высшее мастерство военачальника в том, чтобы сломить сопротивление противника без боя».

⁶³ *Клаузевиц Карл* (1780–1831) – немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал.

⁶⁴ *Лиддел-Харт*, сэр Бэзил Генри (1895–1970) – известный британский авторитет в области стратегического планирования.

– И вы сломили его?

– Он удалился с поля боя, мистер Бартлетт, потому что был мудр.

Лицо Данросса посуровело. Бартлетт изумительно разглядывал его. Оба понимали, что подсознательно выстраивают боевые порядки.

– Я рад, что приехал в Гонконг, – промолвил американец. – И рад познакомиться с вами.

– Благодарю вас. Может быть, в один прекрасный день вы измените свое мнение.

Бартлетт пожал плечами:

– Может быть. А пока у нас затевается сделка – хорошая для вас и хорошая для нас. – Он на миг ухмыльнулся, вспомнив Горнта и кухонный нож. – Да. Я рад, что приехал в Гонконг.

– Не хотите ли вы с Кейси быть моими гостями сегодня вечером? Я устраиваю скромную вечеринку, прием, примерно в половине девятого.

– Официальный?

– Просто смокинг, это вас устроит?

– Вполне. Кейси говорила, что вам нравятся все эти церемонии – смокинги, черные галстуки. – Тут внимание Бартлетта привлекла висевшая на стене старинная картина маслом: красивая девушка-китаянка везет в лодке маленького мальчика-англичанина с собранными в косичку светлыми волосами. – Это работа кисти Квэнса? Аристотеля Квэнса?⁶⁵

– Да, Квэнса, – с нескрываемым удивлением подтвердил Данросс.

Бартлетт подошел поближе, чтобы рассмотреть картину.

– Оригинал?

– Да. Вы разбираетесь в искусстве?

– Нет, но Кейси рассказывала про Квэнса, когда мы сюда собирались. По ее словам, он почти фотограф, настоящий историк того раннего периода.

– Да, так оно и есть.

– Если я правильно помню, это, должно быть, портрет девушки по имени Мэй-мэй, Чжун Мэй-мэй, а мальчик – один из детей Дирка Струана от нее?

Данросс молчал и лишь наблюдал за спиной Бартлетта.

Тот подошел к полотну.

– Трудно разглядеть глаза. Значит, мальчик – это Гордон Чэнь, будущий сэр Гордон Чэнь? – Обернувшись, он посмотрел на Данросса.

– Точно не знаю, мистер Бартлетт. Это одна из легенд.

Какое-то мгновение Бартлетт пристально смотрел на него. Мужчины стояли один другого: Данросс чуть выше, зато Бартлетт пошире в плечах. У обоих голубые – у Данросса чуть зеленее, – широко поставленные глаза и лица людей, много повидавших.

– Вам нравится быть тайбаном Благородного Дома?

– Да.

– Не знаю, в чем на деле заключается власть тайбаня, но в «Пар-Кон» я могу нанять на работу и уволить любого и закрыть компанию, если захочу.

– Значит, вы – тайбань.

– Тогда мне тоже нравится быть тайбанем. Мне нужен выход на Азию, а вам нужен выход на Штаты. Вместе мы могли бы превратить весь Тихоокеанский пояс в одну большую хозяйственную сумку для каждого из нас.

«Или в саван для одного из нас», – подумал Данросс, которому нравился Бартлетт, хотя он и знал, что симпатизировать американцу – дело опасное.

– У меня есть то, чего нет у вас, а у вас есть то, чего не хватает мне.

⁶⁵ Прототип Аристотеля Квэнса – английский художник Джордж Чиннери (1774–1852) – всю жизнь провел в Азии, в Индии и на юге Китая. Его кисти принадлежат портреты Уильяма Джардина и Джеймса Мэтисона, основателей знаменитой гонконгской компании «Джардин-Мэтисон», послужившей прообразом Благородного Дома.

– Да, – согласился Данросс. – А сейчас нам обоим не хватает одного – ланча.

Они направились к двери. Бартлетт оказался у нее первым. Он открыл ее не сразу.

– Я знаю, что у вас это не принято, но, раз уж я собираюсь с вами в Тайбэй, может, вы будете называть меня Линк, а я вас – Иэн и, может, прикинем наши ставки на матч в гольф? Уверен, что вы знаете: мой гандикап – официально – тринадцать, ваш, насколько мне известно, – десять, официально, а это значит, что на всякий случай снимаем по крайней мере по одному удару с каждого.⁶⁶

– А что, давайте, – тут же согласился Данросс. – Но здесь мы обычно спорим не на деньги, а просто на шары.

– Черта с два, играя в гольф, я буду спорить на свои «шары».

Данросс рассмеялся:

– Может, однажды и придется. Мы здесь обычно спорим на полдюжины шаров для гольфа, что-нибудь в этом духе.

– Британцы считают, что спорить на деньги плохо, Иэн?

– Нет. Как насчет пятисот с каждой стороны, а команда победителя получает все?

– Американских долларов или гонконгских?

– Гонконгских. Среди друзей должны быть гонконгские. Для начала.

* * *

Ланч подавали в столовой совета директоров на девятнадцатом этаже. Это был угловой зал в форме буквы «Г» с высоким потолком и синими портьерами, пестрыми голубыми китайскими коврами и широкими окнами, из которых был виден Коулун, взлетающие и садящиеся в аэропорту Кай-Так самолеты и открывался вид на запад – до островов Стоункаттерз и Циньи, и дальше, на часть Новых Территорий. На величественном старинном дубовом столе, за которым могли разместиться двадцать человек, были разложены подставки для приборов и изящное столовое серебро, расставлен лучший уотерфордский хрусталь.⁶⁷ Шестерых присутствующих обслуживали четверо молчаливых, вышколенных официантов в черных брюках и белых тужурках с вышитым гербом «Струанз».

Когда Бартлетт с Данроссом вошли, уже были поданы коктейли. Кейси, как и все остальные, пила сухой мартини с водкой. У одного Гэваллана был двойной розовый джин. Бартлетту, хотя он не успел ничего заказать, сразу подали хорошо охлажденную банку пива «анвайзер» на серебряном подносе эпохи короля Георга.

– Кто вам сказал? – восхитился Бартлетт.

– От «Струана и компании», – объявил Данросс. – Мы знаем о ваших предпочтениях. – Он представил гостя Гэваллану, де Виллю и Линбару Струану, принял бокал шабли со льдом и улыбнулся Кейси. – Как дела?

– Прекрасно, спасибо.

– Прошу прощения, – обратился Бартлетт ко всем остальным, – но мне нужно кое-что передать Кейси, пока не забыл. Кейси, позвони, пожалуйста, завтра Джонстону в Вашингтон и выясни, с кем нам лучше всего поддерживать контакт в здешнем консульстве.

– Хорошо, конечно. Если не удастся связаться с ним, я попрошу Тима Диллера.

⁶⁶ *Гандикап* – в гольфе возможности игрока в количественном выражении. Используется для подсчета на основе числа действительно выполненных ударов так называемого чистого счета, что позволяет мастерам и начинающим гольфистам играть на равных.

⁶⁷ *Уотерфордский хрусталь* – массивная стеклянная посуда, которую изготавливают с 1720 г. до наших дней в Уотерфорде, Ирландия. Отличается толстыми стенками, глубокой насечкой геометрических фигур и великолепной полировкой.

Любое упоминание имени Джонстон значило «как продвигается сделка?». Ответ «Диллер» означал «хорошо», «Тим Диллер» – «очень хорошо», «Джонс» – «плохо», «Джордж Джонс» – «очень плохо».

– Прекрасно, – улыбнулся ей в ответ Бартлетт, а потом повернулся к Данроссу. – Красивый зал.

– Он соответствует.

Кейси усмехнулась, поняв подтекст.

– Встреча прошла очень хорошо, мистер Данросс. В результате выработано предложение для вашего рассмотрения.

«Как это по-американски – взять и вылезти со всем этим. Ну никакого такта! Неужели она не знает, что о делах говорят после ланча, а не до него?»

– Да. Эндрю рассказал мне в общих чертах, – ответил Данросс. – Не хотите ли еще выпить?

– Нет, спасибо. Думаю, что в этом предложении затронуты все вопросы, сэр. Нужно ли еще что-нибудь пояснить для вас?

– Думаю, конечно, будет нужно, со временем. – В душе Данросс, как и всегда, умилился этому «сэр». Это слово употребляют в разговоре многие американки, и зачастую не к месту, обращаясь к официантам. – Мы вернемся к вашему предложению, как только я его изучу. Пиво для мистера Бартлетта, – добавил он, еще раз пытаясь отложить разговор о бизнесе на потом. Затем обратился к Жаку: – Ça va?⁶⁸

– Oui, merci. A rien. Пока ничего.

– Не переживай, – сказал Данросс. Вчера любимая дочка Жака с мужем попали в ужасную автомобильную аварию. Это случилось во Франции, где они проводили отпуск, и Жак еще точно не знал, что произошло на самом деле. – Не переживай.

– А я и не переживаю. – Снова это галльское пожимание плечами, скрывающее всю безбрежность тревоги.

Жак приходился Данроссу двоюродным братом и работал в «Струанз» с сорок пятого года. На войне ему пришлось несладко. В сороковом он отослал жену с двумя маленькими детьми в Англию, а сам оставался во Франции. До окончания войны. Вступил в отряд партизанов-маки, потом была тюрьма, смертный приговор, побег и снова партизанский отряд. Недавно ему исполнилось пятьдесят четыре. Сильный кареглазый мужчина с мощной грудью и грубыми руками, покрытый множеством шрамов, он был всегда спокоен, но мог разозлиться, если его выводили из себя.

– Вас устраивает эта сделка в принципе? – продолжала Кейси.

Данросс вздохнул про себя и полностью сосредоточился на ней.

– Возможно, у меня будет контрпредложение по некоторым незначительным пунктам. В то же время, – решительно добавил он, – вы можете исходить из того, что в целом она приемлема.

– О, прекрасно, – сказала довольная Кейси.

– Здорово. – Бартлетту тоже было приятно это услышать, и он поднял свою банку с пивом. – За успешное заключение сделки и большие прибыли – для вас и для нас.

Они выпили. Остальные, заметив в поведении Данросса признаки надвигающейся грозы, размышляли, в чем могут заключаться контрпредложения тайбаня.

– Много времени потребуется, чтобы нам завершить все это, Иэн? – спросил Бартлетт, и все услышали это *Иэн*. Линбар Струан даже неприкрыто вздрогнул.

К их изумлению, Данросс лишь ответил:

⁶⁸ Ну как? (*фр.*)

– Нет, – словно подобная фамильярность была в порядке вещей, и добавил: – Не думаю, что адвокаты накопят что-либо непреодолимое.

– Мы встречаемся с ними завтра в одиннадцать, – вставила Кейси, – мистер де Вилль, Джон Чэнь и я. Мы уже получили от них предварительное исследование... там все в порядке.

– Доусон – хороший специалист, особенно по налоговому законодательству США.

– Кейси, может, нам следует вызвать нашего налогового из Нью-Йорка? – предложил Бартлетт.

– Конечно, Линк, как только мы будем готовы. И Форрестера. – Она повернулась к Данроссу. – Это глава нашего подразделения по пенопласту.

– Хорошо. На этом мы закончим говорить о делах до ланча, – сказал Данросс. – Правила дома, мисс Кейси: никаких дел за едой, это очень вредно для пищеварения. – Он подозвал Лима. – Мы не будем ждать мастера Джона.

Мгновенно ниоткуда материализовались официанты. Они выдвигали кресла для присутствующих, расставляли отпечатанные карточки с именами, обозначавшие место каждого, на серебряных подставках и разливали суп.

В меню был суп, рыба или ростбиф и йоркширский пудинг, на выбор, из гарнира – отварная фасоль, отварной картофель и морковь. К супу предлагалось шерри, к рыбе – шабли, к ростбифу – кларет. На десерт – бисквиты с шерри и взбитыми сливками. Портвейн и сыры.

– Вы надолго приехали, мистер Бартлетт? – спросил Гэваллан.

– На сколько потребуется. Однако, мистер Гэваллан, мы, похоже, собираемся надолго установить деловые связи, поэтому, может быть, вы оставите эти «мистер Бартлетт» и «мисс Кейси» и будете называть нас Линк и Кейси?

Гэваллан не сводил глаз с Бартлетта. Ему хотелось сказать: «Видите ли, мистер Бартлетт, мы здесь предпочитаем не торопиться с такими вещами: это один из немногих способов отличать друзей от знакомых. Для нас имена – дело приватное. Но раз тайбань не стал возражать против вашего „Иэн“ – ужас как странно звучит, – ничего поделать не могу».

– Почему бы и нет, мистер Бартлетт? – вежливо ответил он. – Не вижу необходимости настаивать на церемониях. Верно?

Жак де Вилль, Струан и Данросс хмыкнули про себя при этом «мистер Бартлетт», отметив, как искусно, используя то, что ему пришлось принять против воли, Гэваллан поставил американцев на место и вынудил их потерять лицо, чего ни тому ни другому никогда не понять.

– Спасибо, Эндрю, – поблагодарил Бартлетт. Потом добавил: – Иэн, позвольте мне нарушить правило и задать еще один вопрос до начала ланча: вы сможете закончить к следующему вторнику?

Токи в зале тут же потекли в обратном направлении. Лим и остальные слуги замерли. Все взгляды обратились на Данросса. Бартлетт подумал, что зашел слишком далеко, а Кейси была в этом просто уверена. Она наблюдала за Данроссом. На его лице не дрогнул ни один мускул, но выражение глаз изменилось. Все в зале понимали, что самому Тайбаню бросили вызов. Или давай действуй, или нечего и рот раскрывать. К следующему вторнику.

Все ждали. Молчание, казалось, повисло в воздухе. И продолжало висеть.

И тут Данросс нарушил его.

– Я дам вам знать завтра, – проговорил он спокойным голосом, так что роковой момент миновал, сотрапезники перевели дух, а официанты продолжили свою работу, и все ощутили облегчение. Кроме Линбара.

Он по-прежнему чувствовал выступивший на руках пот, потому что один знал про то, что связывало всех потомков Дирка Струана, – внезапный и странный, почти первобытный, позыв к насилию. И он видел: этот позыв чуть не выплеснулся наружу, почти выплеснулся,

но не совсем. На сей раз он прошел. Но понимание того, что он есть и в любой миг заявит о себе, ужаснуло Линбара.

Сам он вел происхождение от Робба Струана, сводного брата и партнера Дирка Струана, поэтому в его жилах не было крови Дирка. Линбар горько сожалел об этом и еще больше ненавидел Данросса за то, что ему, Линбару, тошно становилось от зависти.

«„Каргу“ Струан на тебя, Иэн чертов Данросс, и на все твои поколения», – подумал он и невольно содрогнулся при мысли о ней.

– Что случилось, Линбар? – спросил Данросс.

– О, ничего, тайбань. – Он чуть не подпрыгнул на стуле. – Ничего – просто вдруг кое-что пришло в голову. Извините.

– Что пришло в голову?

– Я подумал о «Карге» Струан.

Ложка в руке Данросса замерла в воздухе, и все остальные уставились на него.

– Это не совсем полезно для твоего пищеварения.

– Конечно нет, сэр.

Бартлетт посмотрел на Линбара, потом на Данросса:

– Кто это – «Карга» Струан?

– Семейная тайна, – сухо усмехнулся Данросс. – В нашей семье много тайн.

– А у кого их нет? – сказала Кейси.

– «Карга» Струан – наш фамильный призрак. Была им и остается.

– Сейчас уж точно нет, тайбань, – возразил Гэваллан. – Ее уже почти пятьдесят лет как нет в живых.

– Может, она и вымрет с нами, с Линбаром, Кэти и мной, с нашим поколением, но я не очень-то в это верю. – Данросс как-то странно посмотрел на Линбара. – Не встанет ли «Карга» Струан сегодня ночью из своего гроба и не сожрет ли нас?

– Ей-богу, не стану даже шутить про нее, тайбань.

– Будь проклята «Карга» Струан, – отрезал Данросс. – Будь она жива, я сказал бы ей это в лицо.

– Да, ты сказал бы. Конечно, – хохотнул Гэваллан. – Хотел бы я на это посмотреть.

– И я тоже, – усмехнулся Данросс, но потом заметил недоумение на лице Кейси. – А-а, это только бравада, Кейси. «Карга» Струан – исчадие ада, если верить легендам хотя бы наполовину. Она была женой Кулума Струана, сына Дирка Струана, основателя нашей компании. В девичестве Тесс, Тесс Брок, она приходилась дочерью Тайлеру Броку, заклятому врагу Дирка. Рассказывают, что Кулум и Тесс тайно сошлись в тысяча восемьсот сорок первом году. Она – шестнадцатилетняя красавица, он – наследник Благородного Дома. Почти Ромео и Джульетта – с той разницей, что они остались в живых. Но это ничего не изменило в кровавой расправе Дирка и Тайлера или в противостоянии семейств Струан и Брок, а лишь усилило и усложнило его. Родилась она в тысяча восемьсот двадцать пятом году как Тесс Брок, а умерла в тысяча девятьсот семнадцатом как «Карга» Струан. Девяностодвухлетняя, беззубая, безволосая, злобная и ужасная до последнего дня. Странная штука жизнь, *хейя*?

– Да. Иногда в это трудно поверить, – задумчиво произнесла Кейси. – Почему люди в старости столь разительно меняются – становятся такими отвратительными и злыми? Особенно женщины?

«Из-за моды, – мог бы сразу ответить на это Данросс, – и потому еще, что мужчины и женщины стареют по-разному. Несправедливо? Да, но это неоспоримый факт. Женщина замечает, что на коже появляются складки, кожа обвисает, лишается упругой свежести, а ее мужчина по-прежнему глядит молодцом, и ему еще строят глазки. Она видит молодых куколок и приходит в ужас от мысли, что они уведут ее мужчину, а в конце концов так и случа-

ется, потому что ему надоедает вечное брюзжание и подпитываемая ею самой агония самобичевания, и, конечно, из-за присущего ему бессознательного стремления к молодым...»

«*Айийя*, ни один афродизиак в мире не сравнится с молодостью, – говаривал старый Чэнь-чэнь, отец Филлипа Чэня и наставник Иэна. – Ни один, юный Иэн, ни один. Нет такого, нет, нет и нет. Послушай меня. Началу *ян* нужны соки *инь*, но молодые соки, о да, они должны быть молодыми, соки, которые продлят твою жизнь и напоят *ян* – о-хо-хо! Запомни, чем старше твой „мужской стебель“, тем больше ему нужна молодость, перемена и молодой пыл, чтобы его жизненная сила была через край. Чем чаще „мужской стебель“ пускают в дело, тем больше он приносит радости! Но не забывай одного: как бы ни была бесподобна эта услада, восхитительная, неземная, ох какая сладкая и ох какое удовольствие приносящая „прелестная шкатулка“, что гнездится у них между ног, берегись ее! Ха! Она – западня, засада, камера пыток и гроб твой! – Старик хихикал, и его живот прыгал вверх и вниз, и слезы текли у него по лицу. – О, боги восхитительны, верно? Они даруют нам рай на земле, но ты познаешь настоящий ад при жизни, когда твой „одноглазый монах“ не сможет поднять голову, чтобы войти в рай. Судьба, дитя мое! Это нам суждено – страстно желать „ненасытную ложбинку“, пока она не пожрет тебя, но ох, ох, ох...»

«Должно быть, она тяжела для женщин, особенно для американок, – думал Данросс, – эта травма старения, неизбежность того, что оно наступит так рано, слишком рано. И в Америке это хуже, чем где-либо еще.

Зачем мне изрекать истину, которой вы уже, наверное, прониклись до мозга костей? Зачем говорить, что американская мода заставляет вас гнаться за вечной молодостью, которую не может дать ни Бог, ни дьявол, ни хирург? Вы не можете быть двадцатипятилетней в тридцать пять, или выглядеть на тридцать пять, когда вам за сорок, или на сорок пять, когда перевалите за пятьдесят. Простите, я знаю, что это несправедливо, но это факт.

Айийя, – с жаром думал он, – слава Богу, если Он есть, слава всем богам, великим и малым, что я мужчина, а не женщина. Мне жалко вас, американская леди с такими красивыми именами».

И Данросс ответил просто:

– Полагаю, потому, что жизнь прожить – не поле перейти, а нас пичкают разными глупостями, вот мы и носимся с фальшивыми ценностями – в отличие от китайцев, которые мыслят здраво. Господи, как невероятно здраво они мыслят! Что касается «Карги» Струан, наверное, всему виной была ее дрянная брокерская кровь. Думаю, это был ее джосс – ее судьба, ее удача или неудача. У них с Кулумом родилось семеро детей – четыре сына и три дочери. Все сыновья погибли раньше срока. Двое – от «поноса», наверное от чумы, здесь, в Гонконге, одного зарезали в Шанхае, а последний утонул в графстве Эршир, в Шотландии, где расположены поместья нашей семьи. От одного этого свихнется любая мать, а ведь еще были ненависть и зависть, всю жизнь окружавшие ее и Кулума. А если прибавить сюда все трудности жизни в Азии, передачу Благородного Дома чужим сыновьям... в общем, вы понимаете. – Данросс задумался, а потом добавил: – Согласно легенде, она вертела Кулумом Струаном всю его жизнь и до самой смерти тиранила Благородный Дом – всех тайбаней, всех невесток, всех зятьев и всех детей. И даже после смерти. Помню, как нянька-англичанка – чтоб ей вечно гореть в аду – говорила мне: «Вы лучше ведите себя хорошо, мастер Иэн, а не то я призову „Каргу“ Струан и она слопает вас...» Мне тогда было лет пять-шесть, не больше.

– Какой ужас, – вздохнула Кейси.

Данросс пожал плечами:

– Все няньки так поступают с детьми.

– Слава богу, не все, – поправил Гэваллан.

– У меня никогда не было приличной няньки. Или плохой *ганьсунь*.

– А что такое *ганьсунь*? – спросила Кейси.

– Это значит «близкий к телу». Таково более точное название служанок, которых мы именуем *ама*. Как в Китае до сорок девятого года, в богатых семьях, так и здесь, в большинстве европейских и евразийских семей, у детей всегда были свои «близкие к телу», которые заботились о них и в большинстве случаев оставались с ними всю жизнь. Большинство *ганьсунь* дают обет безбрачия. Их можно легко узнать по длинной косичке. Мою *ганьсунь* зовут А Тат. Она чудесная старушка и до сих пор живет с нами, – пояснил Данросс.

– Моя была мне роднее матери, – подхватил Гэваллан.

– Значит, «Карга» Струан – ваша прабабушка? – спросила Кейси у Линбара.

– Господи избави, нет! Нет, я... я веду свой род не от Дирка Струана, – ответил Линбар, и Кейси заметила, как на лбу у него выступил пот. Странно... – Моя линия происходит от его сводного брата, Робба Струана. Робб Струан был партнером Дирка. Тайбань – прямой потомок Дирка, но даже при этом... никто из нас не ведет своей родословной от Карги.

– Вы все родственники? – удивилась Кейси, чувствуя какое-то необычное напряжение в зале. Линбар явно не знал, что сказать, и, хотя она обращалась к нему, смотрел на Данросса.

– Да, – отозвался тот. – Эндрю женат на моей сестре Кэти. Жак – двоюродный брат, а Линбар... У Линбара наша фамилия. – Данросс усмехнулся. – В Гонконге многие до сих пор помнят Каргу, Кейси. Она всегда носила длинное черное платье с большим турнюром и смешную шляпу с огромным, побитым молью пером. Все абсолютно вышедшее из моды. А еще у нее была черная палка с серебряным набалдашником. Обычно Каргу носили по улицам в чем-то вроде паланкина четверо носильщиков. Росту в ней было не больше пяти футов, но она была круглая и крепкая, как ступня носильщика-кули. Жуткий ужас она наводила и на китайцев. Они дали ей прозвище Почтенная Старая Мать – Заморская Дьяволица с Дурным Глазом и Зубами Дракона.

– Это точно, – хохотнул Гэваллан. – С ней были знакомы мой отец и бабка. Они владели торговыми компаниями здесь и в Шанхае, Кейси, но во время Великой войны⁶⁹ почти обанкротились и в девятнадцатом году присоединились к «Струанз». Мой старик рассказывал, как еще мальчишкой часто ходил с приятелями за Каргой по улицам. Когда ее особенно донимали, она вынимала вставную челюсть и клацала ею на них. – Он изобразил, как Карга это делала, и все рассмеялись. – Старик божился, что эта челюсть была в два фута высотой, на какой-то пружине и издавала вот такой звук: клац, клац, клац!

– Да, Эндрю, я об этом и забыл, – ухмыльнулся Линбар. – Моя *ганьсунь*, старая А Фу, хорошо знала «Каргу» Струан, и всякий раз, когда поминали ее имя, А Фу закатывала глаза и молила богов защитить нас от злого глаза и волшебных зубов. Мы с братом Кайлом... – Он остановился, а потом продолжил уже другим голосом: – Мы еще подшучивали над А Фу по этому поводу.

– Наверху в Большом Доме есть ее портрет, вернее, два, – сказал Данросс, обращаясь к Кейси. – Если вам интересно, когда-нибудь покажу.

– О, спасибо, с удовольствием. А портрет Дирка Струана есть?

– Даже несколько. И один портрет Робба, его сводного брата.

– Очень хотелось бы взглянуть на них.

– Мне тоже, – поддержал Бартлетт. – Черт возьми, никогда не видел фотографий деда с бабкой, не то что портрета прапрадеда. Мне всегда хотелось узнать, какие они были, мои предки, и откуда родом. Знаю лишь, что дед якобы управлял компанией по перевозке грузов в местечке под названием Джеррико. Должно быть, здорово знать, откуда ты. Вам повезло. – Он не принимал участия в разговоре, а вслушивался в завораживавшие его недосказанности, ища то, что позволило бы за отпущенное на это время принять решение – Данросс или Горнт.

⁶⁹ Имеется в виду Первая мировая война.

«Если это будет Данросс, – говорил он себе, – то Эндрю Гэваллан – враг, и ему придется уйти. Молодой Струан ненавидит Данросса, француз – загадка, а сам Данросс взрывчат, как нитроглицерин, и не менее опасен». – По вашим рассказам, «Карга» Струан – просто фантастическая фигура, – сказал он. – Да и Дирк Струан, видимо, был личностью довольно своеобразной.

– Вот вам шедевр умолчания! – провозгласил Жак де Вилль, и глаза его засверкали. – Да это был величайший пират во всей Азии! Подождите, вот посмотрите на портрет Дирка и увидите фамильное сходство! Наш тайбань – его копия, вылитый Дирк, и, *ma foi*,⁷⁰ унаследовал все его худшие черты.

– Шел бы ты, Жак, – добродушно парировал Данросс. И повернулся к Кейси. – Это не так. Жак всегда меня поддразнивает. Я на Дирка совсем не похож.

– Но вы же ведете свою линию от него.

– Да. Моя прапрабабушка Унифред была единственной законной дочерью Дирка. Она вышла замуж за Лечи Струана Данросса, из нашего клана. У них был один сын, мой прадед. Насколько нам известно, наша семья – Данроссы – единственные прямые потомки Дирка Струана.

– Вы... вы сказали «законная»?

Данросс улыбнулся:

– У Дирка имелись другие сыновья и дочери. Один из сыновей, Гордон Чэнь, был от дамы, которую на самом деле звали Шэнь, – о ней вы знаете. Сегодня это линия Чэнь. Есть также линия Чжун – от Дункана Чжуна и Кейт Чжун, его сына и дочери от знаменитой Чжун Мэй-мэй. Во всяком случае, так гласит легенда, и эти легенды здесь принимаются на веру, хотя никто не может подтвердить их или опровергнуть. – Данросс на миг замолчал, и вокруг его глаз обозначилась сеточка морщинок, подчеркивавших улыбку. – В Гонконге и Шанхае наши предки вели себя... э-э... дружелюбно, а китайские дамы красивы, как были, так и есть. Но женились они на своих дамах редко, а противозачаточные пилюли изобрели недавно, так что не всегда и знаешь, кому ты, может быть, приходишься родственником. Мы... э-э... мы не обсуждаем вещи такого рода прилюдно. В лучших британских традициях делаем вид, что этого не существует, хотя все знаем, что верно обратное, и никто не теряет достоинства. Евразийские семьи в Гонконге обычно принимали фамилии матерей, а в Шанхае – отцов. Похоже, все мы сжились с этой проблемой.

– У нас все это по-свойски, – пояснил Гэваллан.

– Иногда, – добавил Данросс.

– Значит, Джон Чэнь – ваш родственник? – спросила Кейси.

– Если идти от садов Эдема, то, думаю, мы все родственники. – Данросс смотрел на пустующее место за столом.

«Не похоже это на Джона – пускаться в бега, – с тревогой думал он, – и не тот Джон человек, чтобы оказаться замешанным в контрабанде оружия, какая бы причина за этим ни стояла. Или быть таким глупцом, чтобы попасться. Цу-янь? Ну, этот – шанхаец и мог легко запаниковать – если рыльце в пуху. Джона слишком хорошо знают, чтобы его не заметили при посадке в самолет сегодня утром, так что это отпадает. Должно быть, на лодке – если он сбежал. Но куда на лодке? В Макао – нет, это тупик. На корабле? Как нечего делать, если заранее запланировать или даже не планировать, а договориться за час до отплытия. Круглый год от тридцати до сорока рейсов отправляется ежедневно по расписанию во все части света, большие суда и маленькие, не считая тысяч джонок, которые не подчиняются никаким расписаниям, и даже если ты в бегах, несколько долларов туда-сюда – и вывезут без вопросов, вывезут или ввезут. Мужчин, женщин, детей. Наркотики. Все, что угодно. Однако вво-

⁷⁰ Честное слово (*фр.*).

зять что-то контрабандой нет смысла, кроме людей, наркотиков, оружия, спиртного, сигарет и бензина, – остальное не облагается пошлиной и ввозится без ограничений.

Кроме золота».

Данросс улыбнулся про себя. Ввозишь золото легально по лицензии – тридцать пять долларов за унцию – для транзита в Макао, а что происходит потом, никого не касается, но невероятно выгодно. «Да, – размышлял он, – а совет директоров нашей компании „Нельсон трейдинг“ собирается сегодня днем. Прекрасно. Это предприятие, которое стабильно всегда».

Накладывая на тарелку рыбу с предложенного серебряного подноса, он почувствовал на себе пристальный взгляд Кейси.

– Да, Кейси?

– О, я просто подумала – откуда вы знаете полностью мои имена? – Она повернулась к Бартлетту. – Тайбань удивил меня, Линк. Нас еще не представили, а он уже назвал меня Камалян Сирануш, с такой же легкостью, словно произнес «Мэри Джейн».

– Это персидское имя? – заинтересовался Гэваллан.

– Изначально – армянское.

– Камааля-ан Сиррраннуушш, – пропел Жак, которому понравились шипящие и свистящие. – *Très jolie, mademoiselle. Ils ne sont pas difficiles sauf pour les cretins.*⁷¹

– Ou⁷² les англичан, – добавил Данросс, и все рассмеялись.

– Как вы узнали, тайбань? – спросила Кейси. Называть его «тайбань» было как-то удобнее, чем «Иэн». «„Иэн“ не к месту, пока еще», – думала она под впечатлением от его прошлого, «Карги» Струан и теней, которые, казалось, окружают Данросса.

– Я спросил у вашего адвоката.

– Что вы имеете в виду?

– Джон Чэнь позвонил мне вчера около полуночи. Ему вы не сказали, как расшифровываются ваши инициалы, а мне хотелось узнать. Было слишком рано звонить в ваш офис в Лос-Анджелесе – там в это время наступило лишь восемь утра, поэтому я позвонил вашему адвокату в Нью-Йорк. Мой отец говаривал: сомневаешься – спроси.

– Вы дозвонились до Сеймура Стайглера Третьего в субботу? – переспросил изумленный Бартлетт.

– Да. К нему домой в Уайт-Плейнз.

– Но в телефонной книге нет его домашнего номера.

– Знаю. Я позвонил приятелю-китайцу в ООН. Он по моей просьбе нашел этот номер. Я сказал мистеру Стайглеру, что хочу выяснить полное имя, потому что его нужно указывать в приглашениях, и это, конечно, чистая правда. Нужно ведь быть аккуратным, верно?

– Да, – согласилась Кейси, в полном восторге от него. – Да, нужно.

– Ты знал, что Кейси... что Кейси – женщина? Вчера вечером? – спросил Гэваллан.

– Да. Вообще говоря, мне это стало известно еще несколько месяцев тому назад, хотя я и не знал, как расшифровываются инициалы Кей Си. А что?

– Ничего, тайбань. Кейси, вы сказали про Армению. Ваша семья эмигрировала в Штаты после войны?

– После Первой мировой войны, в восемнадцатом году, – уточнила Кейси, начиная историю, которую приходилось рассказывать не раз. – Изначально наша фамилия звучала как Чолокян. Когда дедушка с бабушкой приехали в Нью-Йорк, они отбросили «ян» для простоты, чтобы американцам было легче ее произносить. Но меня все же назвали Камалян Сирануш. Как вы знаете, Армения расположена на юге Кавказа – чуть севернее Ирана и

⁷¹ Очень красиво, мадемуазель. И не трудно, если только для кретинов (*фр.*).

⁷² Или (*фр.*).

Турции и южнее русской Грузии. Раньше это было свободное суверенное государство, но сейчас территория страны поделена между советской Россией и Турцией. Моя бабушка – грузинка: в прежние времена было много смешанных браков. Мой народ – около двух миллионов человек – жил во всех уголках Оттоманской империи, но массовые убийства, особенно в пятнадцатом и шестнадцатом годах нашего века... – Кейси содрогнулась. – Это был просто геноцид. Нас осталось меньше полумиллиона, и теперь мы разбросаны по всему миру. Армяне были торговцами, художниками, ювелирами, писателями и воинами. В одной турецкой армии насчитывалось почти пятьдесят тысяч армян. Потом, во время Первой мировой войны, турки разоружили их, изгнали из армии и расстреляли – генералов, офицеров, солдат. Они составляли элитное меньшинство, и так продолжалось веками.

– Именно поэтому турки ненавидели их? – спросил де Вилль.

– Они были работающим народом, держались особняком, несомненно, прекрасные коммерсанты и предприниматели – контролировали немалую часть бизнеса и торговли. Дед говорил, что торговать у нас в крови. Однако главная причина, видимо, в том, что армяне исповедуют христианство. Это было первое христианское государство в истории, еще при римлянах, а турки, как вы сами понимаете, мусульмане. В шестнадцатом веке турки завоевали Армению, и на границе всегда шла война между христианской царской Россией и турками, воинами ислама. До семнадцатого года царская Россия оставалась настоящим нашим защитником... Оттоманские турки – странный народ, очень жестокий, очень странный.

– Ваша семья уехала до всей этой напасти?

– Нет. Дедушка с бабушкой были люди довольно богатые и, как многие другие, считали, что с ними ничего не случится. Им удалось бежать как раз перед приходом солдат. Они ушли через заднюю дверь с двумя сыновьями и дочерью, взяв с собой лишь то, что могли унести, и вырвались на свободу. Остальным членам семьи это не удалось. Дед сумел подкупить хозяина рыбацкой лодки, и тот тайком вывез его с бабушкой из Стамбула на Кипр, где они каким-то образом получили визы в Штаты. У них было немного денег, немного драгоценностей – и немало таланта. Бабушка до сих пор жива... и до сих пор может поторговаться с лучшими из них.

– Ваш дед был торговцем? – переспросил Данросс. – Именно поэтому вы решили заняться бизнесом?

– Как только мы стали что-то соображать, в нас, конечно, вбили, что мы должны сами зарабатывать себе на жизнь. Дед открыл в Провиденсе компанию по изготовлению оптических приборов, линз и микроскопов, а также компанию по импорту и экспорту, в основном ковров и парфюмерии, немного приторговывая на стороне золотом и драгоценными камнями. Отец создавал образцы ювелирных изделий и сам изготавливал их. Его уже нет в живых, но у него был собственный магазинчик в Провиденсе, а его брат, мой дядя Бгос, работал с дедом. Теперь, когда дед умер, компанией по импорту и экспорту управляет мой дядя. Это небольшой, но стабильный бизнес. Мы с сестрой выросли в среде, где торговались, продавали, подсчитывали прибыли и убытки. Это была одна большая игра, и мы участвовали в ней на равных.

– Где... о, еще трюфелей, Кейси?

– Нет, спасибо, я сыта.

– Где вы научились бизнесу?

– Думаю, я училась всюду. После колледжа окончила двухгодичные курсы по делопроизводству у Кэтрин Гиббс в Провиденсе: стенография, машинопись, основы бухгалтерского учета, делопроизводство плюс кое-какие основы бизнеса. А в компаниях деда я работала с тех пор, как научилась считать, – вечерами, и в выходные, и в праздники. Меня учили думать и планировать, претворять планы в жизнь, так что большую часть своих знаний я получила на практике. Конечно, после окончания школы я продолжала заниматься на специальных

курсах – там, где мне хотелось. В основном вечерами. – Кейси усмехнулась. – В прошлом году даже поступила на курсы при Гарвардской школе бизнеса. Для некоторых преподавателей это было как взрыв водородной бомбы, хотя сегодня женщинам становится чуть легче.

– Как вам удалось стать исполнительным директором «Пар-Кон индастриз»? – спросил Данросс.

– В силу проницательности, – пошутила она, и они вместе рассмеялись.

– В работе Кейси – сущий дьявол, Иэн, – пояснил Бартлетт. – Читает с такой скоростью, что просто не верится, поэтому может охватить гораздо более широкую тематику, чем два обычных исполнителя. Великолепно чувствует опасность, не боится принимать решения, больше заключает сделок, чем срывает, и ее не так-то просто вогнать в краску.

– Это мое самое замечательное качество, – сказала Кейси. – Спасибо, Линк.

– Но ведь, наверное, бывает очень нелегко, Кейси? Разве вам не приходится ужасно многим поступаться как женщине, чтобы все успеть? Должно быть, не так просто выполнять мужскую работу? – осведомился Гэваллан.

– Я не считаю свою работу мужской, Эндрю, – тут же отреагировала она. – Женщины настолько же умны и работоспособны, как и мужчины.

Линбар и Гэваллан сразу стали беззлобно подшучивать, но Данросс их остановил:

– Думаю, этот вопрос мы пока отставим. И все же, Кейси, как вы попали на вашу теперешнюю должность в «Пар-Кон»?

«Рассказать, как все было на самом деле, Иэн, похожий на Дирка Струана, величайшего пирата в Азии, или поведать то, что уже стало легендой?»

Однако первым заговорил Бартлетт, и она поняла, что может спокойно слушать. Его версию она слышала сотню раз: отчасти это была правда, отчасти нет, желаемое выдавалось за действительное. «Сколько правды в *ваших* легендах – о „Карге“ Струан и Дирке Струане? Что вы такое на самом деле? И как стали тайбанем?» Она с удовольствием потягивала в меру сладкий портвейн и предавалась размышлениям.

«Что-то здесь не так, – не отпускала настойчивая мысль. – Я отчетливо это чувствую. Что-то не так с Данроссом. Но что?»

– Я познакомился с Кейси в Лос-Анджелесе, в Калифорнии, лет семь назад, – начал Бартлетт. – Получил письмо от президента компании «Хед-Оптикалз» в Провиденсе, некоей Кейси Чолок, которая хотела поговорить о слиянии. В то время я занимался строительством по всему Лос-Анджелесу: жилье, супермаркеты, пара крупных зданий под офисы, производственные площади, торговые центры – в общем, говори, что надо, и я построю. Наш оборот составлял три миллиона двести тысяч, и я только что выставил акции на продажу. Но мне еще было ох как далеко до «Большого табло». Я...

– Вы имеете в виду Нью-Йоркскую фондовую биржу?⁷³

– Да. Так вот, появляется сияющая, как новый пятак, Кейси и говорит, что хочет, чтобы я объединился с компанией «Хед-Оптикалз», валовая прибыль которой, по ее словам, составила в прошлом году двести семьдесят семь тысяч шестьсот долларов, а потом вместе с ней поглотил компанию «Рэндолф оптикалз», этакого ветерана отрасли: объем продаж в пятьдесят три миллиона, котировки на «Большом табло», громадный сектор рынка линз, солидный счет в банке. И я сказал: «Вы с ума сошли, но почему именно „Рэндолф“?» – «Во-первых, – заявила она, – потому что я акционер компании „Бартлетт констракшнз“, – она приобрела десять акций по одному доллару: мой капитал составлял миллион акций, а пятьсот тысяч было продано по номиналу, – и считаю, что для „Бартлетт констракшнз“ было бы классно

⁷³ Этим прозвищем Нью-Йоркская фондовая биржа обязана не только размерам электронного табло, где отображаются котировки ценных бумаг, но и тем, что на ней представлены акции «большого бизнеса» – крупнейших компаний США.

завладеть „Рэндолф“. А во-вторых, потому, что этот сукин сын Джордж Тоффер, управляющий „Рэндолф оптикалз“, – лжец, жулик и вор и пытается выжить меня из бизнеса».

Бартлетт ухмыльнулся и остановился, чтобы перевести дух, а Данросс вклинился со смешком:

– Так и было, Кейси?

Кейси быстро пришла в себя:

– О да, я сказала, что Джордж Тоффер – лжец, жулик, вор и сукин сын. Он до сих пор остается таковым. – Кейси улыбнулась без тени юмора. – И он действительно хотел выжить меня из бизнеса.

– Почему?

– Потому что я сказала, чтобы он убирался – сгинул.

– А почему вы так сказали?

– Я только что возглавила «Хед-Оптикалз». Годом раньше умер дед, и мы – я и дядя Бгос – кидали монетку: кому какой бизнес достанется... Мне выпала «Хед-Оптикалз». Примерно за год до этого «Рэндолф» уже предлагали купить нас, но мы отказались. У нас было замечательное небольшое производство, хорошие рабочие, хорошие технические специалисты, некоторые из них – армяне, небольшой кусок рынка. Да, ощущалась нехватка капитала, пространства для маневра, но мы перебивались, и качество у «Хед-Оптикалз» было оптимальным. Сразу после того, как я возглавила компанию, Джордж Тоффер «случайно зашел». А воображал он, боже мой, что он только из себя не строил! Хвастал, что служил в армии США, что он герой войны, а я выяснила, что все вранье: такой тип. Так вот, он сделал мне еще одно просто смешное предложение по передаче ему «Хед-Оптикалз»... сначала плел про бедную маленькую девочку, которой самое место на кухне, потом было: «Давайте поужинаем сегодня вечером у меня в люксе» и «Почему бы нам не поразвлечься? Ведь я здесь несколько дней один...» Я сказала: «Спасибо, не надо», и он очень расстроился. Очень. Но вернулся к делу и вместо покупки нашей компании предложил субподряд по некоторым его контрактам. Предложение было хорошим, и, немного поторговавшись, мы согласовали условия. Он сказал, что, если мы справимся с этим контрактом, следующий будет в два раза больше. Мы уложились в месяц и сработали лучше и дешевле, чем когда-либо получалось у него. Я выполнила все условия контракта, и он огреб фантастическую прибыль. Но он тут же нарушил обещание, которое дал на словах, и вычел – украл – двадцать тысяч триста семьдесят восемь долларов. На следующий день к «Рэндолф» ушли пятеро моих лучших клиентов, а неделей позже – еще семь. Им всем были предложены сделки по цене ниже себестоимости. Он заставил меня попотеть неделю-другую, а потом позвонил. «Привет, детка, – проквикал он, довольный, как жаба в ведре грязи. – Я тут буду на выходные один на Маргас-Виньярд». Это небольшой островок у восточного побережья. И добавил: «Может, подьедешь, немного развлечемся, поговорим о будущем и об удвоении наших заказов». Я предложила отдать мои деньги, на что он рассмеялся, мол, сначала подрасти, и сказал, что мне лучше еще раз рассмотреть его предложение, потому что при нынешних оборотах скоро никакого «Хед-Оптикалз» не будет.

Я обругала его, – продолжала Кейси. – Если меня вывести, ругаться я умею довольно прилично, и я объяснила на трех языках, что ему сделать с собой. Еще через четыре недели клиентов у меня не осталось совсем. Прошел еще месяц, и рабочим пришлось искать другое место. Примерно тогда я подумала: а почему бы не попробовать в Калифорнии? На восточном побережье оставаться не хотелось. – Она вымученно улыбнулась. – Это был вопрос потери лица – если бы тогда я представляла, что это такое. Я подумывала, не взять ли отпуск на пару недель, чтобы поразмыслить, как быть. И вот однажды я бесцельно бродила по выставке штата в Сакраменто, и там оказался Линк. Он сидел в будке и продавал акции «Бартлетт констракшнз», и я купила...

– Что он делал? – спросил Данросс.

– Да-да, – подхватил Бартлетт. – Именно так я продал больше двадцати тысяч акций. Я сбывал их на ярмарках штатов, по почте, в супермаркетах, биржевым маклерам, в торговых центрах, а также инвестиционным банкам. Точно. Продолжай, Кейси!

– Так вот, я прочитала проспект его акционерного общества. Понаблюдала за ним некоторое время и подумала: у этого человека уйма энергии и предприимчивости. Таких цифр, баланса и темпов расширения не было ни у кого, и еще мне пришло в голову, что у человека, который сам продает собственные акции, должно быть будущее. Так что я купила десять акций, написала ему и познакомилась. Вот и все.

– Так уж и все, Кейси? – усомнился Гэваллан.

– Расскажи ты, Линк, – попросила она.

– О'кей. Так вот. Тогда...

– Немного портвейна, мистер... виноват, Линк?

– Спасибо, Эндрю, но... э-э... нельзя ли еще пива? – Пиво принесли мгновенно. – Так вот, Кейси пришла на встречу со мной. После того как она все рассказала, почти так же, как сейчас, я спросил: «Минуточку, Кейси. В прошлом году валовая прибыль „Хед-Оптикалз“ составила меньше трехсот тысяч долларов. Какая прибыль намечается в этом году?»

«Ноль, – ответила она с этой своей улыбочкой. – Все активы „Хед-Оптикалз“ – это я. По сути дела, я – это все, что есть в компании».

«Какой мне тогда смысл сливаться с нулем? У меня хватает своих проблем».

«Я знаю, как можно обставить „Рэндолф оптикалз“».

«Ну и как?»

«Двадцать два процента „Рэндолф“ у трех человек, которые терпеть не могут Тоффера. С двадцатью двумя процентами вы могли бы получить контрольный пакет. Я знаю, как можно добиться от них доверенности, а самое главное, мне известно слабое место Тоффера».

«И в чем же оно?»

«Он тщеславен, у него мания величия, но что важнее всего – он дурак».

«Дурак не может управлять компанией».

«Возможно, когда-то он был посметливее, но сейчас он – дурак. Он готов – бери голыми руками».

«И что вы хотите в результате всего этого получить, Кейси?»

«Голову Тоффера: я хочу его уволить».

«А еще?»

«Если я сумею показать вам, как... Если мы сумеем заполучить „Рэндолф оптикалз“, скажем за шесть месяцев, я хотела бы... Я хотела бы заключить с вами контракт на один год с правом продления до семи лет и окладом, какой вы сочтете соразмерным моим способностям, чтобы работать в качестве вашего исполнительного вице-президента и заниматься приобретениями. Но я хочу этого как личность, как равный, а не как женщина. Вы, конечно, босс, но я буду с вами на равных, как был бы на равных мужчина, как личность... если справлюсь».

Ухмыльнувшись, Бартлетт отхлебнул пива.

– «О'кей, – сказал я, – договорились». А сам подумал: «Я ничего не теряю. У меня паршивые три четверти миллиона, у нее нулевой баланс и ни цента за душой, а „Рэндолф оптикалз“ за шесть месяцев – это просто даром!» Так что мы ударили по рукам, мужчина и женщина. – Бартлетт засмеялся. – Первый раз в жизни я взял и заключил сделку с женщиной и ни разу не пожалел об этом.

– Спасибо, Линк, – тихо произнесла Кейси, и всем стало завидно.

«И что же было после того, как вы уволили Тоффера? – думал Данросс, как и все остальные. – Именно с того момента у вас двоих все и началось?»

– Ну а поглощение, – обратился он к Бартлетту, – оно прошло гладко?

– Какое там гладко! Но первая кровь пролилась, и полученные мной – полученные нами уроки – пригодились на тысячу процентов. Контрольный пакет очутился у нас через пять месяцев. Мы с Кейси получили компанию, крупнее нашей в пятьдесят три с половиной раза. За час до времени «Д» я был в минусе на четыре миллиона, так и до тюрьмы, черт побери, недалеко, но через час у меня оказался контрольный пакет. Ну и битва была, скажу я вам! Через полтора месяца мы реорганизовали компанию, и теперь валовая прибыль подразделения «Рэндолф» компании «Пар-Кон» составляет сто пятьдесят миллионов долларов в год, цены на акции растут. Получился классический блицкриг, который стал образцом для «Пар-Кон индастриз».

– А этот Джордж Тоффер, Кейси? Как вы его уволили?

Отведя свои карие глаза от Линка, Кейси обратила их на Данросса, и тот подумал: «Господи, вот бы обладать тобой».

– Когда мы получили контрольный пакет, я... – начала Кейси и осеклась, потому что зазвонил единственный в зале телефон и вдруг воцарилось напряженное молчание. Все, даже официанты, тут же переключили все внимание на аппарат, кроме Бартлетта. Гэваллан и де Вилль побледнели. – В чем дело? – спросила Кейси.

Тишину нарушил Данросс:

– Это одно из правил нашего дома. Во время ланча соединяют, только если возникло что-то срочное – для кого-то из нас.

Все смотрели, как Лим отставляет поднос с кофе. Казалось, минула целая вечность, пока он прошел через зал и снял трубку. У всех были семьи, и каждый гадал, кто умер, с кем случилась беда. Господи, только не мне! Все помнили, как телефон взорвал тишину два дня назад. Звонили Жаку. А еще в прошлом месяце звонили Гэваллану: его мать была при смерти. В течение многих лет звонили им всем. И все звонки несли плохие вести.

Эндрю Гэваллан был уверен, что звонят ему. Его жена, Кэтрин, сестра Данросса, лежала в больнице и ждала результатов изнурительных исследований: вот уже несколько недель она неизвестно почему плохо себя чувствовала. «Господи боже, – думал Эндрю, ежась под взглядами остальных. – Возьми себя в руки».

– *Вэйй?* – Послушав, Лим повернулся и протянул трубку: – Вас, тайбань.

Остальные с облегчением выдохнули и устремили взоры на Данросса. Он шел к телефону чеканным шагом.

– Алло?.. О черт... Что?.. Нет... нет, сейчас же буду... Нет, ничего не предпринимайте. Я сейчас буду. – В мертвой тишине он положил трубку, и все видели, что он в шоке. Помолчав, он проговорил: – Эндрю, скажи Клаудиа, чтобы перенесла собрания советов директоров, назначенные на вторую половину дня. Вы с Жаком и Кейси продолжайте. Это звонил Филлип. Боюсь, беднягу Джона Чэня похитили. – И он покинул зал.

Глава 8

14:35

Выйдя из машины, Данросс торопливо шагнул в открытую дверь просторного особняка в китайском стиле, расположенного на гребне холма под названием Струанз-Лукаут – Подзорная Труба Струана. Холеный слуга закрыл за ним дверь, и он прошел в безвкусно обставленную викторианскую гостиную. Она была забита безделушками и разномастной мебелью.

– Привет, Филлип. Мои соболезнования. Бедняга Джон! Где письмо?

– Вот. – Вставая, Филлип взял письмо с дивана. – Но сначала посмотри на *это*. – Он указал на мятую картонную коробку из-под обуви, стоявшую на мраморном столике возле камина.

Проходя через комнату, Данросс заметил Диану, жену Филлипа Чэня. Она сидела в дальнем углу в кресле с высокой спинкой.

– О, привет, Диана, мои соболезнования, – снова сказал он.

Она бесстрастно пожала плечами.

– Джосс, тайбань. – Второй жене Филлипа Чэня было пятьдесят два года. Привлекательная евразийская матрона, темно-коричневый *чунсам*, вся в золоте и драгоценных камнях, среди которых выделялись бесценное яшмовое ожерелье и кольцо с алмазом на четыре карата. – Да, джосс, – повторила она.

Данросс кивнул: она показалась ему противнее обычного. Он разглядывал содержимое коробки, не прикасаясь к ней. На мятом газетном листе лежала авторучка, в которой он признал ту, что принадлежала Джону Чэню, водительское удостоверение, связка ключей, письмо на имя Джона Чэня, адресованное на Синклер-тауэрс, 14А, и небольшой пластиковый пакет с наполовину засунутой в него тряпкой. Вынув свою ручку, он раскрыл водительское удостоверение: Джон Чэнь.

– Открой пакет, – предложил Филлип.

– Нет. Я могу стереть отпечатки пальцев, если они есть. – Данросс знал, что это глупость, но все равно произнес эти слова.

– Ох... Я и забыл. Черт. Ну конечно, отпечатки пальцев! Мои... я, конечно, открывал его. Мои отпечатки должны быть везде, на всем.

– Что там?

– Там... – Филлип Чэнь подошел, и не успел Данросс остановить его, как он уже вытащил тряпку из пластика, больше не прикасаясь к нему. – На тряпке ведь нельзя оставить отпечатки, верно? Смотри! – В тряпку была завернута большая часть человеческого уха. Отрезали его аккуратно, без рваных краев.

Данросс тихо выругался.

– Как вы получили эту коробку?

– Ее принесли. – Трясущимися руками Филлип Чэнь снова завернул ухо и положил назад в коробку. – Я лишь... я лишь открыл эту посылку, как сделал бы любой другой. Доставили ее около получаса назад.

– Кто доставил?

– Мы не знаем. По словам служанки, какой-то молодой человек. Молодой человек на мотороллере. Она его не запомнила и номера не записала. Нам доставляют много посылок. Ничего необычного – только надпись на пакете: «Мистеру Филлипу Чэню, чрезвычайно важно, открыть лично», на которую она поначалу не обратила внимания. К тому времени, когда я открыл пакет и прочитал письмо... Просто молодой человек, который сказал: «Посылка для мистера Филлипа Чэня» – и уехал.

– В полицию звонил?

– Нет, тайбань, ты же сказал ничего не предпринимать.

Данросс подошел к телефону.

– С женой Джона связывались?

– А почему плохие вести ей должен сообщать Филлип? – тут же подала голос Диана. – Она такое разведет, что с крыши черепица посыплется, будьте уверены. Звонить Барбаре? О боже, нет, тайбань, нет... только когда сообщим в полицию. Пусть говорят они. Они знают, как это делать.

Данросс почувствовал еще бо́льшую неприязнь.

– Лучше доставьте-ка ее сюда, и побыстрее. – Он набрал номер Главного управления полиции и попросил Армстронга. Того не оказалось на месте. Данросс назвал, а потом потребовал соединить его с Брайаном Квоком.

– Да, тайбань.

– Брайан, ты не мог бы сейчас же подъехать? Я в доме Филлипа Чэня на Струанз-Лукаут. Похищен Джон Чэнь. – И он рассказал о содержимом коробки.

Последовало ошеломленное молчание, потом Брайан Квок промолвил:

– Сейчас буду. Ничего не трогайте и не позволяй ему ни с кем говорить.

– Хорошо.

Данросс положил трубку.

– А теперь дай мне это письмо, Филлип. – Он обращался с листком осторожно, придерживая за края. Иероглифы написаны четко, но человеком не очень образованным. Он неторопливо прочитал письмо – почти все иероглифы были ему знакомы:

М-р Филлип Чэнь, ставлю вас в известность, что мне крайне нужны 500 000 гонконгских долларов. Вы настолько богаты, что для вас это капля в океане, волосок с девяти быков. Из опасения, что вы можете отказать, я не придумал ничего лучше, как взять в заложники вашего сына. Теперь отказа я уже не приму. Надеюсь, вы всё хорошенько обдумаете и серьезно рассмотрите этот вопрос. Вам решать, сообщать в полицию или нет. В подтверждение своих слов посылаю принадлежащие вашему сыну предметы повседневного обихода. А также небольшую часть уха вашего сына. Вы должны понять, что действовать я буду без жалости. Если вы без проволочек выплачиваете деньги, безопасность вашего сына гарантирована. Вервольф.

Данросс указал на коробку:

– Прошу прощения, ты узнаешь... э-э... это?

Филлип Чэнь нервно усмехнулся, а за ним и его жена.

– А ты, Иэн? Ты знаешь Джона всю жизнь. Это... как можно узнать что-нибудь подобное, хейя?

– Кто-нибудь еще знает?

– Никто, если не считать слуг, конечно, Шити Чжуна и кое-кого из друзей, приглашенных на ланч. Они... они были здесь, когда принесли пакет. Они, да, они были здесь. Уехали перед самым твоим приездом.

Диана Чэнь зашевелилась в кресле и высказала вслух то, о чем думал Данросс:

– Значит, к вечеру об этом будет знать весь Гонконг!

– Да. А к утру новость появится на первых страницах газет. – Данросс пытался сопоставить множество скопившихся в голове вопросов и ответов. – Пресса подхватит толки насчет... э-э... уха и Вервольфа и будет их смаковать.

– Да. Так оно и будет. – Филлип Чэнь вспомнил, что сказал Шити Чжун, когда все прочитали письмо. «Не плати выкуп по крайней мере неделю, дружище Филлип, и ты просла-

вишься на весь мир! *Айийя*, надо же, кусок уха и Вервольф! И-и-и. Ты прославишься на весь мир!»

– Может быть, это совсем не его ухо. Может, это лишь трюк, – с надеждой проговорил Филлип Чэнь.

– Да. – «Если это ухо Джона Чэня, – думал глубоко обеспокоенный Данросс, – и если они прислали его в первый же день до начала переговоров или чего-нибудь еще, то могу поспорить, что бедолага уже мертв». – Какой смысл наносить такую травму? – проговорил он. – И конечно, тебе надо заплатить.

– Конечно. Хорошо еще, что мы не в Сингапуре, верно?

– Да. – В Сингапуре теперь по закону все банковские счета семьи похищенного тут же замораживали, чтобы похитителям не платили выкуп. Там разразилась чуть ли не эпидемия похищений, но почти никто из преступников не был арестован, потому что китайцы предпочитали быстро и без шума платить и ничего не сообщать в полицию. – Ну и ублюдки! Бедный старина Джон.

– Может, выпьешь чаю или еще чего-нибудь? – предложил Филлип. – Ты не голоден?

– Нет, спасибо. Я дождусь Брайана Квока и поеду. – Данросс посмотрел на коробку и на ключи. Эту связку ключей он видел неоднократно. – Нет ключа от банковской ячейки, – заметил он.

– Какого ключа? – переспросила Диана Чэнь.

– Джон всегда носил на связке ключ от банковской ячейки.

Она даже не двинулась в кресле.

– И что, сейчас его нет?

– Нет.

– Может, вы ошибаетесь. Насчет того, что он всегда носил его на связке.

Данросс посмотрел на нее, потом на Филлипа Чэня. Оба воззрились на него в ответ. «Ну что ж, – подумал он, – если ключ взяли не похитители, то это сделали Филлип или Диана, и на их месте я поступил бы так же. Одному Богу известно, что могло быть в этой ячейке».

– Может, и ошибаюсь, – спокойно проговорил он.

– Чаю, тайбань? – спросила Диана, и в ее глазах мелькнула глубоко спрятанная тень улыбки.

– Да, думаю, выпью. – Он был уже уверен, что ключ взяли супруги Чэнь.

Она встала, громко приказала подать чай и снова уселась.

– И-и-и, поторопились бы они... эти полицейские.

Филлип смотрел в окно на высохший сад:

– Вот бы дождь пошел.

– Интересно, во сколько нам встанет вернуть Джона, – пробормотала она.

– Разве это имеет значение? – обронил Данросс после паузы.

– Конечно имеет, – тут же взвилась Диана. – На самом деле, тайбань!

– О да, – эхом откликнулся Филлип Чэнь. – Пятьсот тысяч долларов! *Айийя*, пятьсот тысяч – это же целое состояние. Проклятые триады! Ну что ж, если они просят пятьсот, я смогу сторговаться на сто пятьдесят. Слава богу, миллион не запросили! – Брови у него взлетели вверх, а лицо еще больше посерело. – *Цзю ни ло мо* на всех похитителей. Они должны получить по заслугам – все.

– Да, – согласилась Диана. – Мерзкие триады. Полиция должна работать эффективнее! Более четко и более эффективно, и охранять нас лучше.

– Ну, это уже несправедливо, – резко возразил Данросс. – В Гонконге много лет не было громких похищений, а в Сингапуре это происходит каждый месяц! Уровень преступности у нас фантастически низок, и наша полиция ведет огромную работу – огромную.

– Ха, – фыркнула Диана. – Все они продажные шкуры. Зачем еще идти в полицию, как не для того, чтобы разбогатеть? Я не верю ни одному из них... Мы знаем, о да, мы-то знаем. Что касается похищений, ха, последнее было шесть лет назад. Тогда похитили моего третьего кузена, Сун Фу-саня, и семья вынуждена была заплатить шестьсот тысяч, чтобы он вернулся целым и невредимым... Они после этого чуть не обанкротились.

– Ха! Чтобы Колибри Сун обанкротился? – с издевкой переспросил Филлип Чэнь. – Этого просто быть не может!

Колибри Сун, очень богатый судовладелец родом из Шанхая, был уже не молод, за пятьдесят, и выделялся среди соплеменников острым – и очень длинным, для китайца, – носом. Его прозвали Колибри за то, что он постоянно порхал из одного дансинга в другой, как с цветка на цветок, в Сингапуре, Бангкоке, Тайбэе и Гонконге, погружаясь в мириады дамских нектарников, причем ходили слухи, что его мужское естество было ни при чем, потому что он обожал куннилингус.

– Если не ошибаюсь, большую часть денег полиция вернула, а преступники сели в тюрьму на двадцать лет.

– Да, тайбань, верно. Но на это ушли месяцы. И могу поспорить, что кое-кто из полиции знал гораздо больше, чем говорил.

– Абсолютная ерунда! – вскипел Данросс. – Нет никаких оснований верить чему-либо подобному! Никаких.

– Совершенно верно! – раздраженно подхватил Филлип Чэнь. – Они поймали их, Диана. – Супруга лишь глянула на него, и он мгновенно переменял тон: – Конечно, дорогая, кто-то из полицейских может быть и продажным, но нам здесь повезло, очень повезло. Думаю, я и не стал бы так переживать о... о Джоне... Дело ведь только в выкупе, и нам, как семье, пока что грех было жаловаться... Я не стал бы так переживать, если бы не... не *это*. – Он с отвращением указал на коробку. – Это ужасно! И абсолютно нецивилизованно.

– Да, – согласился Данросс и подумал: «Если это ухо не Джона Чэня, то чье? Откуда можно взять ухо?»

Он чуть не рассмеялся над тем, какие смешные вопросы себе задает. Потом снова стал размышлять, действительно ли похищение как-то связано с Цу-янем, винтовками и Бартлеттом. Китайцы не стали бы обезображивать жертву. Нет, конечно, да еще так быстро. Похищение – древнее китайское искусство, и правила всегда были четкие: платишь и держишь язык за зубами – никаких проблем, тянешь время и болтаешь – много проблем.

Он стал смотреть из окна на сад, обширную панораму северной части города и на простирающийся внизу морской пейзаж. Лазурь моря была усеяна точками кораблей, джонок и сампанов. Над морем ясное небо без намека на дождь и ровное дыхание летнего муссона с юго-запада. «Как, интересно, в прежние времена смотрелись клиперы, когда шли с попутным ветром или боролись со встречным?» – рассеянно думал он. Здесь, на вершине холма, у Дирка Струана всегда был тайный наблюдательный пункт. Отсюда открывался вид на юг, восток и запад, а также на большой канал Сюнсымэнь, подходивший к Гонконгу с юга, – единственный путь в бухту для кораблей из дома, из Англии. Со Струанз-Лукаут можно было заметить идущий к берегу почтовый корабль и дать тайный сигнал вниз. И тогда тайбань высылал быстроходную шлюпку, чтобы получить почту первым и на несколько часов обойти соперников, на те самые несколько часов, которые в торговле могли значить и целое состояние, и полное банкротство – так много времени протекало до получения вестей из дома. «Это не то что сегодня, когда сообщение мгновенное, – думал Данросс. – Нам везет, нам не нужно ждать ответа почти два года, как Дирку. Господи, какой, надо думать, это был человек! Я не должен дать маху с Бартлеттом. Я обязан получить эти двадцать миллионов».

– Сделка представляется очень хорошей, – сказал Филлип Чэнь, словно читая его мысли.

– Да. Похоже, что так.

– Если они действительно вложатся, все мы заработаем целое состояние и это станет *сян ю* для Благородного Дома, – добавил Филлип, сияя.

Улыбка Данросса снова сделалась язвительной. *Сян ю*, «ароматная смазка», – это деньги, отступные, комиссионные, которые все китайские рестораны, большинство компаний, все игорные дома, дансинги, женщины легкого поведения платили триадам, той или иной форме триад, по всему миру.

– Не перестаю поражаться: ведь *сян ю* платят везде, где в бизнесе участвует хоть один китаец.

– Да что вы, тайбань, – сказала Диана таким тоном, словно говорила с ребенком. – Какой бизнес может существовать без защиты? Предполагается, что ты должен платить, и ты, естественно, платишь, а как же иначе? *Сян ю* – так или иначе – дают все. – Она сменила позу, бусинки яшмового ожерелья зазвенели, глаза на белизне лица, так высоко ценимой у китайцев, выделялись темными-темными пятнами. – Ну а сделка с Бартлеттом, тайбань, как вы думаете – сделка с Бартлеттом состоится?

Данросс пристально смотрел на нее.

«Ах, Диана, – думал он, – тебе известно до мелочей все, что знает Филлип, про его бизнес, про мой бизнес и еще много такого... Филлип будет рыдать от ярости, если докажется, что для тебя это не тайна. Так что ты прекрасно осведомлена: „Струанз“ может оказаться в большой беде, если сделка с Бартлеттом не состоится, а если она будет заключена, наши акции взлетят и мы снова станем богатыми – и ты тоже, если сумеешь подсуесться заранее, купить заранее.

Да.

И я изучил вас, китайских дам из Гонконга, так хорошо, как не дано бедняге Филлипу, потому что я даже на малую часть не китаец. Я знаю: когда дело доходит до денег, вы, китайские дамы из Гонконга, становитесь самыми жесткими женщинами на земле – а может, самыми практичными. И про тебя, Диана, мне все известно. Ты сейчас вся аж дрожишь, как бы ни старалась этого скрыть. Потому что Джон Чэнь не твой сын. Если он выходит из игры, ближайшими по родственной линии становятся двое твоих собственных сыновей, а твой старший, Кевин, делается прямым наследником. Так что ты будешь молиться, как никогда, чтобы Джона больше не было. Ты просто в восторге. Джона похитили и, вероятно, убили, но что там насчет сделки с Бартлеттом?»

– Дамы – такие практичные существа, – заметил он.

– Как это, тайбань? – прищурилась она.

– Они смотрят на все в перспективе.

– Иногда мне кажется, что я совсем не понимаю вас, тайбань. – Ее голос зазвучал резче. – Что еще мы можем сделать сейчас для Джона Чэня? Ничего. Все, что в наших силах, мы сделали. Когда принесут требование о выкупе, мы поторгнемся и заплатим, и все будет, как и было. А вот сделка с Бартлеттом – дело важное, очень важное, очень-очень важное, что бы ни случилось, *хейя? Мо цзин, мо мин*. Нет денег – нет жизни.

– Точно так. Это очень важно, тайбань. – Филлипу попалась на глаза коробка, и он содрогнулся. – Я полагаю, при данных обстоятельствах, тайбань, ты нас извинишь сегодня вечером... Я не...

– Нет, Филлип, – твердо заявила его жена. – Нет. Мы должны пойти. Это вопрос чести для всего дома. Мы пойдем, как и планировали. Сколь бы ни было трудно, мы пойдем, как и планировали.

– Ну, как скажешь.

– Да, пойдем.

«О, еще как да, – думала она, мысленно перебирая все детали своего туалета, чтобы усилить драматический эффект при их появлении. – Мы пойдем сегодня вечером, и о нас будет говорить весь Гонконг. Кевина возьмем с собой, конечно. Может, он теперь уже наследник. *Айийя!* На ком жениться моему сыну? Надо уже сейчас подумать о будущем. Двадцать два – прекрасный возраст, и мне нужно позаботиться о его новом будущем. Да, жена. Кто это будет? Лучше подобрать нужную девушку прямо сейчас, и побыстрее, а то это сделает вместо меня какая-нибудь молодая кобылка, у которой огонь между ног и алчная мамаша. *Айийя!* – Ее даже в жар бросило от этой мысли. – Боги не допустят такого!»

– Да, – произнесла она вслух и тронула платком глаза, словно в них стояли слезы. – Что еще можно сделать для бедного Джона – только ждать, и продолжать работать, и планировать, и маневрировать на благо Благородного Дома. – Она взглянула на Данросса, и глаза ее сверкали. – Сделка с Бартлеттом ведь решит все, верно?

– Да.

«И вы оба правы, – мысленно признал Данросс. – В настоящий момент больше ничего не сделаешь. Китайцы – народ очень мудрый и очень практичный.

Так что настройся на важное, – приказал он себе. – Важное типа „вы готовы рискнуть?“. Подумай. Удастся ли выбрать лучшее время и место, чем здесь и сейчас, для осуществления плана, который ты вынашивал с того момента, как познакомился с Бартлеттом?

Нет».

– Слушайте! – Приняв решение, от которого уже не собирался отступать, он оглянулся на дверь, ведущую в помещения для слуг, дабы убедиться, что никто не подслушивает. Он понизил голос до конспиративного шепота, и Филлип Чэнь с женой наклонились, чтобы лучше слышать. – Перед ланчем у меня была приватная встреча с Бартлеттом. Мы заключили сделку. Мне нужно внести некоторые незначительные изменения, но официально мы заключаем контракт в следующий вторник. Двадцать миллионов гарантируется, и еще двадцать миллионов на будущий год.

– Поздравляю, – расплылся в улыбке Филлип Чэнь.

– Не так громко, Филлип, – шикнула на него жена, такая же довольная. – У этих рабов с черепашьими ртами, что на кухне, такие длинные уши, что дотянутся до Явы. О, какая потрясающая новость, тайбань!

– Это только для членов семьи, – негромко предупредил Данросс. – Сегодня днем я даю распоряжения нашим брокерам тайно скупать акции «Струанз» на каждый имеющийся у нас свободный пенни. Вы делаете то же самое небольшими партиями и распределяете заказы по разным брокерам и номинальным держателям – как обычно.

– Да. О да.

– Я лично купил сегодня утром сорок тысяч.

– А насколько повысится цена на акции? – спросила Диана Чэнь.

– Вдвойне!

– И как скоро?

– Через тридцать дней.

– И-и-и, – радостно протянула она. – Представить только.

– Да, – согласился Данросс. – Представить только! Да. И вы двое расскажете только самым близким родственникам, которых у вас немало, а они расскажут только очень близким родственникам, которых у них множество, и вы все будете покупать и покупать, потому что это гарантированная – с золотым обрезом – наводка исключительно для своих и почти никакого риска, и от этого акции взлетят еще выше. Информация о том, что это только для членов семьи, несомненно, просочится, и к вам присоединятся другие, а затем кто-то еще, а потом масла в огонь добавит официальное объявление о сделке с «Пар-Кон», а далее, на следующей неделе, я объявлю об условиях покупки «Эйшн пропертиз», и тогда будет покупать

весь Гонконг. Цена на наши акции просто взлетит до небес. А потом, когда наступит подходящий момент, я отставлю в сторону «Эйшн пропертиз» и сосредоточусь на настоящей цели.

– А сколько акций, тайбань? – В уме Филлип Чэнь уже производил собственный подсчет возможных прибылей.

– Как можно больше. Но только для членов семьи. Наши акции положат начало буму. У Дианы даже рот раскрылся.

– Так будет бум?

– Да. И мы положим ему начало. Момент назрел, все в Гонконге готовы. Мы предоставим средства, мы положим ему начало, и, если продуманно подтолкнуть его тут и там, все будут в массовом порядке переходить на нашу сторону.

Собеседники надолго замолчали. На лице Дианы была написана нескрываемая жадность.

Ее пальцы играли с яшмовыми бусинами. Взгляд Филлипа был устремлен куда-то вдаль, и Данросс понимал, что компрадор думает в том числе и о нескольких скрепленных его, Филлипа, подписью от имени «Струанз» векселях, которые нужно оплатить в срок от тринадцати до тридцати дней: двенадцать миллионов американских долларов – «Тода шиппинг индастриз» в Иокогаме за два супербалкера, шесть миллионов восемьсот тысяч долларов – «Орлин интернэшнл мерчант банк» и семьсот пятьдесят тысяч – Цу-яню, который помог решить еще одну проблему. Но в основном Филлип, должно быть, сосредоточен на двадцати миллионах Бартлетта и на росте акций – вдвойне, как он предсказал наобум.

Вдвойне?

Не получится – нет, ничего не выходит, никаких шансов, черт возьми...

Если не случится бум. Если не случится бум!

Данросс почувствовал, как сердце забилося сильнее.

– Если случится бум... Господи, Филлип, мы сможем!

– Да-да, согласен, Гонконг для этого созрел. Ах да. – Глаза Филлипа сверкнули, и пальцы забарабанили по столу. – Сколько акций, тайбань?

– Каждый пе...

Данросса перебила взволнованная Диана:

– Филлип, на прошлой неделе мой астролог сказал, что этот месяц будет очень важным для нас! Бум! Вот что он, вероятно, имел в виду.

– Верно, помню, как ты говорила об этом, Диана. О-хо-хо! Сколько акций, тайбань? – снова переспросил он.

– Каждый пенни, черт побери! Бум этот будет у нас громадный. Но до пятницы – только для членов семьи. До пятницы исключительно так. А после торгов в пятницу я проговорюсь о сделке с Бартлеттом...

– И-и-и, – выдохнула Диана.

– Да. В выходные я буду говорить: «Никаких комментариев», а ты, Филлип, постарайся, чтобы тебя нельзя было поймать, – и к утру понедельника все будут рваться в бой. Я по-прежнему буду говорить: «Никаких комментариев», но в понедельник мы уже будем покупать открыто. После окончания торгов в понедельник я объявлю, что вся сделка подтверждается. И тогда, во вторник...

– Начнется бум!

– Да.

– О, счастливый день, – восторженно прохрипела Диана. – И каждая *ама*, коридорный, кули, бизнесмен решит, что с его джоссом все замечательно, и все достанут свои сбережения, и все это будет вложено, и все акции взлетят. Какая жалость, что завтра не выйдет редакторская колонка... а еще лучше, комментарий астролога в одной из газет... скажем, Столетнего

Фэна... или... – От возбуждения глаза у нее чуть не сошлись к переносице. – Как насчет того астролога, Филлип?

Он обалдело уставился на нее:

– Старого Слепца Дуна?

– А почему бы и нет? Немного *сян ю* ему на лапу... или пообещать несколько акций любой компании на выбор. *Хейя?*

– Ну, я...

– Предоставь это мне. Старый Слепец Дун кое-чем мне обязан: я присылала ему достаточно клиентов! Да. И он не будет далек от истины, когда провозгласит небесные знамения, предвещающие величайший бум в истории Гонконга, верно?

Глава 9

17:25

Отрегулировав фокусное расстояние, доктор Мэн, полицейский патологоанатом, стал рассматривать в микроскоп часть отрезанной от уха плоти. Брайан Квок нетерпеливо наблюдал за ним – маленьким незаметным педантичным кантонцем в очках с толстыми стеклами, которые он сдвинул себе на лоб. Когда доктор через некоторое время поднял голову, очки сами собой упали ему на переносицу.

– Ну что ж, Брайан, его могли отрезать у живого человека, а не с трупа... возможно. Возможно, в течение последних восьми-десяти часов. Кровоподтеки, вот здесь, сзади, – взгляни! – доктор Мэн деликатно указал на пятна сзади и сверху, – определенно свидетельствуют, что на тот момент человек был жив.

– Что за кровоподтеки, доктор Мэн? Чем они вызваны? Порезом?

– Их могло вызвать лицо, крепко державшее объект, – осторожно проговорил доктор Мэн, – когда объект удаляли.

– Чем удаляли: ножом, бритвой, складным ножом или китайским тесаком – кухонным ножом?

– Острым инструментом.

Брайан Квок вздохнул:

– От этого человек мог умереть? От шока? Человек вроде Джона Чэня?

Доктор сплел пальцы:

– Возможно, да. А возможно, и нет. Есть ли основания полагать, что у него слабое сердце?

– Его отец утверждает, что нет, а с домашним врачом я еще не говорил – этот тип в отпуске, но Джон никогда не обнаруживал признаков нездоровья.

– Такое телесное повреждение, скорее всего, не должно привести к смерти здорового человека, но неделю-другую он может чувствовать себя скверно. – Доктор просиял. – Крайне скверно.

– Господи! – не выдержал Брайан. – Неужели ты не можешь сказать ничего существенного?

– Я судебный патологоанатом, Брайан, а не провидец.

– Можешь сказать, это ухо евразийца или чистокровного китайца?

– Не могу. Судить об этом по данному образцу почти невозможно. Но, вне всякого сомнения, это не англосакс, не индеец и не представитель негроидной расы. – Доктор Мэн снял очки и, близоруко щурясь, уставился на рослого суперинтендента. – Это, по всей видимости, поднимет хорошенькую волну в Доме Чэнь, *хейя*?

– Да. И в Благородном Доме тоже. – Брайан Квок на мгновение задумался. – Как ты считаешь, можно ли сказать, что этот Вервольф, этот маньяк – китаец?

– Судя по почерку, это может быть человек цивилизованный, да. Впрочем, подобное мог сделать и *гуй-лао* с претензией на то, что он человек цивилизованный. Но если он или она – человек цивилизованный, это совсем не значит, что совершивший злодеяние и написавший письмо – одно и то же лицо.

– Это я знаю. Какие шансы за то, что Джон Чэнь мертв?

– Исходя из телесных повреждений?

– Исходя из того, что этот Вервольф, а скорее, Вервольфы прислали ухо, даже не начав переговоров.

Маленький человечек холодно усмехнулся:

– Ты имеешь в виду «убей одного, чтобы утратить десять тысяч» старика Сунь-цзы? Не знаю. На таких неопределенностях я предположений не строю. Я оцениваю шансы, только когда дело касается лошадей, Брайан, или фондового рынка. Как насчет Голден Леди Джона Чэня в субботу?

– У нее шансы очень высоки. Это точно. А также у Ноубл Стар «Струанз», Пайлот Фиша Горнта, а еще больше – у Баттерскотч Лэсс Ричарда Квана. Могу поспорить, она будет фаворитом. Но Голден Леди – настоящий ходок. Ставки на нее начнутся от трех к одному. Она – лошадь резвая, фляер,⁷⁴ и грунт как раз для нее. Если будет сухо. На мокром грунте от нее толку не жди.

– А что-нибудь указывает на дождь?

– Дождь возможен. Говорят, идет шторм. Даже если чуть прибьет пыль, разница будет огромная.

– Значит, пусть лучше до воскресенья дождя не будет, *хейя?*

– В этом месяце вообще не ожидается дождей, если только нам сильно не повезет.

– Ну что ж, будет дождь так будет, нет так нет, ничего страшного! Скоро зима, и тогда мы хоть на время избавимся от этой проклятой влажности. – Доктор Мэн взглянул на настенные часы. Они показывали 17:35. – Может, по маленькой и по домам?

– Нет, спасибо. У меня еще дела. Так не хочется, черт возьми, этим заниматься.

– Завтра посмотрим. Может, эксперты подскажут что-нибудь интересное относительно бумаги, или ткани, в которую это было завернуто, или еще чего. Может, на след наведут отпечатки пальцев, – добавил доктор.

– Трудно сказать. Вся эта операция дурно пахнет. Действительно очень дурно.

Доктор Мэн кивнул, и его голос утратил мягкость.

– Дурно пахнет все, что имеет отношение к Благородному Дому и их марионетке – дому Чэнь. Так ведь?

Брайан Квок переключился на *сей яп*, один из основных диалектов провинции Гуандун, на котором говорили многие в Гонконге:

– Э, Брат, не хочешь ли ты сказать, что дурно пахнут все капиталистические прихвостни, а главные из них – Благородный Дом и дом Чэнь – полны дерьма? – подтрунивал он.

– А-а, Брат, разве у тебя в мозгу еще глубоко не отложилось, что ветры перемен дуют во всем мире? И Китай под бессмертным руководством председателя Мао и его идей является...

– Оставь эти агитки при себе, – холодно сказал Брайан Квок, вновь переходя на английский. – Большинство идей Мао взято из произведений Сунь-цзы, Конфуция, Маркса, Лао-цзы и других. Я знаю, что он – поэт,⁷⁵ великий поэт, но он захватил Китай, и там сейчас нет свободы. Никакой.

– Свободы? – с вызовом повторил маленький человек. – Что такое свобода на несколько лет, когда под руководством председателя Мао Китай снова стал Китаем и опять занял то место в мире, которое принадлежит ему по праву. Теперь Китая боятся все паршивые капиталисты! И даже ревизионистская Россия!

– Да, согласен. За это я ему благодарен. Тем не менее, если тебе не нравится здесь, отправляйся назад в Гуандун и потей до посинения в своем коммунистическом раю, и *цзю ни ло мо* на всех коммунистов – и их попутчиков!

– Тебе нужно съездить туда и посмотреть самому. То, что коммунизм для Китая плохо, – чистая пропаганда. Ты что, газет не читаешь? Сейчас уже никто не голодает.

⁷⁴ Фляер – лошадь, показывающая хорошую скорость на коротких и средних дистанциях.

⁷⁵ Мао Цзэдун – автор нескольких романтических стихотворений в классическом стиле, написанных под влиянием творчества великих танских поэтов Ли Бо (701–762) и Ли Хэ (790–816).

– А что ты скажешь насчет двадцати с лишним миллионов убитых после смены власти? А все это промывание мозгов?

– Опять пропаганда! То, что ты учился в частных школах в Англии и Канаде и говоришь как капиталистическая свинья, еще не значит, что ты стал одним из них. Не забывай, откуда ты.

– Я не забываю. Я все прекрасно помню.

– Твой отец совершил ошибку, отпустив тебя из дома!

Всем было известно, что Брайан Квок родился в Кантоне, а в шесть лет его отправили учиться в Гонконг. Он так преуспел в учебе, что в тридцать седьмом, когда ему было двенадцать лет, выиграл конкурс и уехал учиться в Англию, в прекрасную частную школу, а потом, в тридцать девятом, когда началась Вторая мировая война, всю школу эвакуировали в Канаду. В сорок втором, в восемнадцать лет, он закончил эту школу первым учеником и старостой класса и поступил на службу в канадскую конную полицию, в одно из подразделений, сотрудники которого, работавшие в штатском, поддерживали порядок в огромном чайна-тауне Ванкувера. Он говорил на кантонском, «мандарине», *сей яп* и служил с отличием. В сорок пятом подал рапорт о переводе в полицию Гонконга. Канадцы разрешение на перевод дали, но крайне неохотно, потому что хотели, чтобы Брайан служил у них и дальше, и он вернулся в Гонконг.

– Работая на них, ты понапрасну растрачиваешь свои таланты, Брайан, – продолжал доктор Мэн. – Ты должен служить массам и работать для партии!

– В сорок третьем эта партия загубила моего отца, мать и почти всю семью!

– Где доказательства? Их нет. Одни слухи. Возможно, это дело рук дьяволов из гоминьдана: в Кантоне тогда царил хаос. Я был там и знаю! Может, это на совести японских свиней или триад – кто знает? Как тут можно быть уверенным?

– Я уверен, клянусь Богом.

– Там что, был хоть один свидетель? Нет! Ты сам мне рассказывал! – Голос Мэна стал хриплым, и он близоруко шурился на Брайана снизу вверх. – *Айийя*, ты же китаец, так используй свое образование для Китая, для народных масс, а не для хозяина-капиталиста.

– Шел бы ты!

Доктор Мэн усмехнулся, и очки упали ему на переносицу.

– погоди, суперинтендент Каршунь Квок. Настанет день, и глаза у тебя откроются на всю эту «красоту».

– А пока мне нужны от тебя какие-нибудь ответы, черт возьми! – Широким шагом Брайан Квок покинул лабораторию и направился по коридору к лифту. Рубашка липла к спине. «Хоть бы дождь пошел».

Он вошел в кабину. Перекинулся приветствиями с другими полицейскими. На третьем этаже вышел и двинулся в свой офис. Там, лениво перелистывая китайскую газету, его ждал Армстронг.

– Привет, Роберт. – Брайан был рад его видеть. – Что новенького?

– Ничего. А у тебя?

Брайан Квок передал ему слова доктора Мэна.

– А, этот мелкий с его «вероятно, может быть!»! Единственное, в чем он бывает твердо уверен, что труп – это труп, да и то когда пару раз проверит.

– Вот-вот, или насчет председателя Мао.

– Он опять заводил свою заезженную пластинку?

– Да, – ухмыльнулся Брайан Квок. – Я ему сказал, чтобы отправлялся обратно в Китай.

– Он никогда не уедет.

– Знаю. – Брайан посмотрел на кипу бумаг на полке «Входящие» и вздохнул. – Не похоже на местных – отрезать ухо так сразу.

– Нет, не похоже, если это действительно похищение.

– Что?

– Это могло быть сведение счетов, а похищение лишь прикрытие, – проговорил Армстронг, и его лицо человека бывалого приняло более суровое выражение. – Я согласен с тобой и Данроссом. Думаю, что Джона ухайдакали.

– Но зачем?

– Возможно, Джон пытался убежать, завязалась драка, и эти люди (или человек) испугались и сгоряча ударили его ножом или вмазали тупым предметом. – Армстронг вздохнул и потянулся, чтобы расслабить мышцы сведенного судорогой плеча. – Как бы то ни было, старина, наш Великий Белый Отец хочет, чтобы мы разобрались с этим, и быстро. Он оказал мне честь, позвонив и сказав, что ему лично телефонировал губернатор и выразил свою озабоченность.

Брайан Квок тихо выругался.

– Быстро разносятся плохие вести! В прессе еще ничего нет?

– Нет, но об этом уже знает весь Гонконг, и к утру наши хвосты будут развеиваться от раскаленного ветра, дуящего нам в зад. Боюсь, этот чертов господин Вервольф – а ему будет помогать злобная гонконгская пресса, от которой пощады ждать не приходится, будь она проклята, – не принесет нам ничего, кроме огорчений, пока мы не поймем этого ублюдка или ублюдков.

– Ну а поймать мы его поймем, о да, поймать мы его поймем!

– Да. Как насчет пива – или лучше очень большого джина с тоником? Я бы сейчас от такого не отказался.

– Хорошая идея. Опять твой желудок шепчет?

– Да. Мэри говорит, что все хорошие мысли я нахожу в бутылках. – Они вместе рассмеялись, направились к двери и уже вышли в коридор, когда зазвонил телефон.

– Брось эту хреновину, не отвечай: одно беспокойство, – посоветовал Армстронг, хотя знал, что ни он сам, ни Брайан никогда так не поступят.

Сняв трубку, Брайан Квок замер.

Звонил Роджер Кросс, старший суперинтендент, директор особой разведслужбы.

– Да, сэр?

– Брайан, прошу немедленно зайти ко мне.

– Есть, сэр.

– Армстронг с вами?

– Да, сэр.

– Приведите и его. – Раздался щелчок, и связь оборвалась.

– Есть, сэр. – Он положил трубку и почувствовал, как взмокла спина. – Босс вызывает нас, срочно.

Сердце Армстронга замерло.

– А? Меня? – Он догнал Брайана, шагавшего к лифту. – За каким чертом я ему понадобился? Я уже не в Эс-ай.

– Наше дело не спрашивать почему, наше дело – наложить в штаны по его команде. – Брайан нажал кнопку ВВЕРХ. – Что там могло стрястись?

– Должно быть, что-то важное. Может, что-нибудь на материке?

– Чжоу Эньлай⁷⁶ сместил Мао и умеренные пришли к власти?

– И не мечтай! Мао умрет на посту – он верховное божество Китая.

⁷⁶ Чжоу Эньлай (1898–1976) – выдающийся китайский государственный и партийный деятель, премьер КНР (1949–1976). Был известен как прекрасный дипломат, не разделявший радикальных взглядов Мао Цзэдуна, стремившийся к модернизации страны и сближению с Западом.

– Единственное, что можно сказать доброго о Мао, это то, что он сначала китаец, а потом коммунист. Чертовы «комми»!

– Слушай, Брайан, может, Советы снова активизируются на границе? Еще один инцидент?

– Может быть. Да. Скоро будет война – да, скоро будет война между Россией и Китаем. В этом Мао тоже прав.

– Советы не такие глупые.

– Не скажи, приятель. Я говорил это раньше и скажу снова: Советы – враг всего мира. Война будет – скоро тебе придется заплатить мне тысячу долларов, Роберт.

– Не думаю, что мне придется платить, мясорубка будет ужасная.

– Да. Но все же это случится. И здесь Мао прав. Это будет ужас, но не катастрофа. – Брайан Квок с раздражением еще раз надавил на кнопку лифта. И вдруг поднял глаза. – Как думаешь, может, наконец началось вторжение с Тайваня?⁷⁷

– Этот пошлый анекдот? Эта несбыточная мечта? Брось ты, Брайан! Чан Кайши никогда не вылезет с Тайваня.

– Если он этого не сделает, весь мир окажется в большой навозной куче. Если у Мао будет лет тридцать, чтобы сплотить... Господи, ты просто не представляешь. Миллиард роботов? Как был прав Чан, когда пошел на этих коммунистических ублюдков: они – настоящий враг Китая. Они – чума Китая. Господи, если у них будет время, чтобы подвергнуть всех детей опытам, как Павлов...

– Тебя слушаешь, так можно подумать, что ты прихвостень националистов, – спокойно сказал Армстронг. – Остынь, парень, все паршиво в этом мире, и так будет всегда. Но ты, прихвостень капиталистический, можешь в субботу сходить на скачки, в воскресенье принять участие в гонках по холмам, а вокруг полно девчонок, которые только и ждут, чтобы их сняли. А?

– Извини. – Они зашли в лифт. – Этот мелкий ублюдок Мэн вывел-таки меня из равновесия. – Брайан ткнул кнопку верхнего этажа.

Армстронг перешел на кантонский:

– *Твою маму на твои извинения, Братишка.*

– *А твою дрючил бродячий павиан с одним яйцом в ведре свиных нечистот.*

Армстронг просиял.

– Неплохо, Брайан, – похвалил он по-английски. – Совсем даже неплохо.

Лифт остановился. Они прошли по унылому коридору. У нужной двери подтянулись. Брайан тихо постучал.

– Войдите.

Роджеру Кроссу было за пятьдесят, высокий, худой, светлые редящие волосы и маленькие руки с длинными пальцами. На столе все педантично разложено. В таком же идеальном порядке гражданский костюм. Кабинет обставлен по-спартански. Кросс указал вошедшим на стулья. Они сели, а он продолжил изучать содержимое какой-то папки. Через некоторое время закрыл ее и положил перед собой. Обложка была какая-то бесцветная, внутриофисная и самая непримечательная.

– Прибывает американский миллионер и ввозит контрабандой оружие. Весьма подозрительный шанхайский толстосум, раньше занимавшийся наркотиками, бежит на Тайвань. А теперь еще похищена очень важная персона какими-то, прости господи, Вервольфами, и отрезано ухо. И все за девятнадцать часов. Где связь?

⁷⁷ В ходе вооруженных конфликтов между КНР и Тайванем в 1954–1955 и 1958 гг. интенсивному артиллерийскому обстрелу подвергалась территория КНР, а также расположенные рядом и укрепленные националистами острова Мацу и Кемой.

– А разве должна быть связь, сэр? – нарушил молчание Армстронг.

– А разве не должна?

– Извините, сэр, не знаю. Пока.

– Это весьма прискорбно, Роберт, весьма и весьма прискорбно.

– Да, сэр.

– По сути дела, неприятно, в частности, потому, что власти предержавшие уже тяжело дышат мне в затылок. А когда это случается... – Он улыбнулся, глядя на них, и оба еле сдержались, чтобы не содрогнуться. – Я ведь предупреждал вас вчера, Роберт, что могут быть замешаны важные имена.

– Да, сэр.

– Ну а вы, Брайан, мы вот прочим вас на высокую должность. Как думаете, могли бы вы отвлечься от скачек, автогонок, не волочиться за каждой юбкой и приложить часть ваших несомненных способностей к разрешению этой скромной головоломки?

– Да, сэр.

– Прошу вас так и сделать. Очень быстро. Это дело поручается вам. Вам и Роберту, потому что может потребоваться ваш опыт – на последующие несколько дней. Я хочу, чтобы с этим было покончено очень и очень быстро, поскольку у нас образовалась небольшая проблема. Вчера вечером мне позвонил один наш американский друг из консульства. В приватном порядке. – Он указал на папку. – И вот результат. По его наводке мы перехватили оригинал под покровом ночи. Это, конечно, копия. Оригинал был, естественно, возвращен, и... – Он замолчал, подыскивая нужное слово. – Курьер – кстати, непрофессионал – отпущен восвояси. Это доклад, нечто вроде информационного бюллетеня из нескольких подразделов. Все они довольно занимательны. Да. Один из них – «КГБ в Азии». В нем утверждается, что КГБ располагает глубоко законспирированной шпионской сетью, о которой я слышу впервые, под кодовым названием «Севрин», и ее высокопоставленные агенты занимают ключевые позиции в правительстве, полиции, бизнесе – на уровне тайбаней – по всей Юго-Восточной Азии и, в частности, здесь, в Гонконге.

Воздух с шипением вырвался из открывшегося рта Брайана Квока.

– Вот-вот, – словно соглашаясь, произнес Кросс. – Если это правда.

– Вы считаете, это правда, сэр? – спросил Армстронг.

– Вообще-то, Роберт, вам, похоже, придется раньше времени уйти в отставку по состоянию здоровья, ввиду размягчения мозгов. Если бы меня это так не беспокоило, неужели я пошел бы на сомнительное удовольствие обратиться за помощью к департаменту уголовного розыска Коулуна?

– Нет, сэр, виноват, сэр.

Кросс повернул папку лицом к ним и открыл ее на титульном листе. У обоих полицейских перехватило дыхание. Там было написано: *Конфиденциально, только Иэну Данроссу. Написано от руки, доклад 3/1963. В одном экземпляре.*

– Да, – продолжал Кросс. – Да. Впервые мы получаем реальное доказательство того, что у «Струанз» есть своя разведслужба. – Он улыбнулся, глядя в их сторону, и по коже у Квока и Армстронга поползли мурашки. – Мне, конечно, хотелось бы знать, каким образом люди бизнеса умудряются получать доступ к самой разнообразной и весьма деликатной информации, о которой нам должно быть известно намного раньше их.

– Да, сэр.

– Очевидно, этот доклад – один из целой серии. О да, он составлен исследовательской группой номер шестнадцать компании «Струанз» и, судя по дате, подписан три дня назад неким А. М. Грантом в Лондоне.

У Брайана Квока снова перехватило дыхание.

– Грантом? Неужели это Алан Медфорд Грант, сотрудник Лондонского института стратегического планирования?

– Отлично, Брайан, десять очков из десяти. Да. Сам мистер АМГ. Мистер Весьма Важная Персона, мистер советник правительства ее величества по секретной деятельности, который действительно разбирается, что к чему. Вы с ним знакомы, Брайан?

– Я встречал его пару раз в Англии в прошлом году, сэр, когда был на высших офицерских курсах при штабном колледже вооруженных сил. Он представил доклад о последних стратегических разработках по Дальнему Востоку. Блестящий доклад. Просто блестящий.

– К счастью, он англичанин и на нашей стороне. Но при всем том... – Кросс снова вздохнул. – Я, конечно, надеюсь, что на этот раз он ошибся, или же мы сели в лужу гораздо глубже, чем я мог себе представить. Похоже, даже малая часть наших секретов уже перестала быть таковыми. Утомительно. Весьма. А что до этого, – он снова тронул папку, – то я действительно в полном шоке.

– А оригинал доставлен, сэр? – спросил Армстронг.

– Да. Данроссу лично сегодня в шестнадцать восемнадцать. – Голос Кросса стал еще более вкрадчивым. – Слава богу, у меня отношения с нашими заокеанскими коллегами первоклассные. Как у вас, Роберт, но не у вас, Брайан. Вам ведь никогда не нравилась Америка, верно?

– Да, сэр.

– Могу я спросить почему?

– Слишком много болтают, сэр, им нельзя доверять никаких секретов: они громогласные и, как мне кажется, недалекие.

Кросс улыбнулся одним ртом:

– Это не повод портить с ними отношения, Брайан. Возможно, это вы человек недалекий.

– Да, сэр.

– Отнюдь не все из них люди недалекие, нет, отнюдь не все. – Кросс закрыл папку, но оставил ее лежать лицом к ним. Оба уставились на нее как замороженные.

– А эти американцы не сообщили, как узнали о папке, сэр? – не подумав, брякнул Армстронг.

– Роберт, я на самом деле считаю, что коулунская синекюра плохо подействовала на ваш мозг. Может, мне порекомендовать, чтобы вас отправили в отставку по болезни?

Здоровяк вздрогнул:

– Нет, сэр, благодарю вас, сэр.

– Разве мы стали бы выдавать им свои источники?

– Нет, сэр.

– И разве мне сказали бы, имей я глупость спросить такое?

– Нет, сэр.

– Вся эта история очень неприятна и плохо сказывается на репутации. Моей. Вы согласны, Роберт?

– Да, сэр.

– Прекрасно, это уже что-то. – Кросс откинулся на спинку стула и принялся раскачиваться на нем, впившись в офицеров глазами. Оба полицейских терялись в догадках о том, кто мог дать наводку и почему это было сделано.

«ЦРУ не могло, – думал Брайан Квок. – Они бы сами перехватили доклад, им не нужно, чтобы Эс-ай выполняла за них грязную работу. Эти безмозглые ублюдки пойдут на что угодно, наступят кому угодно на любимую мозоль, – с отвращением думал он. – Если не они, то кто?

Кто?

Должно быть, этот человек работает на разведку, но сам не мог решиться на перехват, и он поддерживает хорошие отношения с Кроссом. Чиновник из консульства? Возможно. Джонни Мисхауэр из разведки ВМС? Это не по его части. Кто? Не так-то много... А-а, фэбэ-эровец, протеже Кросса! Эд Лэнган. Так. Каким образом Лэнган мог узнать о папке? Информация из Лондона? Возможно, но у ФБР там нет офиса. Если наводка из Лондона, об этом, вероятно, должны были прежде всего знать Эм-ай-5 или Эм-ай-6, а они постарались бы получить материал из самого источника, отправить его нам по телексу и устроить взбучку за то, что мы бездействуем на своих собственных задворках. Садился ли самолет, на котором прибыл курьер, в Ливане? Насколько я помню, там есть человек ФБР. Если информация поступила не из Лондона и не из Ливана, значит она должна была поступить из самого самолета. А-а, летевший вместе с курьером – свой информатор, который и обратил внимание на папку или на ее обложку? Кто-нибудь из экипажа? *Айийя!* Какой авиалинии самолет – „Трансуорлд эрлайнз“ или „Пан-Америкэн“? У ФБР самые разнообразные связи, тесные связи с самыми разными и заурядными компаниями, и они правильно делают. О да. Есть ли у нас рейс в воскресенье? Есть. „Пан-Америкэн“, время прибытия двадцать тридцать. Пока доберешься до отеля, уже слишком поздно, чтобы доставлять вечером. Точно».

– Странно, что курьер прибыл на рейсе «Пан-Америкэн», а не «Бритиш оверсиз» – последний гораздо лучше, – сказал он, и ему было приятно, что он пришел к решению таким окольным путем.

– Да. Я тоже так подумал, – спокойным голосом произнес Кросс. – Он поступил ужасно не по-британски. Конечно, «Пан-Америкэн» всегда производят посадку вовремя, чего в последнее время нельзя сказать о бедной старушке «Бритиш оверсиз». – Он одобрительно кивнул Брайану. – Снова отлично. Вы лучший ученик в классе.

– Благодарю вас, сэр.

– Какие еще будут соображения?

Брайан Квок помолчал.

– В благодарность за наводку вы согласились предоставить Лэнгану точную копию этой папки.

– И?

– И жалеете об этом.

– Почему? – вздохнул Кросс.

– Это я узнаю лишь после того, как прочитаю папку.

– Брайан, вы сегодня просто превзошли себя. Хорошо. – Кросс рассеянно вертел в руках папку, и оба полицейских знали, что он дразнит их, хотя ни тот ни другой не понимал зачем. – В остальных разделах этого доклада есть парочка любопытных вещей. Имена – такие, как Винченцо Банастасио... Места встреч – такие, как Синклер-гауэрс... Кому-то из вас что-нибудь говорит название «Нельсон трейдинг»?

Оба покачали головой.

– Все это весьма любопытно. Коммунисты справа, коммунисты слева... – Его взгляд стал еще более безжалостным. – Похоже, мерзавец есть и в наших собственных рядах, возможно, чин у него не ниже суперинтендента.

– Но это невозможно! – невольно вырвалось у Армстронга.

– Как долго вы работали у нас в Эс-ай, милый мальчик?

Армстронга чуть не передернуло.

– Два срока, почти пять лет, сэр.

– Считалось, что у Советов не может быть шпионов вроде Зорге или Кима Филби. Боже мой, Филби! – Неожиданное бегство в советскую Россию этого англичанина, который одно время считался одним из лучших агентов Эм-ай-6 – британской военной разведки, призванной проводить разведывательные и контрразведывательные операции за границей, – в

январе того года потрясло весь западный мир. В частности, потому, что до недавнего времени Филби работал первым секретарем британского посольства в Вашингтоне⁷⁸ и отвечал за связь с министерством обороны, госдепартаментом США и ЦРУ по всем вопросам безопасности на самом высоком уровне. – Каким образом, во имя всего святого, он мог быть советским агентом все эти годы и оставаться вне подозрений – это же невозможно, верно, Роберт?

– Да, сэр.

– И тем не менее это оказалось возможным, и он долгие годы имел доступ к нашим самым сокровенным тайнам. Во всяком случае, с сорок второго по пятьдесят восьмой год.⁷⁹ И где он начал свою шпионскую деятельность? Господи помилуй, в Кембридже в тридцать первом году. Его завербовал в партию другой архипредатель – Берджесс, тоже из Кембриджа, и его приятель Маклин, чтоб им обоим вечно гореть в аду. – Несколько лет назад эти два высокопоставленных сотрудника «форин офис», министерства иностранных дел (и тот и другой во время войны служили в разведке), неожиданно бежали в Россию под носом у британских контрразведчиков, и последовавший скандал потряс Британию и весь блок НАТО. – Кого еще они завербовали?

– Не знаю, сэр, – осторожно сказал Армстронг. – Но можно поспорить, что это все высокопоставленные лица из правительства, «форин офис», университетской среды, прессы, особенно прессы, и, как Филби, они внедрились чертовски глубоко.

– Когда имеешь дело с людьми, нет ничего невозможного. Ничего. На самом деле люди – это ужас что такое. – Кросс вздохнул и слегка поправил папку. – Да. Но ведь быть сотрудником Эс-ай – привилегия, верно, Роберт?

– Да, сэр.

– Туда ведь должны пригласить, верно? Туда нельзя записаться добровольцем, так ведь?

– Нельзя, сэр.

– Я ведь никогда не спрашивал, почему вы не остались с нами, верно?

– Нет, сэр.

– Ну и почему?

Издав про себя стон, Армстронг глубоко вздохнул:

– Потому что мне нравится быть полицейским, сэр, а не рыцарем плаща и кинжала. Мне нравится работать в уголовном розыске. Мне нравится, когда я могу перехитрить преступника, настичь и арестовать. И затем доказать его виновность в суде в соответствии с законом, сэр.

– Ага, а мы в Эс-ай этого не делаем? Нас не интересует законность или все такое, а только результаты?

– У Эс-ай и Эс-би разные правила, сэр, – осторожно проговорил Армстронг. – Без них колония оказалась бы в крайне затруднительном положении.

⁷⁸ Филби был офицером по связи между британскими спецслужбами и ЦРУ, а пост первого секретаря британского посольства в Вашингтоне занимал другой член «кембриджской пятерки» – Маклин, о котором говорится ниже.

⁷⁹ Филби стал сотрудником Эм-ай-6 в 1940 г. К концу войны возглавил контрразведывательные операции. В 1949 г. был послан в Вашингтон. После бегства Берджесса и Маклина в 1951 г. попал под подозрение. В 1955 г. был уволен из Эм-ай-6. До своего бегства в 1963 г. работал журналистом в Бейруте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.